

**ЭДУАРД
ГЕВОРКЯН**

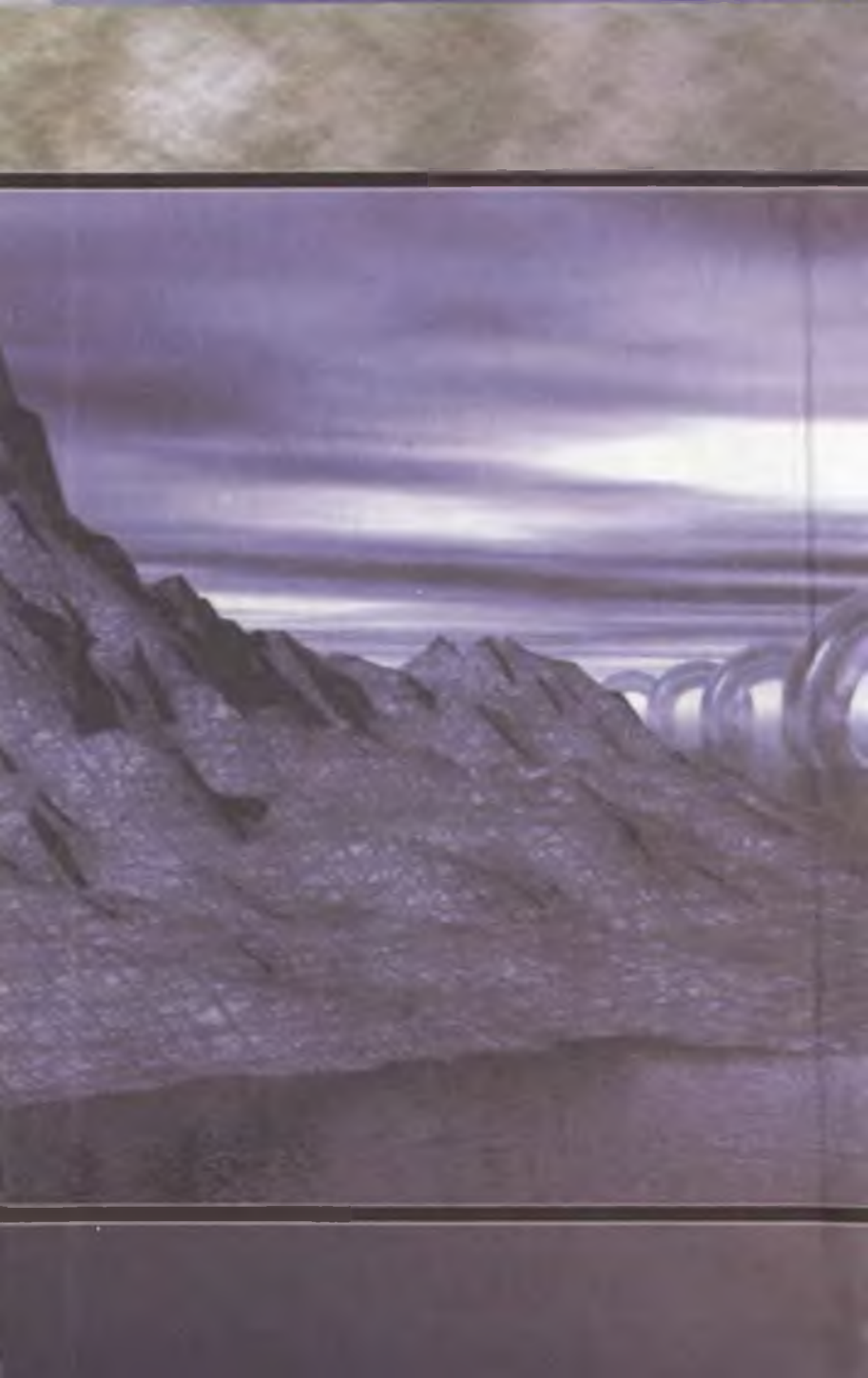
**ПРАВИЛА
ИГРЫ БЕЗ ПРАВИЛ**

**ПРАВИЛА
ИГРЫ БЕЗ ПРАВИЛ**

**ЭДУАРД
ГЕВОРКЯН**

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

А А Б И Р И И Т

З В Е З Д Н Ы Й

**ЭДУАРД
ГЕВОРКЯН**

**ПРАВИЛА
ИГРЫ БЕЗ ПРАВИЛ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО **АСТ** • МОСКВА

2001

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник А.Е. Дубовик

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Геворкян Э.

Г27 Правила игры без правил: Фантаст. повести и рассказы. — М.:
ООО «Издательство АСТ», 2001. — 384 с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 5-17-004951-X

Это — лучшие повести и рассказы Эдуарда Геворкяна. Фантастические донельзя. Парадоксальные — и парадоксально интересные. Произведения, которые читаются на одном дыхании и — ЗАСТАВЛЯЮТ — возможно, не сразу, — снова и снова ЗАДУМЫВАТЬСЯ О ПРОЧИТАННОМ.

Потому что это — «Черный стерх». И осатаневшее от жестокости бытие разрушает для мальчишки мир обычный — и топит его в водовороте мира иного...

Потому что это — «До зимы еще полгода». Иной и странный взгляд на историю «Черного стерха».

Потому что это — «Правила игры без правил». И кто-то — ЗАЧЕМ-ТО — похищает подростков, успевших научиться жить без жалости. Ибо молодые и безжалостные воины — всегда в цене...

И — многое, многое еще.

ПРАВИЛА ИГРЫ БЕЗ ПРАВИЛ

Глава первая

Цепочка дорожных столбиков таяла с каждой минутой — напелзал туман. Дорога исчезла, фары высвечивали только два расплывчатых овала. Я медленно катил вперед, потом осмелел, поддал газу и чуть не проскочил развилку.

Видимо, здесь раньше стоял шлагбаум. Расплющенный узел поворотной штанги был вмят в асфальт, словно по нему проехался многотонный каток.

Через несколько минут после развилки лучи фар скользнули по бетонной стене и уперлись в решетчатые ворота. Я вышел, провел рукой по стене, но звонка не нашел.

Звуки клаксона глохли в тумане, сквозь щели ворот ничего нельзя было разглядеть.

Меня вообще-то ждали к утру, да я и не рассчитывал на торжественную встречу. Но у ворот таких заведений полагается выставлять охрану или хотя бы крепкого привратника.

Ночевать в машине не хотелось, поворачивать обратно к мотелю — тем более. Несколько минут я топтался у решетки, сваренной из толстых прутьев, потом достал фонарь. Почти к самой стене подступали кусты, трава была вытоптана. Я снова посигналил. Подождал немного, но впустую. Может, в самом деле туман виноват или здешние обитатели спят очень крепко.

Еще бы не спать за такой надежной оградой! Я выругался и злобно пнул решетку.

Ворота ржаво скрипнули и медленно распахнулись.

Браво! И это вот называется строгой изоляцией!

Минуту или две стоял, ожидая прожекторов, сирены, окрика, на худой конец. Пустой номер. Не дождавшись бдительной охраны, взял с заднего сиденья портфель, сунул в карман плаща коробок с электроникой и, обойдя врытый перед воротами рельс, пошел по дороге, подсвечивая фонарем. Возле указателя свернул на выложенную широкими плитами тропу.

Тропа кружила меж больших деревьев, некоторые росли прямо на ней, в бетонных кольцах. Я обошел ствол, уперся в другой и обнаружил, что это не дерево, а коренастый мужчина в долгополом плаще.

Я полез в карман за документами. Но в тот же миг рука оказалась в плотном захвате. Возникший справа от меня человек в светлой куртке деловито вывернул и вторую руку, сопя при этом мне в ухо. Захват был крепким, но непрофессиональным. Хороший удар каблуком по коленной чашечке... Впрочем, не стоит раньше времени обострять отношения.

— Послушайте, — миролюбиво сказал я, — бумаги в правом кармане.

— Что — в правом кармане? — переспросил тот, кто был в плаще.

— Видите ли, я некоторым образом инспектор по школам и приютам. Вы должны были получить уведомление.

Человек в светлой куртке отпустил меня, буркнул что-то невнятно и исчез.

— Извините! — сказал мужчина в плаще. — Вас ждали к утру. Посторонние здесь не ходят, у нас режим, так что некоторые меры предосторожности вполне уместны.

— Понятно, — согласился я. — Вы не проводите к директору, если он не спит, разумеется?

— К директору? Да хоть сейчас. Собственно говоря, я директор. Пойдемте, что нам здесь стоять, в сырости!

Он повернулся и быстро пошел в темноту. Я подобрал фонарь и, стараясь не отставать, шел за ним, молча удивляясь. Режим, видите ли! Ворота не запирают, а директор сам ловит посторонних, как последний охранник.

Тропа вывела на открытое место. Здание школы возникло сразу, черным квадратом. Кое-где сквозь узкие вертикальные щели пробивался слабый свет. Когда мы подошли к двери, директор лягнул связкой ключей и завозился у замка. Мне показалось, что дверь была открыта и ключами он гремит для вида.

В длинном светло-зеленом коридоре было пусто. На дверях по обе стороны ни надписей, ни номеров. Коридор ломался под прямым углом и выводил к лифту. Я знал, что воспитатели и часть охранников живут на первом этаже, на остальных двух — воспитанники.

Директор остановился у ближайшей к лифту двери, толкнул ее и вошел. Я последовал за ним.

Стол, несколько кресел и шкаф в полстены — вот все, что было в комнате. Директор разместился в кресле у заштопленного окна и начал вываливать на стол папки, бумаги, извлек наконец толстую прошнурованную книгу и придвинул ее ко мне.

— Вот, — облегченно вздохнул он, — можете начинать.

— Прямо сейчас? — спросил я, глянув на часы.

Он поднял голову, кашлянул и засмеялся.

— Совсем заработался. Не хватает рук, не хватает средств, бюджет трещит, дотации мизерные. Все приходится делать самому.

Улыбнувшись, я слегка отодвинул от себя бумаги.

— Да! Сейчас вас проводят в гостевую комнату. Только у нас, извините, без роскошеств. Мы бы успели подготовить комнату получше, но ваш неожиданный визит...

— Вы не беспокойтесь, — я перебил его, — это не тотальная ревизия, а календарная инспекция по выборочным школам. Иногда федеральные власти вспоминают, что в их ведомстве не только больницы и тюрьмы, но и спецшколы. Я не собираюсь потрошить ваши бухгалтерские книги, да это и вне моей компетенции. Пару дней побуду здесь, полистаю бумаги для отчета и... все.

Вздоха облегчения я не услышал. Директор испытующе глядел на меня. Я зевнул и тут же почувствовал, что в комнате появился еще кто-то. Но оборачиваться не стал.

— Проводите инспектора в гостевую, — сказал директор.

— Там кондиционер не работает, — хрипло ответили ему.

Теперь я оглянулся. Лысый верзила в форме охранника.

— Как это не работает?! Где Пуцэр?

— Спит.

— Как это спит?!

— Ну... лежа.

— Бездельники! — мягко сказал директор. — Всех уволю.

Пока они выясняли, кто, чем и когда должен заниматься, я осторожно покопался в кармане, еще раз зевнул и аккурат-

но всадил «кнопку» в ножку директорского стола. Наконец директор уговорил Лысого разбудить Пупера и, в свою очередь, уговорить его включить кондиционер. Лысый пообещал директору прислать сюда Пупера, чтоб тот лично объяснился, мотнул головой, приглашая меня следовать за ним, и скрылся за дверью.

Директор задумчиво жевал губами, глядя вслед Лысому.

Я пожелал ему спокойной ночи и, не дожидаясь ответа, вышел. Лысый уже заворачивал за угол, когда я догнал его.

— Чертовский туман, не правда ли? — вежливо сообщил я ему.

— Туман? — переспросил он.

— Да-да, туман.

— Ах туман... — задумчиво протянул он, и это было все, что мне довелось от него услышать.

Он молча провел до двери и, не пожелав спокойной ночи, удалился.

Комната действительно была без роскошеств. Складной стол, стулья, узкая кровать, застеленная простыней и одеялом. Окно, шторы... Приподняв штору, я обнаружил за ней металлические ставни. Затем я достал авторучку и прошелся по всем местам, куда только можно воткнуть микрофоны. Датчик не мигал — пусто. Я обшарил почти всю комнату, когда до меня дошел идиотизм этого занятия — вряд ли они будут записывать скрип диванных пружин!

Быстро раздевшись, я лег. Пусть они благородно не подслушивают, но я не собираюсь состязаться с ними в благородстве. Вынув из кармана пиджака зажигалку, я подкрутил колесико и прижал к уху, однако, сколько ни вслушивался, ничего, кроме слабого звука, напоминающего храп, не услышал.

Я представил себе, как директор спит за столом, упав лицом в бумаги, хмыкнул, спрятал зажигалку и погасил свет.

Утром проснулся, дрожа от сырости и холода. Видимо, лысому так и не удалось разбудить лентяя Пупера. Я лежал, кутаясь в негреющее одеяло.

В дверь негромко стукнули.

— Войдите, — сказал я.

В дверном проеме возник директор.

— Доброе утро!

— Доброе... ага! — сказал он и внимательно посмотрел на мой пиджак.

Судя по выражению его лица, он пытался вспомнить, кто я такой и что здесь делаю.

— Завтрак через двадцать минут, — наконец сказал он, закончив осмотр моей одежды. — Я зайду за вами.

— Весьма признателен, — ответил я, подтянув сползающее одеяло.

Директор вышел. Минуту или две я уговаривал себя подняться, а потом вскочил и забегал, стуча зубами, по комнате, соображая, где здесь туалет. Наконец догадался отодвинуть настенное зеркало. За ним обнаружилась ниша с умывальником и прочими нехитрыми удобствами. Приведя себя в порядок, я разложил по карманам магнитофон, обойму с «кнопками», за ними последовали другие мелкие, но полезные устройства.

Директор пришел точно через двадцать минут.

— Мы завтракаем вместе с воспитанниками, — сказал он, — на втором этаже.

Перспектива совместного завтрака с бандой правонарушителей меня не радовала. Представляю себе такой завтрак:

шеренги затянутых в черную кожу надзирателей, стоящих над головами понурых, забитых оливеров твистов и поигрывающих, скажем, кнутами...

— Это наша традиция, — заметил без всякой причины директор, когда мы подходили к лифту, — совместный завтрак. Такая вот традиция. Обед и ужин отдельно, но завтрак — вместе. Делинквенты необычайно чувствительны...

Второй этаж в отличие от спартанской обстановки первого бил в глаза вызывающей роскошью. Большой холл, ковер с длинным ворсом во весь пол, стены облицованы под резной дуб, в углу цветной телевизор, одна из последних моделей, настенный двухметровик. Если в такой холл запустить десяток нормальных подростков без отклонений и с приличной родословной, то через неделю, ну, через месяц они превратят этот салон в солдатский нужник. А тут не простые подростки. Так что же, в самом деле здесь наводят порядок затянутые в кожу и с кнутами?

Директор глянул на часы.

— Все уже в столовой.

Мы пересекли холл и вошли в столовую.

Столовая тоже впечатляла!

Хрустальных подвесок, правда, не было, но стекла и никеля хватило бы на приличный ресторанчик. Чистота, блеск, и даже подгорелым жиром не пахнет. Подростки сидели за длинными столами и чинно брали с ленты транспортера подносы с тарелками. Воспитатели и охранники сидели рядом и брали подносы с другой ленты. На нас никто не обратил внимания. Директор подвел меня к столу воспитателей, взял два подноса и один придвинул ко мне.

С едой тоже было все в порядке — свежее масло, тосты, джем, чай крепкий и сладкий, а печенье в меру рассыпчатое.

Искося я наблюдал за подростками. Четыре группы по десять — двенадцать человек, причем группы собраны по возрасту: за крайним столом взрослые парни, а ближе к нам — почти дети. Странно, обычно группы комплектуются по категориям склонности к правонарушениям.

После завтрака директор повел меня по этажу. В комнатах для занятий никого не было. «Рано еще, — пояснил директор, — а вот, кстати, библиотека...» Классы были чистые, мебель целая, а библиотека большая. Я вспомнил свою бесплатную среднеобразовательную руину, которой муниципальные подачки помогали, как самоубийце страховка, вспомнил грязь, ободранные столы и заляпанные стены...

На обратном пути я заглянул в спортзал и опешил: четыре подростка в присутствии преподавателя и поощряемые его азартными криками избивали друг друга палками. Вскоре я заметил, что удары не достигают цели или ловко парируются.

— Вы уверены, что палочная драка пойдет им на пользу? — нерешительно спросил я директора.

— Несомненно! Во-первых, это ведет к сублимации агрессивных влечений. Кстати, они еще проходят курс карате. А во-вторых, появляется уверенность в себе и, как следствие, подавляется стадный инстинкт. Понимаете, у них исчезает стремление объединяться в группы. Разумеется, все занятия идут под строгим контролем, у нас работают очень опытные преподаватели.

Я покачал головой, но ничего не сказал. Сублимация так сублимация. Ну а если взбунтуются, как в Гаранском интернате? Пулеметов не хватит. Впрочем, это уже заботы директора. Как говаривал мой хороший знакомый старина Бидо,

когда его вытаскивали из-под моста: в своем хлеву и свинья — королева.

Мастерские были оборудованы великолепно. Станки, верстаки и все такое... В технике я не очень разбираюсь, но судя по внешнему виду, у них не старый утиль и не бросовый товар.

Несколько подростков увлеченно собирали большое устройство с толстой трубой на металлической треноге. Присмотревшись, я с удивлением обнаружил, что у них вырисовывается полевое безоткатное орудие.

— Это что, — ткнул я пальцем в ствол, — тоже для сублимации?

Директор мягко взял меня за локоть и вывел в коридор. Он втолковывал мне о врожденной агрессивности, об избытке энергии, снова о сублимации... Слушая его вполуха и поддакивая, где надо, я вспоминал, как однажды выклянчил у старшего брата, тогда еще живого, подержать его тяжеленный «люгер», и как я с дворовой мелюзгой ползал по мосту через Занагу, подбирая автоматные гильзы после стычки двух банд, а пределом мечтаний у всей нашей мелкой компании был «глостер» с удлиненным стволом. Может, не так уж и глупо они здесь придумали с этой пушкой, подумал я. Дай нам кто-нибудь в те годы вволю набабахать из такой пушки, впечатлений хватило бы надолго и многие из нас не сразу бы начали лить кастеты и точить напильники.

— Надеюсь, — перебил я директора, — вашу артиллерию будут испытывать в пустынном месте? Жертвы среди мирного населения для успешной сублимации, полагаю, не обязательны.

— О да! — улыбнулся директор. — У нас под боком ущелье глубокое и глухое, рядом с бывшим полигоном. На сам

полигон мы не забираемся, туда во время войны, говорят, и какую-то химию сбрасывали. Разумеется, снаряды холостые, но грохот от них порядочный, а мирному, как вы говорите, населению ни к чему знать о наших играх и забавах. Не так поймут.

— А ваши подопечные?

— Ребята в восторге! Масса впечатлений! Вторая группа уже месяц ждет испытаний, и представьте себе — ни одного нарушения. Дело в том, что за три замечания мы лишаем права присутствовать на стрельбах.

Может, они и перегибают палку со своими методами, но если эти железки действительно помогают держать их в узде, то черт с ней, с пушкой. К тому же вполне в духе добрых славных традиций. Для чего же безоткатка, как не для воспитания? Не собираются же они, в самом деле, штурмовать Долину?

Обход мы закончили в полдень. Если утром еще я сомневался — не наведен ли лоск специально к моему приезду, то теперь был уверен в обратном. Мелочи вроде ухоженных цветов и утопанных ковровых дорожек говорили о давнем и стабильном порядке.

Миссия моя с формальной стороны была выполнена. Перебрать бумаги, просмотреть на выбор пару досье — можно смело писать в отчете, что в школе для подростков-делинквентов № 85 все в порядке. Идеальном!

Оставалась одна неувязка, и необходимо было ее увязать. Директору я сказал почти правду. По крайней мере ни на букву не отойдя от текста сопроводительного листка. Действительно, я инспектор. Но только не федеральный, а федерального бюро, а это несколько иное, не муниципальное ведомство. И ко всему еще инспектор не по несовершенно-

летним, а по расследованию... как сказано в Уложении, «преступной или могущей стать преступной деятельности».

Не мог же я сразу после завтрака заявить директору, что у него в школе неладно, и небрежно спросить, почему за последние двенадцать лет ни один из выпускников не был затребован родителями? Причем это всего лишь половина гнилого апельсина, как сказал старина Бидо, когда на очередном допросе я пообещал упечь его за бродяжничество, поскольку ни в чем серьезном уличить не мог. Дело не в том, что родители некоторых были неизвестны, а других лучше и не было бы вовсе. Хуже другое — ни одного из выпускников не удалось обнаружить не только на территории графства, но и во всей конфедерации. Возникло самое естественное предположение — выходя из школы, все они дружно меняли фамилии и жили по чужим документам.

А вот это попахивало если не заговором, то чем-то очень похожим на заговор!

Рассортированные бумаги лежали аккуратными стопками. Директор широким жестом указал на свое кресло и, пообещав зайти через час, вышел. Я рассеянно полистал платежные ведомости, переложил, не глядя, слева направо стопки учетных карточек, наконец добрался до списка учащихся. Так-так, сорок шесть человек: Цезар Коржо, Хач Мангал, Стив Орницц, Пит Джджер...

Пит Джджер. Тогда он сидел перед нами на жесткой скамье отделения, вцепившись трясущимися руками в барьер, весь перекошенный, с идиотским смехом исходил слюной и соплями. Его подобрала патрульная машина в районе Чарбаха у дверей какого-то притона. Немного придя в себя, он назвал свое имя, а когда дежурный составил акт и запол-

нил форму на принудительное лечение, то компьютер, в который ввели данные и отпечатки пальцев, неожиданно включил магнитный замок и заблокировал выход.

Дежурный запросил информацию и вызвал следователя. Следователь и распечатка на Пита пришли одновременно. Судя по бумаге, он сейчас должен был находиться в спецшколе, за триста миль отсюда и под надежной охраной.

В тот день, а вернее, уже вечер, я засиделся в своей конторе и заехал с патрульными в отделение выпить кофе и перекусить — третий час ночи, а утром, в субботу, я собирался вылететь на Побережье, разобраться наконец с женой, в каких отношениях мы с ней находимся и долго ли эта неопределенность будет тянуться. В буфете я взял несколько бутербродов, кофе не было, пришлось запить минералкой. Когда я пошел к выходу, меня чуть не сшиб дюжий сержант, выскочивший в коридор с криком: «Где док?»

За ним из комнаты несся дикий вой, сопровождаемый глухими ударами.

Дежурный выкручивал руки долговязому подростку, а тот вырывался и бился головой о барьер.

— Позвольте, — сказали за моей спиной.

Полицейский доктор отпихнул меня от барьера, выхватил шприц и ловко вкатил в руку буйствующего несколько кубиков чего-то желтого. Подросток обмяк и привалился к стене. Дежурный вытер пот со лба, кинул фуражку на стол и уставился на меня. Я показал ему свою карточку.

— Что с ним?

— Взбесился, молокосос, — обиженно сказал дежурный. — Его притащили сюда в сиську пьяного, привели в чувство, а тут выяснилось, что ему в спецшколе полагается быть. Только спросил про школу, а с ним истерика. Следователя укусил, сейчас

ему руку перевязывают. Этот, как его, Пит Джеджер, беглец, по всей видимости.

Юнец, услышав свое имя, вздрогнул и открыл глаза.

— Послушай, парень, — мягко сказал я, — тебя никто не тронет и плохого не сделает. Тебя что, обижали в школе?

Он вдруг вскочил и уставился совершенно круглыми глазами мне за спину, словно увидел там привидение, и не одно к тому же. Когда я невольно оглянулся, он с криком «сволочи!» боднул меня в живот и перескочил через барьер. В дверях его остановил кулак сержанта.

— Зря ты его так, — сказал я, приведя дыхание в норму.

— Виноват, — равнодушно ответил сержант и пошевелил носком ботинка голову лежащего на полу Дджеджера. — Минут через пять очнется, а если водой окатить, то сразу в себя придет.

И вот Пит Джеджер косо сидел перед нами, трясся и лепетал что-то, закатывая мутные глаза, а пока дежурный выяснял, в какую клетку его сунуть до утра, я прикидывал, успею ли поменять утренний десятичасовой билет на ночной рейс, чтобы не тратить время днем.

После того как раскисшего подростка отволокли в камеру, я с попутным патрулем уехал в аэропорт.

Жену я не застал. Придавленная тяжелой китайской вазой записка гласила, что у нее репетиция, она извиняется, но всю волокиту придется отложить на месяц, до премьеры, и что мне надо поговорить с сыном, из школы пришла жалоба — плохо посещает занятия.

Сына тоже не было дома. В его комнате все как обычно — стены оклеены фотоблоками, в углу неизменный хаос. Травкой не пахло, упаковок из-под таблеток тоже не было видно, значит, «колесами» не балуется. Уже славно, а что не посещает

занятий, так еще неизвестно, поможет ли ему образование выбиться на местечко потеплее. Мне лично оно только мешало. Ну, об этом ему говорить не надо. Напротив, несколько слов об упорстве, настойчивости, несколько общеизвестных примеров... потом незаметно сунуть ему в карман десятку и проследить, чтобы он незаметно не сунул ее обратно.

Зачем этой суке понадобился бракоразводный процесс перед премьерой, думал я, возвращаясь с Побережья. Уже на посадке сообразил, что все просто до тошноты — она даже из этого хотела извлечь выгоду: бесплатная реклама, покинутая жена, словом, фильму успех обеспечен!

Утром меня вызвал Шеф и подозрительно негромким голосом велел ознакомиться с новым делом. Судя по его вежливому тону, он опять поссорился с секретаршей и искал, на ком выместить досаду. Ну, от меня повода не дожидется.

Я взял папку и тихо вышел. Минут через пять он вызвал меня по селектору.

— Ты забыл отчитаться по делу Ванмеепа, — сказал он.

— Дело закрыто и передано в суд.

— Вот и славно! Тогда приступай. Ознакомься и приступай.

— Слушаюсь! — рявкнул я и, кажется, шелкнул каблучками.

Выходя, я услышал его довольное хмыканье. Такая вот жизнь: венцу творения приходится маневрировать, ловчить и при этом блюсти остатки собственного достоинства, а когда это невозможно, то не терять хотя бы чувства юмора.

В кабинете я взялся за папку. По делу проходил недавний знакомец, Пит Джеджер. В памяти была еще свежа его истерика в отделении. Вначале я не понял, почему на него

завели дело, и чем больше вчитывался, тем меньше понимал. К делу прилагались показания Пита, из кармашка торчала кассета допроса. Протокол в основном состоял из отдельных слов, многоточий и ремарок типа «допрашиваемый молчит», «допрашиваемый истерично хохочет» и т. п. На все вопросы о причинах побега он отмалчивался или плакал, а когда ему сказали, что позвонят в школу, — потерял сознание.

Прослушав кассету, я ничего нового не выяснил. Между всхлипыванием, плачем и насадным кашлем он как заведенный повторял, что в школе ему будет крышка, что там нечисто и что Колин, Хенк и Етрос все расскажут, если вырвутся, а если не вырвутся, то им тоже крышка с вениками. Заключение медэксперта — типичный случай весьма запущенного параноидального невроза, возможно, имело место употребление психотомиметиков.

Не помню, что меня тогда насторожило, но перед тем как трясти Пита, я запросил материалы по школе, провел выборочную проверку родителей, копнул глубже... и пошло-поехало!

И вот я за столом директора перебираю большие коленкоровые папки с личными делами. Блага цивилизации в виде электронной картотеки сюда еще не дошли. Или просто денег на них не хватает. Ладно. Так, досье Джеджера: родился в Остоне, Норт-Энд, семья среднеблагополучная, учился в бесплатной районной, связался с компанией «пиратов». Интеллект — 94. Агрессивность — 115. Родился, учился. Школьный рапорт. Не окончил, направлен в распределитель за избивание учителя. Плюс к этому мелкие кражи, поджог мусоропровода в офисе табачной компании. Акт о направлении в

спецшколу, акт о приемке, запись врача — медкарта прилагается, ежемесячный контроль... Вот оно!

Жирная отметка за этот месяц обозначает, что он сейчас мирно занимается в библиотеке или там в мастерских, а не сидит в следственном карантине. И вообще он не в бегах, а тихо дерется на палках или плавно сублимирует агрессивность в нечто дальнобойное. Судя по документу, так оно и есть, и чья-то подпись рядом. Ладно, допустим, любой проходец на допросе мог себя выдать за Джеджера. Только вот с пальчиками плохо, отпечатки все-таки его, Пита, и находиться ему здесь никак не положено. Так что отметка о контроле липовая и настало время брать злодеев за гузно.

С медкарты и начнем, аккуратно, без нажима. И не сейчас, а после обеда.

Я снова взялся за список: вот и Хенк Боргес, а вот Колин Кригльштайнер, еще Колин, только Ливере. Зато Етрос у них один.

Листая инвентарную книгу, я обнаружил в спортивном снаряжении два надувных спасательных плота. Странно. Насколько мне известно, самый крупный водоем поблизости — это пруд с лебедями в муниципальном парке Долины.

Не дождавшись директора, я ушел к себе в комнату. Войдя, остановился на пороге — вещи лежали не так. Портфель ближе к краю стола, а стул вдвинут до упора. Что же искали гости дорогие? Все свое ношу с собой, особенно в чужих владениях.

Я проверил еще раз комнату. Чисто. Сел на кровать, достал зажигалку и прошелся по всем «кнопкам», которые распихал на втором этаже под директорские речи о сублимации. Чувствительность на пределе, но везде пусто! Только один

микрофон брал странные звуки, похожие на мелодичное похрюкивание.

Сунув приемник в карман, я встал. И замер. Мне послышался слабый шорох, идущий из-под кровати.

— Ну, вылезай! — спокойно сказал я и присел.

Под кроватью никого не было.

После обеда я шел по первому этажу. Никого нет в коридоре. У входа на стене появился большой глянцевый плакат с сочной мулаткой, роскошные формы которой призывали: «Посетите Гавайи!»

«Непременно посетим», — пробормотал я и вышел во двор.

Школа располагалась на склоне горы. Сверху нависали огромные замшелые валуны, а между ними торчали редкие изогнутые стволы деревьев. Парк шел вниз, дорога, по которой я вчера добирался, усыпана листьями. Вокруг дома аллея, скамейки.

Ночью шел дождь. Спортплощадка за школой раскисла, лужи маскировались опавшей листвой. Площадка была врезана в склон, двери, что виднелись в самом ее конце, вели, очевидно, в раздевалку и душевые, сооруженные в горе.

Так, волейбол, баскетбол, регби... а это что? Я остановился перед массивным сооружением из стальных труб, автопокрышек, цепей и досок. От несильного ветра дикое сооружение угрожающе раскачивалось и скрипело, цепи звенели, мокрые доски медленно поворачивались... Похоже на кинетическую скульптуру. Вдруг я физически ощутил, как чей-то взгляд жжет мой затылок. Не оборачиваясь, я полез в карман, вынул платок и уронил его.

Хватило секунды, чтобы осмотреться. Ни на площадке, ни у дома никого не было. Окна закрыты ставнями даже днем! Если кто-то и смотрел на меня, то только из школы. Это хоть понятнее, чем равнодушное безразличие в столовой.

Начинала раздражать неестественность происходящего. Если здесь в самом деле нечисто, то почему никто не трется рядом, пытаюсь сбить с толку, запугать или просто купить? Или у них и намыленный муравей в щель не пролезет, как говаривал старина Бидо, или это блеф.

Даже самого заурядного инспектора надо ублажать, от его доклада зависит размер куска, отхватываемого из кармана налогоплательщика в школьную казну.

Туча, цеплявшаяся за вершину, неторопливо сползла вниз. Закапал мелкий дождь. Не знаю, как насчет муравья, а вот мне пора вползать в дело и переходить от впечатлений к фактам, от фактов же к выводам.

— С бумагами, — сказал я директору, — все в порядке. Теперь для отчета надо побеседовать...

Рассеянно поводил пальцем и ткнул наугад.

— Скажем, вот этот. Селин Гузик.

— Селин? Минутку!

Директор перебрал дела, сунул мне досье Гузика и со словами «сейчас приведу» вышел. Глядя вслед, я задумался: что же не складывается в этой картинке? Тут же сообразил — директор идет за воспитанником, как последний охранник. Мог ведь по селектору вызвать! Странные у них тут порядки.

Итак, пусть для начала Гузик. Шестнадцать лет. Состоятельная семья. Развод. Остался с отцом. Шайка «Ночные голуби». Драки, мелкие кражи, участие в Арлимских беспорядках.

Интеллект — 90. Агрессивность — 121. Характеристики, мед-карты, контрольные отметки и т.п.

За дверью засмеялись, потом быстро вошел директор, а с ним высокий черноволосый парень. На правом рукаве на-шита розовая единица.

— Инспектор побеседует с тобой, Селин, — сказал ди-ректор, а мне показалось, что он охотно добавил бы: «если ты не имеешь ничего против» или нечто в этом роде.

— Здравствуйте, — вежливо сказал Селин.

— Привет, — ответил я, — садись.

Директор вышел. Я впился глазами в лицо Селина, пыта-ясь уловить облегчение или растерянность, но ничего не за-метил.

— Если хочешь, — предложил я, следя за ним, — выйдем во двор.

— Так ведь дождь! — улыбнулся Селин.

— Ну ладно. Есть претензии, жалобы?

— А как же, — заявил он (я встрепенулся), — есть пре-тензии!

Уткнувшись в бумаги и не глядя на него, я спросил:

— Чем недоволен?

— Ребят у нас мало. Группы по десятке! Со всей школы две команды наберешь, а на регби и того меньше. Неинте-ресно!

— Это что же, мне...

Я вовремя остановился, потому что чуть не брякнул сер-дито: «Это что же, мне для твоей команды шпану отлавли-вать по притонам?»

— На что сам жалуешься?

— Я же говорю — ребят мало!

В его честных глазах не было ни капли иронии. Над чем они все-таки смеялись с директором в коридоре?

— Тебе здесь не скучно?

— Что вы! Я староста группы, — с достоинством сообщил он, тронув матерчатую нашивку на рукаве, — времени не хватает скучать.

Ах, даже староста! Не знал я, что в спецшколах привлекают подопечных к управлению. Да и в обычных вроде бы тоже этим не балуются. Оригинально!

— Как же ты сюда попал?

Селин хохотнул.

— Ерундой занимался с ребятами... Бывало, зайдем в магазин, каждый сопрет лампочку, мяч или там дверную ручку, а потом в другом магазине заменим это барахло на точно такое же. Или ценники переставим. Таблички всякие — «не курить», «не сорить» — срывали и вешали себе на грудь. Еще указатели к туалетам снимали и приколачивали у полицейских участков. А то молоко крали и в почтовые ящики выливали. У нас в заброшенных домах лежбища были, так мы все туда стаскивали, пока шатуны не прогнали. Ну, еще автомобили сцепляли...

— Как это — сцепляли?

— У нас двойные крючки были из нержавеющей стали. Машины на улицах плотно стоят, ну, мы бампер к бамперу и цепляли.

Он рассказывал о своих делах спокойно и равнодушно, словно все это было очень давно и не с ним. Перевоспитали уже или считает прошлые свои забавы нормальным досугом? Вот я сижу тут с ним, слушаю про его подвиги на арлимском пепелище, а мой сын в это время сцепляет автомобили или заливает молоком ящики. Черт его знает, с кем связался и почему не ходит в школу...

— Чем вы занимаетесь в мастерских? — перебил я Селина.

— Как чем? Наша группа пулемет собирает, крупнокалиберный.

— Зачем вам пулемет?

— Ну, приятно иногда пострелять. Я в детстве самопалы делал...

— А сейчас?

— Что — сейчас?

— А сейчас не делаешь?

— Зачем? Пулемет ведь!

— Да, пулемет — это не самопал. И боеприпасы к нему сами делаете?

— Конечно. Я придумал, как быстро гильзы обжимать.

— Молодец! — похвалил я его. — А не боитесь ранить кого-нибудь?

— Что вы! — удивился Селин. — У нас есть очень хорошее место для стрельбы! Вот если самопалы — тогда точно кого-нибудь убьет. В нашем дворе двоим пальцы поотрывало.

— Ну ладно... Что это?

За окном кто-то затрещал и засвистел. Селин вытаращил на меня глаза.

— Это соловей, — осторожно сказал он. — Значит, дождь перестал.

— А разве они осенью поют?

— Поет ведь этот.

— Хорошо, свободен. Позови директора.

Пришел директор. Селин остался стоять в дверях.

— С Гузиком я закончил.

— Ага. Ну, иди, Селин. Впрочем, пришли... — Он вопросительно посмотрел на меня.

— Напоследок, скажем... — я как бы наугад провел по списку, — вот этот. Пит Джеджер.

— Позови Пита, — сказал директор как ни в чем не бывало.

Селин кивнул и вышел. За стеной тихо загудел лифт. Директор между тем сел в кресло напротив и стукнул пальцем по бумагам Селина.

— Один из самых трудных подростков. Полнейшая невосприимчивость к требованиям подчинения закону и в большой степени недалновидный гедонизм. Мы возились с ним два года. Теперь его не узнать.

— Чем же вы его обломали, пулеметом?

Директор слабо махнул рукой.

— Пулемет — это пустяки, это уже потом, чтобы снять остаточную агрессивность ну и чтобы свободного времени не оставалось. Не вдалбливать же им с утра до вечера биографии отцов-основателей? Мы прививаем...

Директор не успел договорить, что именно они прививают, как в дверь постучался и вошел охранник, высокий, чем-то похожий на Селина, повзрослевшего лет на двадцать, с густой шевелюрой и низким лбом.

— Вы за Джеджером посылали, — сказал он, подобострастно глядя на меня. — Так он все еще в изоляторе. Не может, извините, прийти.

— Что он натворил? — полюбопытствовал я.

— Почему же — натворил? Он болен. Температура...

— Слушайте, Пупер, — вдруг рявкнул директор, — вы не включили кондиционер!

Они начали громко выяснять, почему не включен кондиционер, кто спит во время дежурства, куда исчезает туалетная бумага, а я не торопясь извлек из стопки дело Джеджера

и небрежно пролистал его. К шумной перебранке я не прислушивался, это все дешевый театр, балаган. Кто бы сомневался, что вызов Пита кончится подобным образом.

— Вот что, — сказал я, когда они замолчали, — нам не помешает осмотреть и изолятор. Он где у вас — на втором?

Я был уверен, что директор сейчас лихорадочно придумывает, как не допустить меня к изолятору или отвлечь внимание от Джеджера. Если он объявит Пита остроинфекционным больным, тогда он последний дурак. И вообще, что бы он ни сказал — не в его пользу. Послать-то он за ним послал!

Директор глянул на часы и со словами «В изолятор, так в изолятор» поднялся с места. Пупер кинулся открывать ему дверь, но директор оттер его в сторону и вежливо пропустил меня вперед.

Миновав холл второго этажа, мы пошли широким коридором. На стенах висели репродукции чего-то классического: люди, кони, батальные сцены... Высокие двустворчатые двери. Сквозь матовое стекло доносился смех, кто-то декламировал стихи пронзительным голосом. Пупера не было видно, он исчез еще на первом этаже. Мы свернули в узкий переход и вышли у спортзала. Оттуда шел металлический лязг, перемежаемый глухими ударами.

— Опять на палках сублимируют?

— Нет, — улыбнулся директор, — сегодня они работают на снарядах.

Я приоткрыл дверь. В центре зала стояли два сооружения, похожие на младших братьев той штуки, что мокла на спортплощадке. Из двух групп по пять человек одновременно выбегали два подростка, бежали наперегонки и, подпрыгнув на трамплине, врезались с разгона прямо в эти... снаряды.

Сооружения угрожающе содрогались, доски качались во все стороны, автомобильные покрышки раскачивались бредовыми маятниками, тросы скрипели и хлопали по доскам.

Невысокий парень ужом проскользнул меж досок, оттолкнулся от одной покрышки, нырнул под вторую, повис на секунду на тросе и, соскочив с противоположной стороны, побежал обратно под одобрительные крики своей команды. Второй бежал назад, чуть прихрамывая.

— Забавные у вас снаряды!

— О! Если бы вы приехали летом, было бы на что поглядеть! К сожалению, зал небольшой, много инвентаря лежит на складе. Но и сейчас ребят от занятий оторвать невозможно. Кстати, вы читали статью Коэна о содержании делинквентной культуры?

Я ограничился невнятным движением головы.

— Мы подавляем беспричинную враждебность ко взрослым или просто «не своим» исключительной целенаправленностью их деятельности. Не говорим: делай то, не делай этого, и ты будешь преуспевать. Они сами видят — если сегодня выточат ствол, то через неделю смогут пострелять, если выучат урок по химии, то смогут завтра заняться пиротехникой. Это не просто реализация схемы «стимул — реакция» и не явное поощрение, просто они знают, что, пропустив ступень, они не смогут сделать следующего шага. С каждым приходится работать индивидуально. А денег на это...

Я слушал его невнимательно. Пока мы шли по коридору, он жаловался на мизерность дотаций, на трудности, а я пытался связать увиденное и услышанное с тем, что ни один из выпускников школы не вернулся к родителям и нигде не зарегистрирован. Ни в трудбюро, ни в полиции. И еще я гадал, кого мне сейчас предъявят вместо Джеджера.

Мы остановились у стеклянной перегородки с большим красным крестом на белом круге. Стекло толстое, с синеватым отливом. Как на патрульных машинах, такое обычной пулей не пробьешь. Кого они боятся?

А сейчас — особое внимание! Если не будет прямой опасности, то расследование я проведу сам, а если возникнет прямая угроза... Тогда стоит сорвать с зажигалки верхний колпачок и нажать на кнопку, как из Долины поднимется двадцатиместный «сикорский» с полным боекомплектом и окажется здесь быстрее, чем они успеют сообразить, куда спрятать мое тело.

На той стороне показалась фигура в белом халате, стекло ушло в стену.

— Это наш доктор, — представил директор.

— Приятно, — буркнул доктор и сунул мне руку.

Доктор мне не понравился. Небритый брюнет с колючим взглядом. «Такой вкатит какую-нибудь гадость и не поморщится!» — опасливо подумал я.

При этом не вынимал левую руку из кармана, поглаживая колпачок зажигалки.

Пит на допросах нес полную околесицу, но одно слово он часто повторял. Это слово — «изолятор». Может, они здесь делают лоботомию или глушат воспитанников химией, делая из юных хулиганов примерных граждан? Бог в помощь, но только в рамках закона.

Доктор провел нас к белой двери. Рядом с ней возвышался здоровенный санитар. Прислонившись к стене, он задумчиво чесал нос, игнорируя наш приход.

— Предупреждаю, — сказал доктор, неприязненно косясь на меня, — мальчик не совсем здоров после нервного срыва, лучше с ним не разговаривать.

— Что вы, доктор! — ответил я. — Это чистая формальность.

Он что-то буркнул, постучал в дверь и вошел. Мы с директором последовали за ним. На кровати лежал парень, при нашем появлении он сел. Я, не глядя на него, осмотрел помещение.

— Все в порядке, — сказал я, — вопросов нет, спасибо, доктор, — и словно невзначай глянул на парня.

В следующую секунду я только героическим усилием воли удержался от черной ругани. Его можно было назвать двойником Джеджера, если бы не свежий шрам на носу, заработанный им четыре дня назад в нашей конторе, когда он пытался сунуть мне в глаз мою же авторучку. Это был Пит Джеджер в натуре, а не какая-нибудь дешевая подделка, как сказал бы старина Бидо.

Вначале я подумал, что он меня не узнал. Но я напрасно обольщался. Пит вскочил, вытянулся во весь свой дурацкий рост и радостно завопил:

— Привет, капитан! И вы здесь?

Доктор равнодушно смотрел в окно, а директор со слабым удивлением приподнял брови. В какой-то миг померещилось облегчение в его глазах, но мне было уже на все плевать!

Я медленно полез в карман, вынул из потайного клапана служебную карточку и с непонятным самому себе злорадством сунул ее директору под нос.

Ползунок ночной лампы я довел до конца, теперь волосок едва тлел. Повернувшись с боку на бок, а затем приподняв и опустив ноги, я аккуратно запаковался в одеяло. В комнате было прохладно, кондиционер так и не включили.

Завертываться в одеяло меня научил Гервег. Давно это было... Мы вляпались по уши в дерьмо со вторжением в одну пропитанную нефтью маленькую республику. Перед высадкой на нас напялили форму гвардейцев бывшего правителя, и команды по радио отдавались на местном наречии. Впрочем, толку от этого было немного. Нас быстро прижали к дюнам и прошлись сверху истребителями, которые, к большому удивлению уцелевших, оказались не старыми развалинами, а «миражами» последних моделей. В бараках мы пробыли меньше года. Кормили сносно, на обращение тоже нельзя было жаловаться, только вот восточная музыка изводила с утра до вечера. Потом нас сдали частям ООН, погрузили в лайнер, и через две недели мы топтали столичный асфальт. Цветами нас не встречали — только родственники да кучка демонстрантов с бранью по нашему адресу на плакатах.

Компенсацию я быстро проел, а в Бункере вежливо объяснили, что работой они не обеспечивают, а пока я валялся на нарах, мне вычитался стаж за недоблестное поведение. С гуманитарным образованием и с таким проколом в послужном списке в госведомства я смело мог не соваться. Очереди в трудбюро отпугивали за три квартала, с курией связываться не хотелось, да и выходов на нее у меня тогда не было. А тут вдруг у Гервега дядя оказался крупным чином в полицейском управлении, и это решило все. Я плюнул на большие надежды, подаваемые в замшелых стенах «альма-матер», и отрубил два года на курсах переподготовки Управления. Потом меня заметил Шеф, выделил, взял на стажировку, два удачных дела — и меня зачислили в штат.

Я почти согрелся, но никак не мог заснуть. Теперь здесь знают, кто я, и безопасность, следовательно, возросла. После принятия Закона о Возмездии убийства и подозрительные

несчастные случаи с сотрудниками федеральных органов сошли практически на нет. Несколько показательных акций быстро утихомирили тех, кто не уважал закон и носителей закона. Поговаривали, правда, что под горячую руку перебили немало и законопослушных граждан, но потом извинились и откупились. Издержки трудных времен. Зато пока я здесь, мне ничто не грозит, да и на обратном пути тоже. Если над школой зависнет бронированный двухвинтовик и даст ракетный залп, то мало кому понадобятся оружейные мастерские и спортзал. Разумеется, все это при условии, что они не в номерном квадрате. Но кто меня пустит в квадрат?!

Все бы хорошо, но одно плохо: слишком спокойно они реагировали на мою засветку. Директор разве что слегка удивился, а персоналу, кажется, на все кашлять. Я объяснил директору, что мой визит связан с побегом Пита, но пусть это его не волнует, дело формальное, а инспектором я назвался, чтобы не будоражить его подопечных и воспитателей.

Директор и не думал волноваться! Будь он трижды артист — игру я бы заметил, но он действительно был невозмутим. Как надгробие. Ему все равно, кто я и зачем пожаловал, а это могло означать только одно — за ним стоит реальная сила. Либо армия, либо курия. Не исключено, что и то, и другое.

Перебор бумаг, опрос воспитателей и охранников ни к чему не привели. На мои расспросы, каким образом и почему удрал Пит, воспитатели пускались в рассуждения о сложной и тонкой психологии подростка-делинквента, а охранники с унылым однообразием жаловались на нехватку рук, за всеми не уследишь, работы по уши, а как ни приучай — удава вместо галстука не повяжешь. Охранник Пупер, например, заявил, что

плюнет на школу и уедет в Долину, телохранителем, потому как деньги ерундовые, а подростки хоть с виду тихие, но от них всего можно ожидать, с оружием балуются, контроль контролем, а как дадут из четырехствольного, так все брюхом вверх и лягут...

Судя по всему, Пупер не разделял взглядов директора на методы сублимации. Полагаю, что он и слова такого не знал.

О выпускниках я пока не заикался, не торопясь воросить осиное гнездо. Не нравилось мне здесь, и что-то фальшивое мерещилось во всем. Так вроде школа как школа, а зайдешь за фасад — и обнаружится, что это огромная декорация с пыльной мешковиной и тухлявыми подпорками сзади.

Я насторожился. По коридору кто-то шел. Шаги затихли у моей комнаты. За дверью потоптались и постучали. Плохо! Если бы сейчас ворвались несколько молодчиков с кастетами или даже пукалками — я бы знал, что делать. Но когда вежливо стучат, значит, дело безнадежно!

В дверь еще раз стукнули, и темная фигура, возникшая в проеме, спросила голосом директора:

— Вы спите?

Идиотский вопрос.

Я приподнялся на локте, пружины тонко скрипнули.

— Ответ «сплю» вас удовлетворит?

— Мне на пару слов, — сказал директор и вошел.

Выключатель находился у изголовья. При верхнем свете директор выглядел предстательно: крупная фигура, высокий лоб, слегка опущенные уголками вниз усы и подозрительно спокойные глаза.

Пока я натягивал брюки, он молча сидел у стола, внимательно разглядывая свои ногти. В моей практике ночные ви-

зиты кончались обычно тем, что на десерт собеседник пытался меня придушить либо подкупить. Впрочем, если директор вдруг кинется выкручивать мне руки, я не поверю своим глазам. Не к лицу! Это дело Лысого или даже Пупера, а то есть у них еще такой, физиономия — вылитый Бак — вивисектор из четвертой серии «Инспектора Лапласа».

— Надеюсь, — произнес наконец директор, — у вас все в порядке?

— Разумеется, — улыбнулся я, хотя мне стоило больших трудов не послать его к черту, — дело почти формальное. Не хотелось впутывать департамент просвещения, хотя, — здесь я еще раз улыбнулся, — мы воспользовались их вывеской. Ваши парни не ангелы, с Джеджером тоже, знаете ли, надо разобраться...

— Значит, он все-таки нашкодил? Но нам ничего не сообщали.

— С ним все в порядке.

В этом я как раз и не был уверен, но сейчас меня больше интересовал сам факт полночного разговора. Притом столь содержательного.

Директор перестал разглядывать ногти на левой руке и перешел на правую, а я наблюдал за его занятием.

— Вы уезжаете завтра? — наконец спросил он.

— Если ничего не изменится...

Глаза его чем-то полыхнули, кажется, бешенством.

— Послушайте, вы срываете нам работу. У нас дел по горло!

— У меня тоже, — я сочувственно развел руками, — масса дел. Ничего, завтра посмотрю кое-какие бумаги, а после обеда распрощаюсь, — а сам подумал: «Там видно будет!»

— После обеда?.. — Он пожевал губами. — Вам удобнее выехать утром.

— Этот вопрос, — деликатно сказал я, — с вашего позволения, я постараюсь решить сам.

Он устало вздохнул, полез в карман, достал круглый пластиковый жетон, похожий на фишку из казино, и кинул его на стол.

Разочарование мое было не очень велико, я подозревал нечто в этом роде. Одно смущало: жетонами курии так просто не бросаются. И вообще я бы поверил ему на слово. Не такая важная шишка, чтобы тратить на меня жетон. Кстати, за все время службы я только раз видел кругляш, и вот теперь второй. Крайний случай и высший козырь!

Некоторое время я просидел в легком оцепенении. Машину я взял свою, а не служебную, и теперь Шеф черта с два выпишет чек на бензин. Во-вторых, прибавки в этом году можно не ждать, да и в будущем тоже — такой прокол!

— Утром! — тихо заключил директор нашу беседу и вышел.

Я повертел прозрачный жетон с впрессованной в него буквой «К» и сунул в карман. Странно! Высшим козырем по скромному капитану — к чему такая игра? Очевидно, кому-то надо, чтобы я быстро убрался отсюда. Ясно как божий день, что я могу увидеть или услышать нечто, не предназначенное для моих глаз. Вот и прихлопнули жетоном, чтобы не лез в их дела. Что там бормотал директор, когда мы обходили классы и мастерские? «Ребята при деле», — вот что он повторял.

Хорошенькое дельце!

Стало быть, выпускников прибирает к рукам курия. Ну еще бы! Крепкие парни с богатым прошлым, владеют ору-

жием, неплохо дерутся. Находка для курии! А мелкая шпана ей не нужна и даже вредна, потому что в хорошо отлаженном механизме организованной преступности все должны делать свое дело справно и вовремя. То-то в последнее время шатунов стало меньше. Конечно, по молчаливому уговору с курией время от времени разрешают хватать всякую шелуху, вроде зарвавшихся «послушников», но это только для того, чтоб кинуть косточку-другую прессе.

На своем третьем деле я чуть не погорел. Крупное хищение на государственном металлургическом комплексе, слишком крупное, чтобы не была замешана курия. Я не сразу понял, чем там воняет, погорячился и намял теста, а когда сообразил что к чему, то чуть не наложил в штаны. Всего неделя прошла после свадьбы, и дюжина пуль вместо медового месяца была совершенно ни к чему. Тогда мне повезло — Шеф вернулся из отпуска на неделю раньше и быстро все утрамбовал.

Непонятно однако получается с директором. Вот если бы жетон предъявил Лысый или даже этот, Пупер, я бы не очень удивился. Но директор! Я видел его досье: Игнац Юрайда, пятьдесят два года, лауреат премий имени Спока, Сухомлинского, Кунцзы. Награжден медалью конгресса «За гуманизм». Работал в Африке и так далее...

Этот гуманист-мечет жетон, словно заправский кардинал — чушь какая-то! В свое время его таскали в комиссию по расследованию антигосударственной деятельности. Протесты общественности, вой прессы... И вдруг такой поворот! Я не ангел и работаю не с ангелами. При случае могу поступиться принципами, бульдозер зонтиком не остановишь, как говорил старина Бидо; когда его в очередной раз вышвыривали из отделения, ничего не добившись. Не всем дано играть благородные роли,

но когда короли превращаются в шутов — это все же не по правилам. И даже оскорбительно для нас, простых смертных. Мы, может, только тем и утешаемся, что есть другие, непродавшиеся и великие.

Могли его купить или запугать? В пятидесятом году его дом дважды поджигали ультра, где-то на юге Африки его брали заложником сепаратисты, несколько раз в него стреляли. Такого можно только сломать, но запугать? Вряд ли. Да и на что он годен, сломленный? Курия любит, чтобы человек себя выложил всего, вкалывал на систему с любовью к делу. А вот насчет дела — это уже конклав преподнесет в лучшем виде и надлежащей упаковке. Там, говорят, есть великие специалисты по убеждению. Из элитной профессуры. Объяснят так, что сам поверишь и других убедишь в отсутствии иного выхода. И уверуешь, что в курии истинные благодетели заправляют и что лучше грабить по графику, научно разработанному, а не дилетантски палить из автомата в случайных прохожих у Стройбанка. Хорошо оплачиваемые виртуозы риторики докажут в два счета, что государство — первый грабитель, а не воспользоваться своим шансом просто грех для порядочного налогоплательщика, стонущего под налоговым прессом. И игорные дома, где порядок и спокойствие, лучше грязных подвалов, где прирежут, не спросив фамилии. А кто желает себя добровольно травить, пусть уютно курит травку или колется в приличных заведениях. А вот пьяных сейчас почти не увидишь на улицах, пьют дома. Курия объявила пьянству тотальную войну и добилась сухого закона. Молодчики курии лупили пьяных без пощады, раздевали всюду и в любую погоду. Правда, ходили слухи, будто одна фракция в курии задавила другую, а случись наоборот, били бы наркоманов. С конкурентами разговор короткий.

На втором этаже, судя по слабой музыке и еле слышному смеху, не спали. Я посмотрел на часы — поздновато. Звукоизоляция у них хорошая: в зале я видел «Филис-до», тысячеваттный ритмизатор, ко мне же едва доносился писк, в котором с трудом угадывался хит сезона «Поцелуй меня в фалду».

«Мальчики при деле» — лучше не скажешь! При деле. Да-а, лет десять назад пройдишь ты по Арлиму, и тебе если голову не открутят или не общипают догола, то становишься на колени и возноси молитвы богу, дьяволу или Национальной декларации, чтобы жуткие полчища юных негодяев занялись чем-нибудь толковым, а не шлялись по загаженным до блевоты улицам, терроризируя весь район. Не исключено, что директор увидел, как его работа, все эти гордые принципы и белые манишки летят в глубокую и вонючую дыру, а высокие идеалы не стоят фальшивой монеты, потому что на каждого порядочного и достойного человека, выпестованного им, наше общество, образец истинной демократии самого свободного мира, плодит тысячами и десятками тысяч смрадных подонков.

Его могли купить и тем, что организованная преступность, в просторечии — курия, оспаривает в первую очередь грабительские прерогативы государства, облегчая карманы налогоплательщиков утонченно и безболезненно. Игорные дома и наркотики не страшнее ядерных хлопущек и орбитальных эжекторов, куда, как в бездну, со свистом уходит треть бюджета. Он мог выбрать меньшее зло, и меньшим злом для него оказалась курия.

В моих рассуждениях все же была неувязка. Юрайда, судя по тому, что я о нем знал, скорее примкнул бы к левакам или радикалам, чтобы героически и бессмысленно погиб-

нуть в стычке с полицией или во время теракта, не запятнав чистоты своей совести. Для курии у него характер не тот. Хотя что я знаю о его характере? Было у меня дело, когда один уважаемый сенатор с блестящей репутацией задушил телефонным шнуром свою любовницу только за то, что она позволила себе неуважительно отозваться о его идеалах. Дело замяли, сенатора отправили послом на какой-то занюханый остров, а я стал капитаном.

Подозрительно вот что: если ребят прибирает курия, то почему они меняют фамилии? С такой крепкой спиной подделывать документы просто глупо. И жетон был ни к чему. Значит, первый вывод в самую точку — я наткнулся или могу наткнуться на нечто запретное. Не задумала ли курия переворот? Но зачем начинать со школ, пестовать юнцов? Во-первых, им проще оптом купить сенат, Бункер и президента, если уже не скупили. Во-вторых, меня и близко не подпустят к такому серьезному делу. Шеф бы придержал. Хоть мы и зовем его за глаза Пердунцом, если надо, он и сам лез с нами в пекло. Долг службы, честь мундира и все такое... Но там, где пованивает хоть самую малость курией, он становится тверд и несгибаем, проявляя коварство и отвагу в чудовищных дозах, лишь бы не ходить по минному полю. Нюх у него на курию фантастический. Подозреваю, что они его подкармливают. Ну а что делать? Когда в деле Крупчатника мы брали с ним вдвоем ошалевшую от наркотиков банду вооруженных шатунов, у нас был один шанс на сто, и мы его вытянули. Но если вязаться с курией и идти поперек, шансов просто нет, а это всегда обидно, когда нет шансов. Так что на это дело при малейшем подозрении Шеф не отпустил бы меня ни при каких обстоятельствах. Если только не желал избавиться от меня. Но если меня утопят, сильно в гору

пойдет Торл, дурак потомственный и патентованный, а Шеф после курии больше всего боится дураков.

Сверху все еще неся писк ритмизатора и слабый топот.

Что ж, подумал я, если надо уезжать, то я уеду. Порадую Шефа жетоном. Но еще не утро! А поэтому не будем беспокоить директора Юрайду и предпримем легкий маршбросок на второй этаж. Не сейчас, а чуть позже, когда они уйдут. В целях удовлетворения невинного любопытства.

Глава вторая

Наверху стихло. Минут двадцать я ждал, прислушиваясь, а затем вышел в коридор. Никого не было, но там, на этажах, у лифта вполне мог сидеть охранник. На всякий случай.

Лифтом пользоваться рискованно, а где у них лестница, я так и не понял. План здания, наверно, устарел. В некоторых местах полагалось быть комнатам, в других — лестницам, однако, судя по всему, с тех пор как был составлен план, два или три капитальных ремонта внесли свои коррективы. Зато днем, обходя здание, я обратил внимание на водосточные трубы. Гладкие, блестящие, словно отполированные многими поколениями школяров. С одной стороны, несолидно инспектору ползать по трубам, словно ночному гуляке, но с другой — на что только не пойдешь, лишь бы не тревожить занятых людей.

Я был уверен, что на первом этаже нет ни души, но эта уверенность быстро испарялась, мой затылок немел, наливался свинцом, а значит, сзади неслышно и быстро подкрадывается... с кастетом... сейчас врежет! Не оборачиваясь, я резко дернулся вправо и стукнулся о стенку. В пустом коридоре никого не было.

Я пожал плечами и вернулся в комнату.

Взяв из портфеля кое-какие мелочи, я пошел к выходу. У последней комнаты услышал странные звуки и слегка приоткрыл дверь. Из-за темной щели выполз могучий храп. Завистливо вздохнув, я пошел к выходу. Дверь во двор оказалась открытой, и это меня не удивило.

Во дворе было темно и глухо. Ежась от мокрой прохлады, я прошелся вокруг дома, приложившись разок плечом о дерево. Можно было подумать, что в здании, темнеющем на фоне безоблачного звездного неба, все вымерло, если бы не тонкие спицы света, местами пробивающиеся на втором и третьем этаже. Луны не было, ее загораживал склон.

Пока я ходил у дома, ветер пригнал туман, звезд почти не осталось. Я споткнулся о корень и, к стыду своему, потерял направление. Внутренний голос подбивал идти вправо.

На руку упало несколько капель. Только дождя мне не хватало! Я пошел быстрее, но тут же уперся вытянутой ладонью в металлическую полосу. Нащупав соседние полосы, я понял, что внутренний голос привел к воротам.

Выругавшись, я повернул обратно и шел на этот раз медленнее. Не успел я отойти шагов на двадцать, как затылок опять свело от напряжения. На этот раз я был уверен, что за мной кто-то идет. Я шагнул с дорожки на траву, за дерево. Во мне медленно взбухала злоба — если и эта тревога окажется ложной, то я за себя не отвечаю. Подпалю школу!..

Кто-то беззвучно прошел мимо, выдавая себя движением воздуха. Он шел от ворот, следовательно, к школе. Слава богу, что-то начало происходить. Наконец появляется некто, за которым можно следить, выявлять контакты, брать с личным и нейтрализовать. Разумеется, если это не какой-нибудь крупный пень из курии вышел погулять перед сном.

Ночная приставка барахлила. Пока я вкручивал фильтры, он скрылся за поворотом. Не отрегулировав как следует, я двинулся за ним. Большой четкости не требовалось, хватит и контура. Не подвели бы только батареи, все-таки сыро...

Возбуждение улеглось, все стало обыденным, привычным. Ночной гость, судя по контуру, — мужчина. Охранник или воспитатель, загулял допоздна в Долине, а теперь спешит исполнять служебные обязанности. Я беру его за кадык и спрашиваю, не пешком ли он топал от самой Долины, а если его подвезли, то кто и докуда, и почему не было слышно машины — туман идет сверху, и слышно пока хорошо.

Он будет врать или говорить правду. Не имеет значения, мне бы только на слове поймать, а все остальное само вытянется. Ну а если это подопечный, то еще лучше. Дать пару раз по соплям, он и посыплет, как выбирался из школы (это, скажем, ерунда, отсюда только безногий или ленивый не сбежит, если захочет), куда и к кому уходил, а главное — почему вернулся? Если же он посторонний, то открываются очень богатые перспективы. Курии, например, нет нужды лазать по ночам!

Ночной пришелец вышел прямо к зданию. Я сунул приставку в карман. Ветром разогнало туман, звезд хватало, чтобы следить за его перемещениями, тем более что из-за горы весьма кстати вылез край луны.

Он подошел к входной двери. Я напрягся, собираясь рвануть за ним и догнать у лифта, однако полуночник потрогал дверь, затем отошел на несколько шагов и, судя по позе, стал разглядывать окна.

Правую руку он держал в кармане, а левую у лица. Та-а-ак! Я нырнул за скамью и выдернул приставку. Минуты две он стоял неподвижно, я успел подстроить фильтры. Он стоял

боком, лицо светилось красным пятном, у глаз дрожал полупрозрачный прямоугольник с темными четкими кружками. Проклятие! У него тоже приставка ночного видения. Хорошо, что он не обернулся. Повезло. Одно уже ясно — это посторонний.

Он снова пошел к двери, открыл ее, заглянул внутрь и, оставив ее открытой, двинулся в мою сторону, смотря куда-то вбок. Дойдя до угла, заглянул за дом, потом вернулся, но опять не вошел. Проверяет подходы!

Пока он шелестел листвой за углом, я рванул к входу и быстро проскочил в свою комнату. Встав у двери так, чтобы видеть в щель коридор, я вытащил из футляра ампулу с люмоксином и погасил свет. Будет забавно, подумал я, если он полезет ко мне в комнату. Мелькнула мысль, что фигурой этот тип напоминает Шефа. Я позволил себе улыбнуться, но тут освещение в коридоре изменилось. Слабый шелест шагов приблизился к моей двери. Я поднял ампулу.

Когда темная фигура пересекла поле моего зрения, я зажал свободной рукой нос и рот, а потом сдвинул тонкий пластик. Струя люмоксина, шипя и испаряясь, брызнула в коридор.

Глухой шлепок об пол.

Задержав дыхание, я медленно сосчитал до пяти и вышел в коридор. Среднего роста мужчина в черной кожаной куртке лежал вниз лицом, мерно сопя и время от времени глухо постанывая. Я втащил его к себе, включил свет и перевернул на спину.

Минуту или две я в полном оцепенении смотрел на его длинное лицо с большой родинкой под носом, а потом еле сдержал истерический, а вернее, идиотский смех.

Затем с трудом одолел соблазн пнуть лежащего и сел. Теперь я уже ничего не понимал.

Надо же! Старина Бидо собственной персоной пожаловал в гости. Может, и здесь в каком-то смысле помойка, но не до такой же степени!

— Вы всегда сначала вырубаете человека, а потом смотрите — кого?

— Когда как. Вот вода...

Бидо отхлебнул из стакана и со стоном взялся за голову. Приложился крепко лобешником, не иначе. Хотя после люмоксина как с похмелья: жажда и головная боль.

На столе был разложен малый джентльменский набор, который я выгреб из его карманов, пока он валялся без чувств. Пукалка с глушителем, кастет, отмычка, моток толстой лески с крюком и метателем, несвежий платок, начатая пачка «Люкса 001» и визитная карточка. Самой интересной из этого перечня была визитная карточка. Жирным золотом оттиснутые буквы гласили, что в миру Бидо зовут Лайоном Круипо. Это не новость: когда он попадал к нам, трясли его крепко, подозревая в скупке краденого у шатунов. Но вот маленькая четверка в углу визитки, которая медленно становилась на свету невидимой, говорила о многом. Пока Лайон-Бидо жадно пил воду, я развлекался тем, что зажимал угол между большим и указательным пальцем. Спустя несколько секунд четверка снова проявлялась.

Кто бы мог подумать, что наш скромный Бидо — «аббат»!

А как он крутил на допросах, ломая из себя бедного несчастного иммигранта! Что говорить, с такой визиткой пришлось бы отпустить, не связываясь. Иногда, по слухам, прихлопывали втемную и «аббатов», но по тем же слухам

курия не любит, когда ее люди светятся без нужды или без санкции.

Старина Бидо немного пришел в себя. Его длинное лицо еще более вытянулось, он с вежливым равнодушием поглядывал на меня, явно предоставляя самому выкручиваться из ситуации.

Мне захотелось дать с места, не вставая, ребром ладони снизу по ноздрям этого типа, чтоб зашелся кровью, стервец! Лучше бы он оставался шатуном, старым, хитроватым, безопасным и весьма симпатичным шатуном. С «аббатом» не поговоришь запросто о жизни, не рявкнешь внезапно и не возьмешь за ухо. «Аббат» при случае может выйти на Шефа. С другой стороны, если прижарит, то и я могу выйти на «кардинала», ну и тем более на «аббата». Поговорим, как равный с равным... ствол ему в глаз!

Бидо допил воду и рассовал свое хозяйство по карманам.

Не было ни одной стоящей мысли, потом пришли сразу две, мелькнули, спутались. Бидо при любых обстоятельствах не должен был красться и таиться, наоборот, подвалил бы на свою делянку с понтом и обязательно с оравой служек. Марку держать надо!

Но если делянка не курии, тогда получается, что директор Юрайда мелкий самозванец! Такой дерзости конклав никому не спустит. Как ни крути, место директора в этой школе скоро будет вакантным. Но что, если в курии раскол и свои дела — настолько темные, что скоро вакантной окажется моя должность?

Вот еще о чем я думал, наблюдая, как старина Бидо запихивает в карман пачку «Люкса»: я трепыхаюсь здесь черт знает сколько и не выкурил ни одной сигареты. Курящих тоже не видел. Я забыл о сигаретах и не вспомнил бы, если

бы не «Люкс», а ведь моя норма — полторы пачки в день! От этой бессмыслицы стало страшно, а голову словно обдало холодным воздухом. Меня проняло — дела здесь и впрямь нечисты!

Старина Бидо явно не собирался курить, хотя у меня на допросах клянул сигарету за сигаретой, выдирает зубами фильтр и прикуривал одну от другой.

Не распыляют же здесь в конце концов антитаб через кондиционерную систему? К тому же Пупер систему никак не задействует, лентяй такой! Оригинальная вырисовывается методика воспитания: стрелять из миномета можно до изнеможения, карате или палочный бой сколько душе угодно, но вот курение... ай-ай-ай, курят только дурные мальчики, которые не слушают наставлений матушек, не ходят в воскресную школу и непременно плохо кончают. Хотя кто знает, может, у директора Юрайды идиосинкразия на табачный дым, вот и он сыплет щедрой рукой антитаб в вентиляцию и кастрюли.

— Недоразумение можно считать не имевшим места, — произнес Бидо.

— Несомненно, — ответил я.

— Мы вполне могли бы установить неофициальный контакт, вы понимаете... — Он пошевелил в воздухе пальцами.

— Если не ошибаюсь, школа не контролируется вашими людьми? — осведомился я.

— Право, я затрудняюсь... — замялся он.

— Спасибо, достаточно.. Неофициально фиксирую, что вы ничего не сказали. Тогда кто их пасет?

— Не знаю. Собственно говоря... э-э-э...

— Ясно! Ты... пардон, вы для того и здесь. Есть догадки, предположения?

Старина Бидо с большим сомнением гладил свой подбородок, его явно распирали противоречивые чувства. Честно говоря, тот, прежний Бидо, фонтан вранья и остроумный сквернослов, мне нравился больше, чем этот уныло дипломатствующий «аббат».

— Они к нам не имеют никакого отношения, — сказал наконец Бидо. — Сначала думали, что здесь этих на запасные органы откармливают, но оказалось, что ничего подобного. Пустой бизнес, но все же какие-то мелкие деньги крутятся бесконтрольно. Непорядок. Послали людей, люди исчезли. Я троих потерял. Даже не булькнули.

Вот это дела! Курии зубки пообломали! Куда же это я, позвольте спросить, лезу и во что успел вляпаться? Разведка? Непохоже, они бы завернули за сто километров и еще пинком сзади приветили для скорости.

Хорошо, что я не один в этом чертовом месте и Бидо вроде напарника. Дело становилось мрачным и непонятным. Правительство в лице разведки и курия в своем собственном лице вроде не имеют к этому заведению отношения, а насколько мне известно, это единственные реальные силы, с которыми надо считаться в нашей благословенной стране. Некоторые полагают, что это даже одна сила. Может, радикалы? Но у них монет хватит разве что на десяток списанных пулеметов. Нет, радикалами не пахнет, левыми тоже, левые нынче тихие, они принципиально против насилия после того, как им вломили под Самтером.

На часах было ровно три.

Старина Бидо оглядел комнату, нервно зевнул и сообщил, что собирался идти напролом. Недавно здесь пропали трое, повторил он, сгнули и чирикнуть не успели. Крепкие бойцы, не новички, один из них стажировался на Сицилии.

А сейчас с ним человек двадцать. Оцепили школу за оградой, никто не выскочит. Он решил взять первого, оттащить за ворота и крепко встряхнуть.

Глупая затея! Хотя моя ночная вылазка ничуть не умнее. И я собирался брать языка, трясти, вытряхивать, но что именно — представлял слабо. Теперь я понимал бессмысленность моей акции. Ну, скрутил бы охранника или воспитателя, а что они знают? Нет, господа мои, как в свое время сказал один неглупый человек: бей в голову, остальное само развалится. Надо брать директора за кадык и трясти до посинения. Он-то должен наверняка знать, что они делают с детьми, куда их потом прячут и кто за этим стоит.

Терять нечего. Утром я заведу его сюда, старина Бидо вкратце расскажет ему, что причитается самозванцам, а если не убедит, тогда я вколю директору немного сыворотки.

Бидо согласился с моим планом сразу.

— Ваши люди могут пойти напролом? — спросил я.

— Нет, они ждут меня. Если не вернусь через...

Он беспокойно взглянул на часы, вдавил ногтем кнопку. В часах пискнуло. Бидо шепнул что-то вроде «место» и отпустил кнопку.

— Вовремя, — облегченно выдохнул он, — а то через полчаса они бы тут все разнесли. Теперь без сигнала не начнут.

Старина Бидо задремал на стуле, мне же не спалось. С ночным гостем откровенного разговора не получилось. Он мямлил, крутил, но так и не объяснил толком, почему сам сунулся в школу, а не послал кого помельче.

Интересно, в какую вонючую дыру я лезу, если даже курия здесь ползает по ночам, а глубоко законспирированный

«аббат» шастает с пистолетом и подставляется? Надо уносить ноги, пока не оторвали! Шефу покажу жетон, порадую старика. Правда, в прошлом году, за неделю до того, как разбиться в аварии, Барлетт ляпнул с похмелья, что дочь Шефа обручена чуть ли не с племянником «кардинала». Хотя Барлетт всегда врал оптом и в розницу, но почему бы не предположить, что Шефа попросили по-семейному пощупать это дело. А старина Бидо прикрывает меня или дублирует. Забавно...

Сон не шел. Я достал зажигалку и подключился наугад ко второму этажу. Там, оказывается, тоже не спали. Что это у нас? Кнопка четыре, кажется, холл. Разговаривали подростки.

«...Мы на двух машинах шли, а когда деревья начали падать, то выскочили да как дали вдоль дороги, эти все попрятались по норам. А потом Кук прошелся из лейки, вот крику-то было, ха-ха-ха, а на базу вышли только вечером, а там ловушка, Кука в темноте зацепили, а Пет сказал, что Куку крышка, если не успеем до утра выбраться...»

«Успели?» — спросил второй хриплым голосом.

«Хрен на рыло! Влезли по уши в болото и хлюпали сутки, а вокруг эти носились, песни пели и головешки кидали. Утром старшие вернулись, всех шестипалых положили, нас вытащили».

«А-а-а...»

«Вот тебе и а! Пет тогда нас обругал, сволочи, сказал, мальцу каникулы испортили».

«Так ведь Кук выжил!»

«Вы что тут расселись, — вмешался третий голос, — тест по химии уже раздали, не успеете, болваны».

Интересный разговорчик. Надо спросить у ребят, куда их возят на каникулы и какие это еще каникулы в спецшколе?! Да и занятия ночью, в четвертом часу... не спят они вообще, что ли?

В классах я тоже оставил кнопки. В одном было тихо, в другом, судя по всему, шел урок!

«...Вопрос твой хорош, Макс, но ты забегаешь вперед. К прерафаэлитам мы еще вернемся, и ты мне напомнишь, — говорил мягкий, хорошо поставленный голос. — Теперь обратите внимание на лицо всадника. Видите, это не свирепая жажда крови, нет, перед нами напряженное спокойствие честного сожаления. Воин убивает, потому что идет бой. Кто прав, а кто виноват, будет спрошено после, а пока либо ты, либо твой враг. Заметьте, краски не грубы и не крикливы, что было свойственно раннему периоду творчества. Преобладают полутона, война изображается не горами окровавленного мяса, нет, мы видим пластику мышц, а линии копий и мечей рассекают пространство картины на фрагменты, членность которых строго мотивирована — сила против силы...»

Не знаю, сколько времени я бесцельно вертел в руках зажигалку. Можно подумать, что это не школа для социально опасных подростков, а Куперсфильдский колледж для интеллектуальной элиты. В конце концов здесь собраны не мечтательные отроки с томиком Овидия под мышкой, а завтрашние шатуны или профи для курии. И попали они сюда не по злой воле родителей, заточавших младших сынов в монастырь. Ремеслами они вполне владеют, хоть сейчас в оружейную мастерскую. Но на кой черт этим ребятам ночные лекции по живописи?

У нас в школе такими предметами и не пахло. Базовые предметы, куцые факультативы, половина преподавателей

ходит с синяками, а половина лупцует нас. В старших классах одни вроде меня взялись за ум, другие рассосались по бандам и спецшколам.

Старина Бидо вдруг тонко захрапел. Минуту или две я смотрел на него, и мрачные мысли крутились в голове. Вот еще целый куст проблем. Интересно, даст ли мне его оцепление благополучно выскочить отсюда или прихлопнет по недоразумению?

Глаза начали слипаться. Засыпая, я подумал, что если заваруха начнется ночью, то очень много шансов проснуться покойником.

Проснулся я от толчка.

Старина Бидо стоял у двери, держа руку в кармане. Заметив, что я встаю, он поднес палец к губам.

В коридоре гремели шаги, слышалась возня, гудел лифт. Бидо выругался и отошел от двери.

— Доброе утро! У них что, двери нигде не запираются?

— Видимо, нет, — ответил я.

Бидо прошелся по комнате, поглаживая подбородок. Придя к какому-то решению, он, искоса поглядывая на меня, зашептал в часы, а потом прижал их к уху.

Я вошел в душевую. Бриться не стал, щетина еще незаметна, тем более не хотелось лезть за бритвой в портфель. Покончив с туалетом, я вернулся в комнату и обнаружил Бидо сидящим на неубранной кровати. Он рассеянно вертел в руках часы, осторожно постукивал по ним пальцем и снова прижимал к уху.

— Черт бы побрал эту технику!

— Ничем не могу помочь.

Кривая улыбка не украсила его лицо. Он даже слегка осунулся, в глазах появился лихорадочный блеск. Я бы даже сказал, что он отчаянно трусит. Впрочем, я тоже не супермен в красно-синем плаще. Но делать-то нечего...

Восемь утра. Пора начинать нашу авантюру. Утешало одно: поскольку за моей спиной замаячила курия, то, оказавшись в темной комнате с двумя чудовищами, я не наступлю на мозоль хотя бы одному из них.

— Значит, так, — сказал я, — постараюсь заманить сюда директора. Если не выгорит, то вернусь, и тогда можно звать подкрепление. А если не вернусь, тем более.

— Не нравится мне это! — мрачно встряхнул часами Бидо.

— Они могут начать без сигнала?

— Нет, но... — Он задумался.

— Ну хорошо. В случае чего, буду поблизости.

Не знаю, в каком случае я собирался быть поблизости, но уж больно затравленный у него был вид.

Я вышел во двор и немного растерялся. За время, проведенное здесь, мне стала привычной обстановка недомолвок и умолчаний, тумана и полумрака. А сейчас небо было чистое, лишь два перистых облачка в вышине тянулись друг за другом, солнце наполовину вышло из-за гор, осветив узоры опавших листьев, что багровыми и желтыми пятнами окаймляли двор.

По школьному двору весело носились парни, покрикивая, задирая и толкая зазевавшихся. Причиной оживления был армейский четырехосный «беккер», до самого верха брезентовой крыши набитый картонными ящиками. Двое крепких ребят спускали их вниз, остальные подхватывали, волокли и складывали у входа в здание. Через несколько минут я об-

наружил причину суматохи: ящики без надписей и наклеек, на мой взгляд, совершенно неотличимые друг от друга, сортировались по какому-то признаку и растаскивались по разным местам. Крик, шум и дерганье шли из-за споров, куда какой ящик нести.

Двое воспитателей безучастно наблюдали за разгрузкой. У кабины грузовика директор Юрайда подписывал на колене бумаги и по одной совал их в окно водителя.

Я увидел Селина. Он стоял у кузова и распоряжался, куда нести очередной ящик, непрерывно покрикивая: «Не перепутайте, не перепутайте!» Затем сорвался с места, подбежал к ближайшему штабелю и выдернул из середины ящик — штабель развалился, от крика зазвенело в ушах.

На меня не обращали внимания. Если нас с Бидо вышибут отсюда без существенного ущерба для ребер и копчика, то я надолго запомню это утро: грузовик, коробки и я, дурак дураком, ничего не понимающий...

Проходя мимо коробки со слетевшей крышкой, я заглянул в нее. Рулоны бумаги, белой бумаги, раза в два шире туалетных рулонов. Они что, засранцы, на десять лет вперед запасаются?

Юрайда отошел от кабины. Заметил меня. Для начала я пожелал ему доброго утра. Он ответил мне тем же. Выдавив из себя еще несколько пустых фраз, я замолчал, соображая, как умудрился широченный «беккер» пролезть через ворота, миновав врытый посередине рельс? А куда смотрело оцепление? Может, они попрятались в ящиках с туалетной бумагой и сейчас выскочат оттуда с криком «Спокойно, это налет!»?

— Ребята заправили вашу машину, — сказал директор.

Ага, в смысле, пора, мол, тебе и прощаться.

— Спасибо, — ответил я.

Интересно, чем они ее заправили, далеко ли я уеду и что от меня останется, когда их заправка сработает?

— Теперь ряд мелочей...

— Каких еще мелочей? — резко спросил директор.

— От силы пять — десять минут, оформим акты ревизии и все. В конце концов я тоже не хочу задерживаться.

Директор Юрайда нахмурился. Ему явно не хотелось говорить со мной о чем бы то ни было. По всей видимости, он считал, что я просто тяну время. Тем не менее решив, очевидно, что так от меня проще отвязаться, предложил пройти в его кабинет и подождать, когда покончат с разгрузкой.

Ладно, пусть будет так.

Я не стал беспокоить старину Бидо. Директор мог вернуться не один, а афишировать связи с курией небезопасно, если нет численного перевеса.

В кабинете за директорским столом сидел Пупер и рылся в бумагах. Увидев меня, он расплылся в улыбке, кивнул, сгреб все в ящик стола и попятился к двери, чуть не опрокинув кресло.

Сев на его место, я дождался, пока он закрыл за собой дверь, и отколупнул «кнопку». Не оставлять же на память! Интересно, почему здесь любой вхож в кабинет директора и может свободно шарить в его бумагах?! Я выдвинул верхний ящик и наугад взял несколько листов. Платежные бланки.

Черт, кажется, я сглупил в разговоре с директором. Какие там еще акты ревизии, если ревизор я липовый? Впрочем, директор вроде бы не обратил на это внимания.

Два раза на селекторе загорался вызов, но я проигнорировал. Потом я рассмотрел его тщательнее. Оказалось, это добрый старый телефон с приставкой, а не внутриведомствен-

ный многоканальник. Может, у них есть прямая связь с Долиной?

Недолго думая, я набрал номер местного отделения. Трубку взял дежурный. Уже хорошо. Я назвал свой код и столичный номер. Через несколько секунд меня соединили с конторой. Из моего отдела на месте никого не было, а секретарша нелюбезно ответила, что начальство работает дома. С женой на диване, добавила она. У Шефа трубку никто долго не снимал, потом взяла его жена. Минуты три ушло на пустую светскую болтовню. Я нервничал, директор мог войти в любой момент. Наконец она позвала супруга.

Шеф удивился моему звонку и спросил, не произошло ли чего-нибудь, требующего немедленного вмешательства. Нет, нет, заверил я, все более или менее в порядке (здесь я мысленно выругался). Как скоро, спросил Шеф, я думаю возвращаться? Как получится, ответил я, думаю, что скоро. Шеф помолчал и спросил, как я себя чувствую.

Он был уверен, что линия на поводке. Было бы странно, если бы телефон не прослушивался. На вопрос о самочувствии я разразился тирадой, в которой со вкусом описал состояние печени, желудка и предстательной железы. Пусть слушачи гадают, что я имею в виду. Шеф тоже задумался над моей бессмыслицей, потом хохотнул и пожелал удачи.

— Еще один вопрос, — успел сказать я до того, как он собрался положить трубку, — что, в книжке у Лучника на счет меня ничего интересного?

Опять молчание. Шеф кашлянул и спросил, правильно ли он меня понял. Разумеется, ответил я, все, наверно, в ажуре, но на всякий случай хотелось бы уточнить. И если не трудно, то желательно сейчас.

Шеф передал трубку жене, и пока старая кошка молола языком, я, хихикая и поддакивая в нужных местах, гадал, скоро ли вернется директор и что меня дернуло спросить о реестре. Интуиция, что ли? Те несколько сотен номерных квадратов были в основном правительственными гадючками, наспигованными новейшей или выдаваемой за новейшую-смертоубийственной техникой. Ее тщательно оберегали от глаз честных налогоплательщиков, на чьи деньги, кстати, все это было сработано и которым, как я полагаю, плевать хотелось на нее. А кому было интересно, тот мог все в самом лучшем виде разглядеть или даже сфотографировать на память со своих спутников слежения.

Жена начальника умолкла на полуслове, в разговор с параллельного телефона вмешался Шеф.

Он сообщил, что по моему возвращению даст команду секретарше готовить на меня бумаги, что я засиделся в кабинетах и пора расти дальше. И что мне надо срочно сворачивать дела и выезжать прямо сейчас, потому что время не ждет. Когда же я, похолодев, спросил, почему меня не предупредили, он резонно ответил, что самому надо заботиться о пределах своей деятельности. И положил трубку.

К своему удивлению, я вдруг понял, что во мне нет страха. Теперь, когда я знал, что Закон о Возмездии не распространяется на квадрат школы и не важно, кто тут ворочает — правительство, разведка, курия или все хором дружной семьейкой, я получил свободу рук. Вернее, ног. Шеф будет с меня пылинки снимать и на себя перекладывать, он ведь тоже ковал мое поражение.

Встану сейчас и тихо удалюсь, не хлопая дверью, пока они разгружают туалетную бумагу. Портфель, правда, остался в комнате, но портфель не стоит заупокойной мессы. Пусть

останется на память Бидо. Да вот, еще с Бидо... неудобно покидать, не попрощавшись, но ничего не поделаешь. Я в эти игры не играю. Ставки не те и правил я не знаю. Пусть Бидо меня простит, если выберется без ущерба. Не знаю еще, как меня выпустят его головорезы. Грузовик они пропустили... в школу. А из школы?

Я медленно поднялся с директорского кресла и замер стоя. Что за бред! Даже если мы с Шефом вели себя как последние недоумки, то куда смотрела курия? И так, Шеф направляет меня на очередное дело. Причем не важно — сам направляет или по чьей-то наводке. Затем Бидо возникает из тьмы и входит со мной в контакт. При этом все благополучно забывают свериться с реестром номерных квадратов! Ну, пусть я обычно беру дело без расспросов, пусть Шеф, утомленный после секретарши, забыл посмотреть карту. Но чтоб курия совалась туда, где ей делать нечего?! А если они решили, что могут здесь поживиться, то мне ни к чему торчать между двумя дорожными катками. В конце концов мое начальство нынче велело оперативно уносить ноги. Правила хорошего тона требуют моего намека старине Бидо на то, что мы моемся чужим мылом и пора тихо оставить этот гостеприимный уголок, пока нами не занялись костоломы посерьезнее его гвардейцев. Но если Бидо знает, на что идет, и сочтет меня дезертиром, то вправе будет поступать по законам военного времени. Нет, сейчас не до приличий. К тому же я его сюда не звал, да и в одиночку выбираться легче.

Я снова опустился в кресло. При мысли, что надо красться мимо комнаты, в которой затаился Бидо, пробираться сквозь двор и кордон, возникали разнообразные «но», непонятная досада мешала действовать.

Обидно было уезжать, ни в чем не разобравшись. Я оказался в постыдной роли человека, которого крепко взяли за нос и водили по комнатам со словами: «Хотите на дурака посмотреть?» — а потом дали пинка под зад. Да провались они в самую глубокую и зловонную дыру, зачем мне лезть в их делишки, если нет состава преступления? А если есть — тем более! Я не идеалист. В наше время быть идеалистом не только глупо, но и опасно. Мне бы только добраться до своей конторы и взять тихое дело с пальбой, поножовщиной, заурядным насилием, не прикрытым бронированным щитом правительственных организаций или организованной преступности.

К черту все, ухожу! Я выбрался из-за стола и пошел к двери, но тут в кабинете объявился директор Юрайда. Усевшись на свое место, он озабоченно подвигал туда-сюда бумаги, потом поднял глаза.

— Мне бы не хотелось, чтобы вы покинули нас с обратным мнением о нашей работе, — сказал директор.

К чему это он? Я плюхнулся в кресло перед столом, озабоченно глянув на часы, мол, все это мне до груши и вообще пора раскланиваться.

Директор тактично улыбнулся. Улыбку можно было расценивать как поощрение моей игре либо как насмешку над моими ужимками. А может, и так и этак. Плевать, козыри у него на руках, так что игра пока его!

Он сгреб оставшиеся на столе бумаги в ящик, минуту молча сидел, затем сильно потер нос, извинился и, вывалив бумаги обратно, стал перебирать их по одной. Я без всякого интереса следил за его манипуляциями, переводя взгляд с бумаг на лицо, с лица на телефон... Жаль, что я не спросил у Шефа, как этим ребятам удалось забрать Джекжера. Быстро

они его заполучили, без бумажной волокиты и канители с оформлением. Странно. Я хорошо знаю молодцев из канцелярии, им даже если сам президент скомандует, и то неделю будут тянуть и согласовывать.

— Вот она! — провозгласил директор, взмахнув сложенным вдвое листком бумаги. — Извините за беспорядок, у нас сущий бедлам. Скоро выпуск, а людей, как я уже говорил, мало. Катастрофически мало.

Нашел кому жаловаться! Пусть обращается по инстанции к своему армейскому начальству, ему мигом пришлют людей. Вот уж где людей хватает, так это в спецслужбах. Тем не менее я сочувствующе развел руками — в смысле, ничего не поделаешь. Пустые слова...

— Надеюсь, вы давно уже догадались, что у нас не притон. Прошу извинить за дешевый розыгрыш с жетоном. Откровенно говоря, я был приятно поражен вашим поведением. Страх перед этими мерзавцами так велик, что многие удрали бы в тот же час. Однако признайтесь, вы все же были уверены, что имеете дело с курией?

— Ну еще бы! — охотно согласился я, тем более что так оно и было.

В следующую секунду я сообразил, что веду себя как полный кретин, демонстрируя излишнюю сообразительность, и мгновенно скорректировал:

— Как это — розыгрыш?

Директор испытующе глянул на меня, прищурился, но потом махнул рукой.

— Ладно, в любом случае вы вели себя достойно. Не кинулись за мной, уверяя в сочувствии, но и не сбежали. Хорошо, когда люди не теряют достоинства. Вы мне понравились!

— Польщен, — только и сказал я.

Знал бы он, с какой скоростью я собирался уносить отсюда ноги.

— Жетон можете предъявить вашему начальству, и вас оставят в покое. («О покое я уж как-нибудь позабочусь, — мелькнуло в голове, — выбраться бы, а жетон самому пригодится».) Но считаю свои долгом внести ясность...

— Позвольте, — я не мог отказать себе в удовольствии подергать тигра за усы, — если вас не прикрывает курия, то у меня появляется основание безболезненно продолжать расследование.

Директор Юрайда разочарованно вздохнул.

— По-моему, с Джеджером вы уже разобрались.

— С ним да, но не с остальными, — тихо сказал я.

Пора было слегка приоткрывать карты. Либо он сейчас рывкнет мне свое воинское звание и потребует соблюдения всех почестей по стойке «смирно», либо примется доваривать лапшу.

— А кто еще вас интересуется? — искренне удивился директор.

— У меня тут небольшой список.

Я достал из записной книжки листок распечатки, аккуратно развернул и вручил директору.

— Это только часть, но для начала, думаю, хватит.

Просмотрев список бывших выпускников, он равнодушно вернул его.

— Вы можете дать адреса хотя бы некоторых выпускников вашей школы?

Медленно покачав головой, он неожиданно рассмеялся.

— Боюсь, что не смогу удовлетворить ваше любопытство. Нет, я действительно не знаю, где они сейчас находятся.

— Следует понимать так, что вы имеете прямое отношение к их исчезновению?

— Ну почему так сразу — «исчезновению»? Мы действительно имеем некоторое отношение к их перемещению за пределы страны. Вы удовлетворены такой формулировкой?

Формулировка меня удовлетворяла. Я кивнул.

— Хорошо. Тогда, я полагаю... Впрочем, у вас есть дети? — перебил сам себя директор.

— Есть.

— Тогда вы меня поймете. Хоть мы и кричим на всех перекрестках, что мир катится в преисподнюю, люди по-прежнему благоденствуют. Они привыкли жить на пороховой бочке. Но так не может продолжаться вечно. Если канатоходец не слезает с каната, он рано или поздно упадет. Земные недра нашпигованы ракетными шахтами, в океанах подводных лодок больше, чем рыбы, и при этом мы влезает во все заварушки. А что говорить о военно-промышленных спрутах? Они подгребают под себя все, до чего могут дотянуться. Рано или поздно все это лопнет таким кровавым пузырем, что реки и моря станут красными. Нет, вы уж мне поверьте, перспективы рода человеческого блестящими никак не назовешь! Разумеется, я противник войны и насилия во всех проявлениях, но я не страус и зарывать голову в песок не хочу. Если мы не в силах предотвратить катастрофу, то надо хотя бы позаботиться о будущем человечества. Вернее, о тех немногих, кто выживет после нее.

Вот так номер, подумал я. Пацифист в рядах наших славных и доблестных вооруженных сил, смешнее не придумать.

— Я охотно подпишусь под любым воззванием за мир и разоружение, — продолжал директор, — но если в каком-нибудь паршивом реле замкнет контакт, то воззванием

межконтинентальную машину, выходящую из шахты, не остановишь! И поздно будет приносить извинения по прямому проводу. Необходимо быть реалистом и учитывать все, что в силах учесть. Этим мы и занимаемся!

— Чем именно? — тупо спросил я, пытаюсь понять, чем он собирается завершить свою дешевую лекцию.

— Мы готовим наших выпускников к максимальному выживанию. Это потенциальные лидеры уцелевших! Они знают, как вести себя в экстремальных ситуациях. Даже если кроме них никто не выживет, они начнут все сначала. Мы рассредоточиваем их повсюду, где только можно и нельзя. Поэтому не надо меня спрашивать, где они сейчас. Ну и, сами понимаете, эта информация не для огласки. Во всяком случае, я надеюсь на вашу порядочность. Но даже если вы окажетесь человеком болтливым... Что ж, в худшем случае пресса пошумит одну-две недели, ну, может, оппозиция обратится с парочкой запросов.

Он замолчал, а я чуть было не зевнул ему в лицо. Когда он начал свои рассуждения о бренности бытия, я стал ожидать большого вранья и вот дождался рождественской сказочки о будущих благодетелях. Слов нет, придумано красиво. Так и видишь, как среди руин и пепелищ возникают быстрые ловкие тени, собирают уцелевших и ведут их в леса и горы. А там, разумеется, начинают рассказывать голодным и больным историю искусства, которую им здесь преподают почему-то ночами.

Директор Юрайда, мягко говоря, врет. Но все-таки непонятно и странно, почему он и те, кто стоит за ним, снисходят до лжи, а не просто выставляют меня отсюда. Раз так, подергаем еще.

— Стало быть, ваши супермены выживут в любой ситуации? — невинно спросил я. — Даже если остальные людишки вымрут?

— Если у них будет шанс, они его не упустят.

— А дальше?

— Что — дальше?

— С кем они будут воспроизводить род человеческий? Надо позаботиться насчет соответственно натасканных подруг.

— Мы это учли, — после секундной заминки проговорил Юрайда. — Вы забываете, что существуют и женские исправительные школы.

— То есть вы их расселяете парами?

— М-да, нечто в этом роде.

Вот он и попался! Надо же — парами! Я специально убил два дня на списки выпускниц женских спецшкол, но ничего подозрительного не обнаружил, если не считать исчезновенный воспитанниц вместе со своими сутенерами или самоубийств в наркологических центрах. Эти вряд ли годились в праматери рода людского. Нет, врал директор Юрайда, а почему врал — непонятно. Все здесь врут, решил я, пусть из самых лучших побуждений, но врут. Директор врет, воспитанники заливают, Бидо темнит, и Шеф тоже хорош...

— Прекрасно! — сказал я. — Ваш случай вне моей компетенции. Полагаю, что в Сенате с одобрением отнеслись к вашей затее?

Со свистом втянув в себя воздух, директор Юрайда скривился так, будто ему птичка на язык капнула.

— Мне только этих фашиствующих старперов не хватает!

— Как же вы проводите свой бюджет? Президент обещал урезать все программы, не имеющие выхода на Бункер.

Директор шелкнул пальцами. Я понял так, что эти пустяки меня не должны волновать. Пробный шар ухнул мимо лунки.

В дверь без стука просунулась голова Селина. Со словами «извините, на минутку» голова втянулась обратно, дверь закрылась. Все произошло так быстро, что я, сидя к двери боком, сообразил, в чем дело, лишь когда директор встал из-за стола и, сказав «Я сейчас», вышел.

Из коридора неслись возбужденные голоса, слов разобрать я не мог. Подслушивать у замочной скважины неудобно, можно получить дверной ручкой в ухо. Техника осталась в портфеле, со мной только приставка в кармане плаща и мелочь.

«Даже если директор говорит правду, — подумал я, — Джеджер все-таки не тот человек, которого я хотел бы первым увидеть, вылезая из убежища. А остальные... Они пока здесь — тихие. Хорошо, что все это вранье!»

Директор вернулся минут через пять, молча сел в кресло и, побарабанив короткими пальцами по столу, принялся рассматривать меня. Не понравился мне его взгляд. Вижу тебя насквозь, говорил он, ты враг, говорил он, смерть тебе!

Скорее всего мне все это померещилось. Шеф прав, с моим воображением надо иметь нервы толщиной с палец или вообще их не иметь.

— Мне кажется, что я вас не убедил, — тихо сказал директор.

— Нет, почему же! — вежливо ответил я. — Боюсь, что был излишне назойлив. — Я развел руками. — Служба!

— Оставьте, — устало смежил веки директор, — вы умный человек. Притворяетесь, правда, хорошо, но... Кстати, вы учились в Форт-Менте?

— Не имел чести, — сухо ответил я.

Его манера перебивать самого себя начинала раздражать.

— Но ваш перстень...

— Корнерстоун, социологический факультет.

На выпускном вечере мы с Кларой обменялись перстнями, а через два дня она погибла в авиакатастрофе. Я никогда не был суеверным и особенно не верил в провидение, но мысль, что она пересекла мой путь и приняла удар судьбы на себя, не оставляла никогда. С тех пор я всегда ношу университетский перстень — и память, и талисман.

Вопрос директора покорибил меня. Я понимал, что сейчас начнется другой разговор, и чем он еще кончится — неизвестно. Если я не лезу в его дела, то для него же лучше не лезть мне в душу. В конце концов все, что сказано, было только сказано. А верить каждому на слово — так свой миллион никогда не сколотишь. Единственное, что можно потрогать, — это жетон, и тот, как выяснилось, наглая подделка. Ох, напущу я на них старину Бидо со всей его сворой!

Выяснив, что я не оканчивал училище для федеральных оперативников в Форт-Менте, директор Юрайда повеселел.

— Отлично, — провозгласил он, потирая руки, — я чувствовал, с вами можно быть откровенным. Не спрашиваю, что вас привело на эту службу, но надеюсь, что она не идет в ущерб широте вашего кругозора. Я вообще противник секретности, но при некоторых обстоятельствах гласность может повредить. Наши демократические институты, убежища бюрократов, препятствуют любому начинанию, а реальная помощь часто исходит из учреждений, стремящихся к целям, противоположным нашим. А ловчить, поступаться принципами — скверно.

Что ж, с этим я могу согласиться. Принципами торговать нехорошо, однако эти умозрения сейчас меня не интересовали. Одно смущало: директор весь расслабился, обмяк, в голосе исчезли неуловимо издевательские интонации, которые раздражали в его откровениях о грядущей мясорубке. Сейчас передо мной сидел усталый пожилой человек, который мог быть, например, моим старшим братом.

Он не мог быть моим старшим братом. В то время, когда он учил африканских детишек грамоте, мой брат Саркис давно уже пророс сорняком на арлимском пустыре, закопанный после побоища с чужаками. Но это личное дело каждого, где ему быть и в каком качестве.

— Скажите мне, если не трудно, во имя чего, во имя какой цели работаете вы? — прервал паузу директор. — У вас неплохая машина, потом вы купите другую, потом еще... Квартира, дом, вилла. Жена, любовница, другая любовница... Производить, чтобы потреблять, и потреблять, чтобы производить. Банально. Но немного обидно для разумного существа, вы не находите?

— Вы можете предложить нечто более интересное?

— Всему свое время! Вряд ли вас приводит в восторг навозная куча, в которой по уши засело наше благословенное общество. Пресса на откупе у монополий, искусство превратилось в вотчину сексуальных маньяков, интеллигенция впадала в мелкие извращения, и всем наплевать на всех в соответствии с поправками к конституции.

Кажется, он радикал, разочарованно подумал я, или левый.

— Где наши традиционные ценности? Где дух первооткрывателей? Скажите зажавшемуся обывателю: героизм, отвага, доблесть. Он покивает головой, но в лучшем случае сочтет вас болваном. Деловитость и предприимчивость вы-

родились в наглое пошлое жульничество. Технические изощрения выдаем за прогресс. Культ силы привел к тому, что нас либо боятся, либо ненавидят. А мы ненавидим самих себя. Спесиво поучаем всех, как себя следует вести, а в доме своем не можем навести порядок. Закрываем глаза на вакханалию преступности, кричим о расовом и классовом мире, и это в самой разобщенной стране! Позор! В чем дело, почему истощились духовные силы?

Вопрос был явно риторическим, но директор на некоторое время замолчал. Все это прелюдия, идеологическая, так сказать, подкладка. Сейчас пойдет главное. Я отношусь к умеренным нейтралам, но у меня есть знакомства в различных кругах, приходилось по работе общаться и с радикалами, и с фундаменталистами. Наслушался и тех, и других. А тесть мой вообще был леваком, и каждый визит к ним превращался в политсеминар. Он донимал меня анализом моей классовой сущности и обзывал винтиком репрессивного механизма. На старости лет он неожиданно перешел в католичество. Этот опрометчивый шаг настолько шокировал уважаемых соседей, что многие в городке перестали с нами раскланиваться.

— Чем же вы объясняете такое положение вещей? — спросил я, чтобы прервать затянувшееся молчание.

— Не притворяйтесь наивным! Наше общество потеряло стимулы духовного роста. Мелкое копошение во имя мелкого благополучия породило поколения мелких людей. Исчезли сдерживающие факторы нравственности, мораль элиты и дна стали неразличимы. Большие стимулы, способствующие оздоровлению нации, отсутствуют, а почему? Потому что нет великих целей! Не к чему стремиться, нет такой мечты, во имя которой общество могло бы пренебречь внутренними и

внешними распрями. Вы скажете — личное благополучие? Оно оказалось ложной целью хотя бы потому, что привело к распаду общества. Но какая цель, пусть даже ложная, породит новые стимулы для духовного возрождения? Надо найти, вообразить, придумать, наконец, то, во имя чего даже последний мерзавец не рискнет вылезти на поверхность со своими шкурными интересами. И когда у нас появится Великая Новая Цель, мы...

— ...мы установим во имя ее Новый Порядок? — вставил я.

Директор Юрайда запнулся и с недоумением посмотрел на меня.

— Моего отца сожгли в Дахау, — негромко сказал он, затем вдруг закричал: — Как вы могли подумать! Как вы посмели!

— Извините, возможно, я неудачно выразился.

Он смотрел на меня, и снова я видел в его глазах: «Враг, враг!», снова засосало под ложечкой...

— Неудачно — не то слово! Подозревать нас в тоталитарном заговоре? Чудовищно!

С чего это он так разнервничался, как старая дева в лупанарии? Вежливый обмен мнениями о перспективах нашей демократии перешел в мелодраму. Но если я хожу вокруг горячего пирога, то надо форсировать события, даже рискуя обжечься.

— Все это очень мило, — сказал я, — но мне по-прежнему ничего не говорит ваша «новая цель». И кстати, кто это — «мы»?

Как говаривал старина Бидо в ответ на мое очередное обещание упечь его в одиночку, «тишина — лучший массаж

для нервов». Минуту или две мы с директором Юрайдой массировали друг другу нервы, затем он рассмеялся.

— Лучше ничего не сказать, чем недоговорить. С вашего позволения, я продолжу.

И он продолжил.

То, что я услышал, не просто поразило меня, а даже заставило на некоторое время разувериться в реальности происходящего. Но прежде директор окончательно добил все забытые или еще тлеющие цели, закопал все правительственные программы и кремировал традиционные ценности. И только после этого торжественно объявил, что путь человека в будущее проходит через космос. Интенсивное освоение космического пространства вызовет мощный взрыв героического энтузиазма, объединит человечество, заставит хотя бы на время забыть распри и переориентирует интересы активной массы. Пусть в конечном итоге и космос окажется ложной целью — это все-таки Большая цель! Не трусливое ковыряние на орбитальных станциях, а смелый массивированный бросок на ближние планеты. Освоение новых плацдармов и снова рывок... Да, конечно, конгрессмены скорее удавятся, чем отдадут пару миллиардов голодающим Африки. Но даже скупердяев из бюджетной комиссии ослепит блестящая перспектива космической экспансии. Тем более что им не придется тратить деньги на подготовку людей. Вот она, первая волна освоенцев. Сильные, ловкие, бесстрашные и готовые на все.

Он имел в виду своих воспитанников!

Я не знал, что делать, принимать эту фантазмагорию всерьез или, вежливо улыбнувшись, выразить недоверие. Тут я представил своего сына таким Гордоном Флешем. Вот он в роскошном скафандре. Одной рукой вырывает полураспако-

ванную красотку из шупалец омерзительного похотливого спрута, а другой — поражает из бластера летающие тарелки, нашпигованные до отказа завоевателями Галактики. Я невольно улыбнулся, директор принял это на свой счет и недоуменно поднял брови.

Я объяснил ему, чем была вызвана улыбка. Он хохотнул, но тут же серьезно спросил:

— Вы уверены, что не хотели бы скорее видеть сына где-нибудь на Марсе, чем без дела шатающимся между парком и трудбюро?

Крыть мне было нечем — он попал в самую точку. Что я предложу сыну после школы, если он к этому времени не спутается с шатунами? Полицейские курсы? Или устройю по большому знакомству (старина Бидо!) мелким служкой? Я пришел к мысли, что при всей невероятности затеи директора Юрайды и тех, кто за ним стоит, есть в ней нечто привлекательное. Дети получают новый шанс! Как складно получается: самые активные, самые оголтелые нонконформисты с удовольствием ринутся в космос. А как же — героинка нового фронта! Меня немного смущал термин «активная масса», где-то я его слышал, но бог с ним! Даже если все это не выведет страну из социального ступора, то хотя бы тысячи, десятки тысяч потенциальных преступников не уйдут в курию, не станут шатунами... Меньшее зло?

— Как к вашему проекту относится курия?

Лицо директора потемнело, глаза зажглись ненавистью.

— Мы не позволим этим негодьям запускать свои грязные лапы в наши дела, — отчеканил он. — Дай им волю, они всю Солнечную систему превратят в бордель!

Он был прав как никогда. Другое дело — понравится ли такой оборот старине Бидо? Но почему перед шансом для

моего сына должен стоять Бидо? Пусть я не альтруист и меня заботит не благо человечества, а личная безопасность, но только из-за трусости отца своего незачем страдать сыну!

Я поймал себя на мысли, что всерьез поверил директору. Действительно, учтено все. Общественное мнение уже постепенно распаляется заявлениями компетентных лиц, сенаторов заваливают письма избирателей, требующих немедленного штурма космических бездн. Если под этим соусом еще и сократят расходы на вооружение и переоборудуют межконтинентальные в транспортные, то я первым встану навытяжку и спою гимн в честь директора Юрайды.

— Ладно, — сказал я, — считайте меня вашим союзником. Но как вы оказались в номерном квадрате? Армия?

— Не только армия, — кивнул директор, — есть и другие силы. Впрочем, армия давно присматривалась к космосу и имеет свою долю в наших проектах. Мы ее сразу разочаровывать не будем. Им самим надоест играть в «космические войны», когда люди станут заниматься настоящим делом.

Дела здесь и впрямь нешуточные. И не курят здесь, отучают. Наверно, антитаб! В кармане у меня лежит нераспечатанная пачка «Престижа», и хоть бы что!

— Вам приходится много работать? — посочувствовал я.

— Перед выпуском мы и ночами занимаемся, — спокойно ответил директор. — Используем стимуляторы, немного, малыми дозами. Конечно, под контролем первоклассных врачей. Но, к сожалению, бывают срывы. Крайне редко, но бывают.

Намекает на Джеджера. Понятно. Нет, не очень стыкуется! Когда мы его задержали, третьего или четвертого... они что, уже пичкали детишек стимуляторами? Впрочем, этим молокососам все нипочем, у них и после эфетола похмелья

не бывает. В их годы я как огурчик бегал почти неделю без сна на допинге, пока не споткнулся, решив переспать с девочкой из соседнего подъезда. Поспать-то я поспал, можно сказать, выспался на славу...

— Ну, вот вы и в курсе всего, — объявил директор Юрайда и поднялся с места. — Уверен, что мочиться в наш бензин вы не будете.

Я заверил Юрайду, что не собираюсь портить им бензин, мы немного посмеялись, а затем я сказал, что меня ничто больше не задерживает. Пройдусь еще раз по школе и уеду.

Директор задумался, потом бодро сказал, что не имеет ничего против моей прогулки. И вообще неплохо было бы перекусить. Дела делами, а режим прежде всего. Я пообещал не опаздывать на завтрак.

И пошел во двор.

Глава третья

Пока мы с Юрайдой вскрывали болячки общества и перебирали цели со стимулами в придачу, разгрузка окончилась. Ящики исчезли, народу во дворе почти не осталось. Три подростка толкали большую скрипучую садовую тележку с мотками толстой веревки, поверх которых лежала ручная лебедка. Вернее, двое толкали, а один пытался помочь, но только мешал. Заворачивая за угол дома, они чуть не перевернули ее.

Я пошел за ними. Вообще-то надо было идти к старине Бидо и выкручиваться. Но не хотелось... Не хотелось, чтобы курия запускала свои мохнатые лапы в это дело, не хотелось,

чтобы меня придавили здесь между делом, не хотелось, чтобы Шеф засчитал возвращение как провал. Ничего не хотелось. С другой стороны, директору Юрайде я не сказал, что в комнате у меня затаился матерый «аббат», которому нужны языки или головы, чтобы оправдаться перед конклавом. Я не сказал директору, что если курия сядет на хвост, то самое разумное — без суеты сливать бензин и выбрать местечко потенистее, чтобы вдове не напекло головку во время посещения.

Хотя до завтрака оставалось еще полчаса, я чувствовал себя пророком Иезекиилем после плотного обеда. Давно мне не было настолько скверно. Впервые так на меня накатило в дюнах, когда я валялся с растянутой стопой после блестяще провалившегося вторжения. От нашей десятки остались трое — я, Гервег и Хом. Хом лежал рядом, и жизни в нем было не больше, чем в подметке. Гервег уполз в сухой колючий кустарник в поисках воды. Я был уверен, что он не вернется, оставив меня в попутчики Хому. Вот тогда на меня навалилось, нет, не отчаяние и безнадежность, а тупое черное равнодушие ко всему. Страх пришел после, когда приполз Гервег с распухшим от укусов лицом, толкая перед собой шлем с мутной жижей. Я испугался за себя: до той поры я не подозревал, что во мне есть такая чернота и безразличие...

Садовую тележку прокатали мимо спортплощадки к запахнутым дверям, которые я принимал за вход в раздевалку. Подростки разгрузили тележку и потащили лебедку в темный проем.

- Не тяжело? — спросил я, подходя.
- Не-а, — мотнул головой тот, что стоял ближе.
- Что у вас здесь? — Я ткнул пальцем внутрь.
- Склад.

— Тебя как зовут?

— Хенк.

— А скажи-ка, Хенк... — Я на секунду осекся, потом спокойно продолжил: — Вы не здесь, случайно, боеприпасы держите?

— Что вы, — удивился он, — они в арсенале!

— Ах да, конечно, — сказал я, раздумывая между тем, стоит ли брать его в оборот.

Хенк и еще двое. Пит называл их, и они что-то знают.

— Нравится тебе здесь?

— Нормально, — лаконично ответил Хенк, укладывая мотки.

Стеллажи были забиты матрасами, разобранными спортивными снарядами и длинными кривыми трубами.

Ничего я не собирался выпытывать у парня. Мне уже было все равно, где, когда и каким образом они собираются прорываться в космос. Мне было плевать, кто за этим стоит и на чьи деньги вершатся у них великие дела. Единственное, чего я хотел, — это очутиться на Побережье, надавать кому следует по физиономии, а потом плюнуть на все и зарыться в горячий песок. На Побережье сейчас тепло, нет этой мокрой гадости и холодного ветра. Что я здесь делаю, на что трачу силы и время? А времени, может, и осталась сушая ерунда!

В глубине склада что-то с шумом обрушилось.

— Вот недотепы! — вскричал Хенк и бросился туда.

Я пошел вдоль стеллажей. Склад был больше похож на ангар. Высокий сводчатый потолок окрашен зеленой краской, местами она лохматилась и отставала неопрятными кусками. Две сильные лампы качались над головой, тени прыгали по стенам, сшибались корявыми угловатыми фигурами. Склад

был врублен в гору метров на двадцать. Здесь вперемешку со спортивной снастью лежала разбитая мебель, стандартные упаковки кафельных плиток и свернутое в тюки дурно пахнущее старое тряпье. Замка на дверях нет, это, видно, заскок местного руководства. Впрочем, при таких грандиозных замыслах они могут позволить себе маленькие слабости.

Хенк и его подручные справились с лебедкой и выскочили, переругиваясь, наружу, оставив дверь открытой.

В конце склада рядом с ящиками, сложенными впритык к стене, ржавым пятном темнела небольшая овальная дверь. К своему удивлению, я обнаружил, что это заглушка от персональных бомбоубежищ фирмы «Кастлер» с запирающим колесом в центре.

Я взялся за колесо, оно пошло туго, видимо, им редко пользовались. Люк открылся, свет от ламп высветил помещение. И опять я оказался обманутым! Это было не бомбоубежище, а небольшая пещера с низким сводом; в нескольких метрах от люка шумела темная вода. Я сообразил, что это подземная река.

Перешагнув через порог, я заметил, что вода течет почти вровень с полом. Света не хватало, но все же я разглядел дыру, откуда шла вода, и еще была видна поперечная щель, куда она уходила.

Подойдя ближе к воде, я наступил на что-то мягкое. Я не вскрикнул и не подпрыгнул, но сердце екнуло и в голове стало холодно. Нагнувшись, я выругался. Под ногами у меня лежал надувной плот. Воздух был спущен, когда же я охлопал его, то обнаружил, что спасательный комплект и рация отсутствуют, но ампула на месте. Я знал эту модель — четырехместный армейский «поплавок».

Выбравшись из пещеры, я завернул люк и, потушив свет, вышел на воздух.

У дверей школы я догадался, что видел Ледяную реку. Она начинается где-то в Загорье, несколько раз пропадает в ущельях, а затем выходит к столице. Неглубокая река, скорее речка.

В коридоре меня встретил директор. Он извинился за то, что не сможет позавтракать вместе со мной, проводил до лифта и ушел.

Дверь кабины захлопнулась с лязгом. Я посмотрел на часы. Бидо сейчас изнывает от неизвестности. Он может, не дождавшись меня, вылезти на свет божий и учинить с перепугу кровопролитие. Вот тут-то я и окажусь между двумя катками. Хотя, если повезет, воспользуюсь заварухой и благополучно исчезну! А если бы тут учился мой сын?

Пока я раздумывал, кто-то вызвал лифт. Кабина дернулась и пошла... вниз! Ого! Я не знал, что у них есть нижние этажи, да и кнопки... Вот пять кнопок: стандартная панель, верхние две замазаны зеленой краской. Я-то думал, чтоб по ошибке не нажали!

Кабина проехала мимо пустого освещенного коридора, я успел разглядеть зарешеченные двери. Наверно, это и есть арсенал.

На следующем этаже лифт остановился, но я не стал выходить, чтобы неожиданность была на моей стороне. Зачем она мне понадобилась, эта неожиданность, я не знал. Привычка!

«Ну, скоро ты там?» — донесся голос снаружи.

В полумраке за частой сеткой трудно было что-либо разглядеть. Я пожал плечами и осторожно нажал на ручку.

Опять коридор. В его глубине тускло светится единственный плафон, а под ним спиной ко мне стоит воспитатель. Издалека послышалась невнятная скороговорка и металлическое дребезжание.

— Что ты там бормочешь? — раздраженно воскликнул воспитатель и, пройдя вглубь, скрылся за дверью.

Тихо закрыв кабину, я рывком проскочил площадку перед лифтом к штабелям картонных ящиков в большой нише. Внутренний голос уговаривал меня не заниматься глупостями, все и так ясно, но я был в своей стихии — выслеживал, крался, полумрак, зловещие фигуры. Детский сад! Правда, игры в этом саду непростые и на мою долю игрушек может не хватить. Но привычка... За годы службы выработался идиотский профессионализм, толкающий на действия, значительно опережающие мысль об их последствиях. Юрайда про нижние этажи ничего не говорил, да и в плане их не было.

Дверь громко хлопнула, и смачно чавкнул замок. Ага, замок, отметил я. Не такие уж они идеалисты, это несколько утешает.

Мимо прошли двое: воспитатель и охранник. Охранника я тоже разглядел, это был тот, похожий на Бака-визектора.

Лифт загудел. Выбравшись из своего блиндажа, я в очередной раз спросил себя: какого черта я здесь потерял? Арсенал не самое подходящее место для прогулки перед завтраком, а если мне понадобится полевое безоткатное оружие с боекомплектом для исключительно гуманной акции, то директор Юрайда одолжит на денек-другой. Мы с ним теперь если не друзья, то вроде как союзники.

Коридор был заметно короче верхнего, того, где меня безуспешно дожидается голодный и злой старина Бидо. Две-

ри здесь зарешечены, замки на дверях и на решетках. Хорошие замки, филлиповские, красная точка мигает — сигнализация.

Коридор кончался тупиком, слева от него дверь без решетки и замка. Зато к ней прикиплен лист бумаги, на котором я в полутьме еле разобрал буквы коротенького слова: «Морг».

Вот здесь бы разгуляться воображению, вот здесь бы представить, как я вхожу, а там... там меня встретят надлежащим образом, оприходуют, обмоют и уложат, аккуратно скрестив руки на груди. Или, скажем, войду, а там Джеджер, и другие, и директор... воскресают, встают и хватают меня... Все эти пикантные ситуации я хладнокровно продумал и эмоций особых не испытал. Насмотрелся я на трупы во всех видах. Расследование в девяти случаях из десяти начинается с морга.

Я толкнул дверь и вошел.

Еще одно темное помещение. Справа от входа нащупал выключатель. Звонкий щелчок, и я зажмурился: ряды люминесцентных ламп с потолка обливали комнату ярчайшим белоголубым светом. Когда глаза привыкли к освещению, я разглядел огромную, во всю стену, дверь стационарного холодильника. Такие громадины мне довелось повидать на складах «Фрут Бокс» во время облавы на самогонщиков. Что ж, дипфризеры — самое удобное место для хранения скоропортящейся продукции. Здесь можно запастись стейками на десять лет вперед.

Копаться в чужих холодильниках — самый что ни на есть дурной тон. Того, кто шарит в чужом холодильнике, не пускают в приличное общество и не приглашают на великосветский раут. Придется отказаться от раутов. Где у них тут рычаг?

Я отошел к краю и отжал хромированную рукоятку вниз. Белая эмалированная дверь сложилась пополам и пошла вверх. В первые секунды я ничего не понимал, но когда среди аккуратным рядом уложенных тел я узнал слегка покрытое изморозью лицо старины Бидо, мне показалось, что из холодильника хлынул жар, что-то горячее кольнуло в сердце и растеклось в желудке.

Они лежали плотно прижатые друг к другу, головами к двери, голые, в пятнах замерзшей крови. Темная родинка на лице Бидо показалась мне черной, глаза его были закрыты, и слава богу.

Рычаг обратно не шел: я не сразу сообразил, что изо всех сил сжимаю рукоять в ладони, вместо того чтобы поднять вверх. Наконец дверь встала на место.

Я прислонился к белой поверхности. Меня трясло, но не от страха, а от холода. Теперь стало ясно, для чего Селлин вызывал из кабинета Юрайду. Они засекли Бидо и его людей. И странные взгляды директора означали только одно: он прикидывал, кончать ли меня вместе с Бидо или «аббат» в моей комнате оказался случайно. Лед был в его глазах, лед холодильника! Конечно, у них большие цели, высокая миссия, а тех, кто мешает и путается под ногами, — в холодильник!

Было немного жаль, но не Лайона Круипо, «аббата», а старину Бидо, хитрого, шустрого бродягу. Но тут же внутренний голос хладнокровно заметил, теперь уж я точно смогу отсюда выбраться. Потом пришла зависть: если они справились с Бидо, то какие тузы в их колоде! С курией у меня счетов особых не было, я старался, чтобы наши пути не пересекались. Комплексов на этой почве у меня не возникало, но муть всегда оставалась, когда мне, лицу со значитель-

ными полномочиями, приходилось делать реверансы перед каким-нибудь «кардиналом». А они не испугались! Р-раз, и нет старины Бидо со всей его неплохо вооруженной компанией, и плевать им на курию. Пусть знают, что с будущими освоенцами шутки плохи. Ну а если конклав спросит за Бидо с меня? Шел он ведь ко мне!

Выходя из морга, я не смог потушить свет. Вдруг полезла в голову густая чертовщина. Я был уверен, что стоит выключить освещение, как бесшумно поднимется дверь, восстанет старина Бидо и, укоризненно качая головой, медленно пойдет на меня...

К лифту я шел, не оборачиваясь, но одному богу известно, каких усилий мне это стоило. У пустых коробок воображение подсказало, что за ними кто-то прячется, но это пустяки, такими мелкими страхами самого себя не проймешь. За ручку я взялся мокрый от пота, и не страх, нет, не страх терзал меня, а сознание своей ничтожности и никчемности. Оно раскаленным гвоздем сидело в мозгу — стоило мне годы и годы выбиваться и карабкаться, чтобы в такой момент оказаться разменной фигурой, меньше, чем пешка, меньше, чем самая поганая пешка в чужой игре. А игра серьезная, и в правилах разобраться трудно, если они вообще есть, эти правила! Великая цель, новые стимулы... Какие слова! Интересно, наорал бы на меня директор Юрайда или сразу определил бы в холодильник, спроси я, оправдывает ли Великая цель равновеликие средства?

На втором этаже я вышел в холл и направился в столовую. Все эти переживания не могли заглушить зверский голод, тем более что вчерашний ужин был более легок. Может,

это цинично, но оставим курии погребать своих мертвецов. И вообще живой лев лучше мертвой собаки... или наоборот?

Сейчас почти десять. Неужели прошло всего два часа с тех пор, как я видел в последний раз старину Бидо, без связи, растерянным, с тоскливыми глазами?

В столовой было пусто. Три подростка торопливо допивали газировку. Один снова потянулся к сифону, но тут дверь с шумом распахнулась, в зал влетел Селин и заорал на них: «Чего расселись, через полчаса выпуск, быстро в актовЫй!»

Воспитанников как ветром сдуло. Из внутреннего помещения выскочили еще двое, в белых халатах и поварских колпаках. На ходу сдирая с себя халаты, они выбежали из столовой.

В актовЫй так в актовЫй! Я, не торопясь, дожевал гамбургер, запил водой и пошел в актовЫй зал.

Дверь в зал оказалась закрытой.

Из зала несся шум, кто-то визгливо смеялся. Пока я раздумывал, стучаться или плюнуть и уйти, мимо промчался подросток и, крикнув на бегу «На галерею, на галерею!», исчез в коридоре. Вход на галерею, опоясывающую актовЫй зал, был на третьем этаже.

По пути к лифту я задумался: почему воспитанники перестали меня выделять и не обращают особого внимания? Да и в первый день я не был в центре внимания, настороженность была, а сейчас и ее нет. Считают уже своим, что ли?

Перед входом на галерею толпилось несколько подростков, отпихивая друг друга от двери. Мне уступили дорогу, но крайне неохотно. Узкая галерея была набита воспитателями, охранниками и их подопечными. Я выставил вперед плечо и винтом протиснулся к перилам.

В бок упирался локоть охранника, кто-то мерно дышал в затылок. Перила давили на живот, но я игнорировал это неудобство. Я понимал, что присутствую в качестве зрителя, возможно, весьма нежелательного. Недаром так настаивал Юрайда, чтобы я как можно скорее уносил отсюда ноги. С первого взгляда стало ясно, что здесь происходит нечто весьма значительное.

Довелось мне бывать на выпускных торжествах, а как же: клятвы в верности родным стенам, убеленные главы почтеннейших мэтров, высокий слог и прочувствованная речь с небольшой слезой в голосе. И чистые лица выпускников, озаренные светом великих надежд, и маленькая девочка с огромным бантом, декламирующая «Напутственную оду» Гораса Д. Обергера, и все такое приличествующее моменту.

Непохоже, чтобы здесь собирались читать «Напутственную оду» или произносить высокопарные речи. Бантов я тоже не заметил. На сцене стоял узкий столик вроде журнального, за ним сидели трое: воспитатель, кажется, заместитель директора, а по бокам двое юнцов, затянутых в плотно облегающие костюмы из зеленой кожи. На столе перед ними лежали две коробки. Но не это поразило меня, а сам зал — ни одного кресла или стула, а только те самые рулоны, что разгружали сегодня утром. Они все были размотаны и пересекали белыми дорожками весь зал под разными углами, пола под ними не было видно. Несколько рулонов торчком приставлены к стенам, еще больше их было свалено в беспорядке в центре зала. На них сидели воспитанники, десять подростков.

Это и есть выпускники, догадался я. В зале больше никого не было, вся школа толпилась на галерее, хотя зал был большой, хватило бы места всем. Может, у них такой риту-

ал? А бумага зачем, да еще в таком количестве? Что они там внизу делать собираются — нужду справлять?

«Это кто справа?» — свистящим шепотом прошелестел воспитанник. «Ты что? — ответили из-за моей спины. — Это же Везунчик Куонг!»

Воспитатель, не вставая с места, взял со стола лист бумаги и начал громко зачитывать фамилии воспитанников. Те, чьи имена назывались, по очереди подходили к сцене. Воспитатель брал попеременно из двух коробок белые прямоугольники с лентой. Дипломы, что ли? Подошедший жал руку воспитателю и вешал прямоугольник на шею. Нет, не дипломы. Везунчик и второй хлопали выпускника по плечу, затем подросток возвращался в зал под сдержанный гул галереи.

«Повезло Селину, — завистливо сказал кто-то, — к Дергачу попал. У него не заскучаешь».

Селин действительно оказался в числе выпускников. Вид у него, насколько я мог разглядеть, был весьма горделивый. Белый прямоугольник он закинул за спину и привалился небрежно к рулонам. Пита среди этой команды не было видно, хотя он в школе уже четвертый год. Кстати, школа сейчас пуста, ее можно обшарить всю, от спален до морга. Я поразился собственному спокойствию, будто и не трясся полчаса назад в темном коридоре подвального этажа.

Закончив вручение прямоугольников, воспитатель поднялся из-за стола и ушел со сцены за кулисы.

Я несколько раз пробежал взглядом по галерее, но никак не мог обнаружить директора Юрайду.

Везунчик и, как его там — Дергач — прыгнули со сцены и подошли к воспитанникам. Селин подобрался, вытянул из-за спины белый прямоугольник и зажал в ладонях перед собой. Остальные тоже выставили вперед свои «дипломы».

На галерее стало тихо. Везунчик достал откуда-то белый шар величиной с крупный апельсин. Такой же шар появился и у Дергача. Они переглянулись, кивнули друг другу и подбросили шары вверх.

Яркая зеленая вспышка ослепила меня. Когда перед глазами перестали плавать желтые и красные пятна, я чуть не вскрикнул: внизу никого не было! Исчезли воспитанники, исчезли те двое, с шарами, начисто пропали рулоны, ни куточка бумаги не осталось.

«Куда они делись?» — возникла первая мысль. Очевидно, я произнес ее вслух, потому что охранник покосился на меня, а говорливый воспитанник с удивлением ответил:

— Как куда? Выпуск ведь, теперь до следую... ох!

Его взяли за шиворот и втянули в поток покидающих галерею подростков.

Волна безразличия захлестнула и утянула на дно, туда, где тишина и прохлада и осторожно ходят длинные тени. По краешку сознания проходили вялые мыслишки о гипнозе, о ритуале, о раздвигающихся полах. Почему-то вспомнилось, как в детстве бабушка водила меня в балаган смотреть на исчезновение слона. Мелкие догадки возникали по инерции, роль ничего не понимающего простака надоела, а ввязываться в высокоученый спор с директором бессмысленно. А всякие фокусы с исчезновением... Да мало ли как они вправляют мозги этой шпане! Они здесь ведут свою игру, крупную, очень крупную игру без правил. Впрочем, какие тут правила, когда главным козырем у них холодильник. Кто не боится курии, тот может вести игру без правил.

Что ж, сказал я себе, если с тобой ведут игру без правил, самое умное — уносить ноги. И как можно скорее!

На галерее опустело, я вышел за последними воспитанниками и пошел к лифту. Школа наполнилась возбужденными голосами, шумом, смехом, топотом, словно и не было этих нескольких дней напряженной тишины и чинного порядка. Выпуск. Но почему осенью?

Вернувшись к себе в комнату, я не обнаружил никаких следов борьбы. Беспорядок на кровати такой же, каким я его оставил. Значит, не здесь брали старину Бидо. Я взял портфель и вышел, хлопнув дверью.

К директору заходить не стал. Говорить не о чем. Если я увидел то, что не предназначалось для чужих глаз, и ему это не понравится, то он во имя своей правоты уложит меня рядом с теми. Уложит, искренне сожалея. Но цель слишком велика, чтобы спотыкаться об меня.

Впрочем, еще неизвестно, подумал я, как повернется дело с курией. Может, оставить здесь адрес, чтобы присмотрели за сыном, если по дороге случайно собьет грузовик? Или в центре города машину вместе со мной превратят в дуршлаг очередью с заднего сиденья мотоцикла? Каждая следующая мысль становилась все более безнадежной. Курия, знаете ли...

Во дворе меня ждал директор.

Он несколько раз крепко встряхнул мою руку, пожелал доброго пути и заявил, что проводит до ворот. Я не стал возражать.

Мы шли молча. Скользкие листья расползались под ногами, ветер гнал с деревьев водяную пыль, пахло кислой гнилью.

У ворот он остановился.

— Кто вам читал историю социальных учений? — спросил он.

— Не помню, — ответил я, пожимая плечами.

Опять пустые разговоры!

Теперь можно вежливо улыбнуться, помахать ручкой и расстаться друзьями. Ворота были распахнуты, рельс лежал у стены, дырка от него заполнена водой. Они подогнули мою машину к краю, чтобы грузовику было удобно разворачиваться.

Директор подобрал с земли веточку и сосредоточенно ломал ее на куски. Я тоже не торопился. Куда спешить — в столице рано или поздно придут и спросят, куда я дел старину Бидо. А когда я им отвечу: разве я сторож вашему «аббату», тут меня и прихлопнут.

Юрайда доломал ветку и ссыпал кусочки себе в карман. Достал визитную карточку.

— Здесь мой столичный адрес.

— Благодарю. — Я небрежно сунул ее в карман.

Спросить его, что ли, о выпуске? Не стоит, опять совет.

— Ложь о Валленроде смутила не один слабый ум, — прервал молчание директор, испытующе глядя на меня, — и соблазн действительно велик. Лучше быть шестерней, чем песчинкой в зубьях. Еще ни одна песчинка не ломала машину...

Не понимая, что он имеет в виду, я ничего не ответил.

— Конрад Валленрод, магистр Тевтонского ордена, жестокий истребитель еретиков и неистовый завоеватель, легендами был превращен в народного мстителя, пробравшегося на командный пост, не брезгуя никакими средствами, для того чтобы в решающий момент подставить силы ордена под сокрушительный удар. Как это утешительно звучит для тех, кто продается врагу, надеясь впоследствии послужить правому делу. И как это ласкает слух тех, кто, служа богу, вдруг

узнает, что прислуживает дьяволу! Кто строит поединок на обмане, чаще всего обманывается сам.

Интересно, для чего он мне рассказывает эти исторические анекдоты? То ли вербует в свои ряды, то ли намекает, что к трупам в холодильнике не имеет отношения, а если и имеет, то вынужденно, протестуя в душе. Но откуда он знает, что я видел морг? Неужели после этого он рискнет выпустить меня отсюда живым? «Ловушка! — обожгла мысль. — Он меня проверяет!»

Директор говорил, говорил, называл имена и даты, приглашал на Рождество к себе домой... Я слушал его невнимательно, изредка кивая.

— Нет ли у вас сигарет? — неожиданно спросил он.

Я протянул так и не начатую пачку «Престижа». Он распечатал ее, вытянул три штуки, завернул их в носовой платок, а затем извлек из кармана небольшой пластиковый пакет и запаковал в него платок с сигаретами. Минуту или две мы молча смотрели друг на друга. В его глазах был вопрос, чего-то он от меня ожидал. Но мне было уже наплевать на все тайны и трупы. Скорее бы домой или на теплый песок.

Директор Юрайда кивнул, прощаясь, повернулся и медленно пошел к школе. Его плащ несколько раз мелькнул за деревьями и исчез.

Я подошел к обрыву. Каменистая осыпь терялась в дымке внизу. На противоположной стороне желтели пятна кустов. Там, за холмами, начинается спуск в Долину.

— Красиво, не правда ли?

— Великолепно! — согласился я и только потом обернулся.

Неслышно возникший Пупер протягивал мне папку.

— Вы забыли акты проверки.

— Ах да, — равнодушно сказал я. — Спасибо.

— Всегда к вашим... — улыбаясь, начал он, но тут же осекся.

Его взгляд уперся в мою ладонь. Я продолжал держать пачку сигарет, забыв о них. Под лопаткой засосало, я понял, как сильно изголодался по затяжке. Пупер же с явным беспокойством разглядывал именно голубую пачку «Престижа».

— Если не ошибаюсь, — сказал он, уставив на нее палец, — она у вас была полной! В школе вы не выкурили ни одной.

— А вам что за дело, любезный? Вы тут ведете войну с табачными компаниями?

Наглый охранник что-то пробормотал и завертел головой, всматриваясь под ноги. Потом вскинул на меня глаза, потянул носом и перевел взгляд туда, где минуту назад скрылся директор. Не ответив мне, он быстро пошел к воротам.

Слова, факты и предметы еще не сложились в законченную картину, но тем не менее я делал свое дело автоматически: догнал Пупера, сбил с ног и, сорвав с себя галстук, прикрутил охранника локтями назад к прутьям ворот. Когда он опомнился от неожиданного нападения, я уже достал ампулу с сывороткой и сорвал с иглы колпачок. От укола в плечо он дернулся и вытаращил на меня глаза.

Вот сейчас он и посылет все со скоростью футбольного комментатора.

— Ну, давайте побеседуем, — ласково сказал я. — Что интересного вы могли бы мне рассказать по дружбе?

Но Пупер, вместо того чтобы начать тут же выкладывать все как на исповеди (сыворотка действует практически сразу), потребовал, чтобы я немедленно его развязал, начал грозить жалобами моему начальству, а под конец заявил, что я сошел с ума и меня надо немедленно изолировать. Я же сто-

ял над ним и недоумевал. Сыворotka, что ли, скисла? Не бывает такого, чтоб после двух кубиков человек тут же не превратился в выбалтывающую тайны говорящую машину! Возможно, он ничего не знает. Пешка вроде меня. Хотя странная у него реакция, и сигареты...

Мысль не успела оформиться, когда я медленно достал зажигалку, извлек сигарету. Он расширившимися глазами следил за моими манипуляциями. Когда я зажег сигарету, он дернулся и обмяк. Затыжка теплой волной пошла в легкие.

Я выдохнул дым прямо ему в лицо и... еле успел отскочить. Его вывернуло наизнанку. Пупер захрипел и, кажется, потерял сознание.

Ничего не соображая, стараясь связать мысли воедино, я стоял как пень. Потом легонько двинул его ногой в щиколотку. Пупер слабо застонал, открыл один глаз и снова закрыл.

— Отравитель! — просипел он. — Вы все отравители, вся ваша поганая планета!

Меня затрясло от возбуждения. Я напал на жилу и разработал ее до конца. Если понадобится, я буду пытаться его еще, но он мне сейчас выложит, почему планета «наша», а не его!

— Куда девали выпуск? — рявкнул я ему в ухо. — Где они?

Он молчал. Я щелкнул зажигалкой.

— Немедленно прекратите, — захлебываясь, зачастил он, — мы помогаем вам избавляться от никому не нужных и опасных элементов. Они не нужны школе, производству, даже армии. Но их энергия, храбрость, этическая гибкость...

Старые песни. Хватит, наслушался!

— Не дуй в карман! Куда их дели, быстро!

— Вы не поймете...

— Я постараюсь. Итак?.. — Я похлопал по карману, где лежали сигареты.

— Пятерых... — он просипел что-то неразборчиво, — остальных перераспределят на... — снова непонятное сипенье.

— Громче и внятнее!

— Это недалеко, шесть и двенадцать световых лет.

— Ты что, будешь косить под маленького зеленого человечка? — рассердился я.

— Развяжите мне руки и уезжайте, — с угрозой сказал Пупер. — Если станете болтать, вам никто не поверит, а нам стоит моргнуть, и от вас даже пепла не останется. Вы и представить не можете, сколько людей служат Делу, не подозревая о нем.

Он так и сказал: «Делу», с большой буквы, значительно. Но угрозы — это хорошо! Угрозы — это мозоли, козыри и больной зуб. Значит, ты человек, если угрожают. Угрожают — значит, боятся. Но если он и впрямь... оттуда? Не может быть, бред, фантастика! А если это правда, то какая нелепость: тщательно охраняемая тайна всплывает вонючим комом на поверхность из-за ерунды, пустяка. Впрочем, все засекреченные системы защищены от серьезных поползновений и утечек. Предусмотреть можно все, кроме роковых случайностей. А они и разваливают самую хитрую конспирацию.

— Так зачем вам подростки? — перебил я Пупера.

Вместо ответа он захотел пнуть меня в живот, но я мигом урезонил его. Он крякнул от боли и затих.

— Итак? — Я поднес огонек к сигарете.

— Ладно, — тихо сказал он, — я вас предупредил...

Вся правда оказалась невозможной, неожиданной, но я поверил сразу. И растерялся. Одно дело, когда после работы

валяешься на диване с банкой «Туборга» перед телевизором и смотришь, как наши славные парни разделявают мерзких пришельцев всех мастей и расцветок, другое — когда выясняется, что, пока киношники лепили свои дешевые декорации, натуральные инопланетяне без шума и рекламы вывозили наших детей!

— Освоение Галактики требует больших затрат, не только материальных, но и этических, — втолковывал мне Пупер. — Отряды цивилизаторов несут трудную, но благородную службу, которая под силу только им и больше никому!

Он говорил о благодарных родителях, получивших приличные отступные и готовых пятки лизать воспитателям, лишь бы их чада были пристроены. И всем наплевать, куда они будут пристроены, лишь бы не были обузой. А слухи и утечки информации благополучно забываются сотнями вымышленных сообщений о летающих тарелках, о похищениях и прочей ерунде. Людям еще рано знать, что они не одиноки во Вселенной, так спокойнее спится.

— Что же делают эти цивилизаторы? — спросил я.

Пупер пробормотал, что, мол, космос велик и не все населенные планеты стремятся к нормальному общению, к взаимовыгодной торговле и тому подобным нужным и полезным занятиям. На некоторых не вполне развитых мирах бывают нежелательные эксцессы, и в таких случаях применение силы просто неизбежно для умиротворения и предотвращения большего зла.

— Но почему подростки? И почему наши? Своих, что ли, не хватает?

Он долго молчал, а потом нехотя сказал, что выбирать им не приходится, потому что взрослые особи (он так и сказал «особи», сукин сын!) не годятся по психопараметрам. Их

слишком долго обучать и координировать, а доподростковые возрасты недостаточно мисдиминаральноны. А почему земляне? Он предпочел бы не отвечать на этот вопрос, но если я настаиваю, что ж, он уступает насилию. Найти разумных и достаточно развитых существ, но при этом способных к силовым акциям, практически невозможно. Пока что мы единственные, и выбирать не приходится.

Вот так! Они прибирают к рукам населенные миры, но что-то мешает им убивать. Мораль, табу или как это у них там называется... Не важно! А если строптивые туземцы отказываются менять слоновую кость и рабов на бусы и зеркальца, то их объявляют дикарями и травят хорошо натасканными цивилизаторами. Господи, неужели история так омерзительно повторяется везде?

Пупер все призывал меня посмотреть на положение вещей непредвзято, проявить широту взглядов. В конце концов, несколько раз повторил он, когда земляне выйдут в большой космос, они смогут использовать опыт и знания первых отрядов, ведь лет через десять миротворцы начнут возвращаться... некоторые. А гласность пока вредна, поэтому они сотрудничают не напрямую с правительством, хотя и там есть контакты, неформальные, разумеется, а с частными лицами. В их распоряжении лучшие преподаватели, неплохое оборудование, люди вкладывают в работу всю душу...

На мой вопрос о директоре он уклончиво ответил, что не все посвящены в Дело до конца, даже Юрайда знает лишь то, что ему сочли нужным сказать.

Он говорил, говорил, а я всматривался в него, пытаюсь разглядеть что-либо чужое. В кино просто — там они неприятны, зелены и многоглавы, а этот охранник был похож... на охранника. Заурядное лицо, таких на сто — девяносто.

Хорошо бы запаковать его в багажник и вывалить перед оппозиционной прессой в столице. А вдруг и это обман, нет никаких инопланетян и вся подлость с детьми имеет вполне земное происхождение? Тогда в лучшем случае укутут в палату для буйных, если успеют. Скорее всего курия перехватит нас по дороге и вытрясет все. Тогда я буду свидетелем, и весьма нежелательным, в новой игре. Скверно играть, не зная правил, еще хуже — когда правил вообще нет.

Снова шевельнулось во мне сомнение, уж не обманный ли это маневр хитрого на выдумку директора Юрайды, однако чутье подсказывало, что хитрости кончились, я уперся в стенку и дальше хода нет, а сзади стоят с ружьями у плеча и сейчас упадет команда...

Я рывком поднял Пупера и несильно дал ребром ладони по горлу. Всхлипнув, он мягко осел на землю. Развязав узел, я оттащил его в кусты. Полежит полчаса, отдохнет, а я за это время сменю в Долине машину или доберусь до аэропорта.

Когда я подошел к своей «эйзет алка» и распахнул дверь, в глаза бросился прилипший к сиденью кленовый листок. Они заправляли машину, все в порядке, уговаривал я себя. Кто же в наше время сует в бензобак динамитный патрон или срезает тяги — это же просто неэтично. Я дважды обошел машину, заглянул в багажник, присел, осматривая днище, потрогал зачем-то фары, но никак не мог решиться. Может, столкнуть машину с обрыва, а там пусть ищут останки настырного капитана.

За воротами послышалось густое рычание турбинного двигателя, из-за деревьев показался грузовик. «Беккер» выполз наружу, остановился. Я метнулся к кустам. Из кабины выбрался водитель, за ним коренастый подросток. Они по-

дошли к рельсу, подняли его и, ухнув, высадили на место, выплеснув из дыры грязный фонтан. Водитель что-то сказал, подросток хохотнул и, махнув рукой, исчез за деревьями. Водитель забрался в кабину, а я, не раздумывая, выскочил из своего укрытия, вцепился в скобу и, подтянувшись, свалился в кузов. Грузовик тронулся с места, развернулся и покатил вниз по горной дороге.

В углу пустого кузова была свалена ветошь, куски брезента. Я вжался в угол, упершись ногами в рейку на полу. От развилки машина свернула к Долине и прибавила скорость. Я расслабился. Через полчаса въедем в город. Пупер скоро придет в себя, но пока доползет до школы, пока примут решение, я успею вылететь на Побережье. Плохо, что оставил у ворот свою машину, догадаются...

Плывать им на меня, ожесточенно подумал я. Они знают свое дело. Шеф мне не поверит или велит помалкивать. У него свои игры с курией, и я ему не партнер. Собрать газетчиков? Не поверят, розыгрыши с тарелками приелись, от меня потребуют доказательств.

Юрайда тоже хорош! Зря я гадал, на чем его поломали и за сколько купили. Таких не надо гнуть и ломать, дешевле обмануть. И не шестеренка он, а шестерка! Как он тогда — «меньшее зло»? Вот оно, его меньшее зло: продавать детей в иностранный легион. Как ни крути, эти «цивилизаторы» ничем не отличаются от наемников. От карателей.

Но все же не угроза и ненависть были в глазах Юрайды, а тоска. Им крутят, как хотят, и сделать ничего нельзя, и не директор он вовсе, а заложник. Он пытается как-то контролировать ситуацию, на курию окрысился, чтобы эти с ней не сторговались. Еще бы! Курия им добра наберет много, эшелонами. Меньшее зло, тьфу!

Господи, за что! За что, старый ты пес, наказываешь не нас, а детей наших?! Что там болтал этот — «единственные»? Неужели там больше некому убивать, и свои грязные делишки они обстряпывают нашими руками, руками наших детей? Выйдем в большой космос, а как же! Да любое мыслящее существо отшатнется с ужасом и омерзением от тех, чьи дети по локоть в крови. Если мы единственные убийцы, то подобающее нам место — на помосте, в капюшоне с прорезями и с отточенным топором в умелых руках. Они начнут возвращаться, эти убийцы! Радости-то будет сколько...

Пусть мы еще дики и кровожадны, но зачем выставлять напоказ наше безобразие да еще наживать на этом? Чем же они лучше нас, чистоплюи? Ведь знают про холодильник, прекрасно знают. Жаль, что не спросил, во имя чего они разыгрывают кровавую карту человечества, что они у себя не поделили?

Машину затрясло, брезентовый верх захлопал, очевидно, проезжали ремонтный участок. Скоро въедем в город.

Турбина загудела громче, что-то застучало, зашелестело по брезенту. Ветки, догадался я. Пора ориентироваться.

Пока я пробирался к заднему борту, машина остановилась. Я замер, прислушиваясь. Снаружи хлопнула дверь, что-то лязгнуло, потом грузовик медленно пополз вперед. Мы у бензоколонки, решил я и потянул полог вверх и перекинул ногу через борт.

Свет резанул по глазам. Пока я привыкал к нему, машина развернулась и встала.

Я, не теряя времени, спрыгнул. Выпрямился и сунул пальцы себе в рот, чтобы не закричать, — грузовик стоял во дворе школы, я бы поклялся, что это точная копия той, откуда я

выбрался, если бы на пороге не стоял Пит Джеджер и не делал мне ручкой.

В кустах над валуном мелькнуло красное пятно, раздался сухой треск. Рядом свистнуло, на голову посыпались клочья коры. Я вжался в холодную мокрую листву. Очередь прошла высоко, следующая иссекла ветки в стороне — стреляли наугад.

Пятно исчезло, но я не шевелился. Дыхание еще не вошло в норму, сердце толкалось где-то под мышкой. По руке поползла холодная струйка. Я немного приподнял голову — красный дождевой червь переползал ладонь. Брезгливо потрянул рукой и снова замер. Голоса наверху стихли, но от преследователей можно ожидать любой пакости. Сумерки уже наступили, но еще слишком светло.

Наконец я отдышался и немного отполз назад. Наткнулся на камень и застыл. Переждать, затаиться и переждать, время работает на меня, самое позднее через час стемнеет, я выползу к дороге, а там посмотрим.

Холод начал пробираться. Разогревшись во время бега, я чуть было не сбросил плащ. А сейчас лишь тихо радовался, что не сделал такой глупости. Не хватало мне еще воспаления легких!..

В голых кустах защелкала и засвистела птица. Соловей, решил я, тут соловьи неправильные, осенью поют. Не помню, какие из птиц предупреждают о человеке, а какие наоборот. Забыл. К черту птичек, надо зарыться глубже в заросли, а то на сучьях листьев почти не осталось, плохо прикрывают. Хорошо хоть плащ красноватый, на фоне палой листвы не очень заметен.

Особого страха не было, все шары улеглись по хорошо знакомым лункам: меня преследуют — я отрываюсь — в меня стреляют — я маневрирую. Просто, понятно, никаких загадок. Шанс выбраться из этой ловушки есть, и я им не пренебрегу. Страх придет позже, если я благополучно доберусь до столицы. Что меня там ждет: картечь в живот или кислота в глаза? Богатый выбор...

Будь я проклят, если понимаю, где развернулся грузовик и когда пошел обратно. У водителя рация, ясное дело, но почему меня не прихлопнули по дороге?

Обнаружив, что снова оказался во дворе школы, я окаменел и стоял, ничего не соображая. Джеджер что-то сказал в темноту дверного проема, и оттуда неторопливо вышли подростки с клюшками для гольфа в руках. Пересмеиваясь, они медленно двинулись ко мне, заходя справа и слева.

Я мгновенно стяхнул с себя оцепенение и скоординировался. Плохо! Будь их трое, даже четверо, я бы рискнул, но пятеро... А вот и Джеджер за ними... Шестеро! Не можешь бить — беги, а когда они растянутся, то одного-двух вырвавшихся вперед можно скovyрнуть. Все это мелькнуло в голове, и тут же я нырнул под кузов грузовика, выскочил сбоку и рванул вниз по дороге, к воротам. Увести их подальше, измотать и взять поодиночке на испуг!

Но не успел я пробежать и сотни метров, как увидел еще нескольких подростков, с гоготом и улюлюканьем бегущих навстречу. Игра приняла другой оборот. Я взял левее и, проламываясь сквозь кусты, выбрался к спортплощадке.

«Куда же вы, капитан, — узнал я издевательский голос Джеджера, — поговорим!»

Они не спешили, зная, что мне деваться некуда — спортплощадка врезана в гору. Я и сам тогда не понял, почему

кинулся именно сюда. В острые моменты интуиция меня еще не подводила. Не отдавая себе отчета в действиях, я пробежал отрезок от здания до склада, полностью выложившись.

Распахнув плечом складскую дверь и не зажигая света, я метнулся в самый конец, моля бога, чтобы не споткнуться. Налетел на ящики, чертыхнулся и тут же нашупал колесо люка. Проклиная себя за то, что утром туго завернул его, крутанул изо всех сил и чуть было не упал, когда люк распахнулся. Оказавшись внутри, я потянул люк на себя, но успел увидеть, как в светлом проеме ворот возникли темные фигуры, раздался хохот, гулко усиленный сводами. Стараясь не лязгнуть металлом, я тихо довел люк и завернул кремальеру. Стопора не было, люк можно легко открыть и снаружи.

Нашупав на резиновом плоту карман с ампулой, я хорошенько стукнул по ней кулаком. Мягкий ком подо мной вздулся, расправился и задеревенел. Недолго думая, я осторожно столкнул его в воду, лег на рейки и оттолкнулся от берега. Вода подхватила плот и понесла его. Я вжал голову как можно ниже, хотя понимал, что большой опасности не должно быть, иначе здесь не держали бы плот. Интересно, а для чего его хранили?

В темноте ничего не было видно. Течение убыстрилось, я обнаружил, что постепенно сползаю головой вперед. Следовательно, подземная река уходила вниз. Сколько я ни шарил вокруг себя, весел не обнаружил. Впрочем, сейчас они мне были ни к чему. Я ничего не мог предпринять и просто лежал на дне плота, стараясь не думать о пропастях в конце пути, решетках на выходе и прочих дешевых ужасах из низкопробных боевиков.

Течение замедлилось, а встречный ветер перестал трепать волосы. И тут же в глаза ударил свет.

Река вырвалась на поверхность в ущелье. Подняв голову, я обнаружил, что плот несется на трос, низко, почти у самой воды натянутый между берегами. Ухватился за него и притянул себя к неширокой отмели из крупной гальки.

Плот я вытащил на берег и закидал листьями — на всякий случай. Пройдя немного по течению, наткнулся на широкую тропу. Посреди нее валялся разбитый длинный ящик с рассыпанными вокруг стреляными гильзами. Я пожал плечами и пошел дальше, туда, где, по моим расчетам, должна была находиться дорога.

А через несколько шагов обнаружил, что меня ждут...

Левую руку я немного отлежал, и она затекла. Я осторожно вывел ее из-под себя и пошевелил пальцами.

Терпение истощалось. Конечно, единственный шанс — это ночь, темнота, но лежать в грязи за компанию с дождевыми червями мне опротивело. Ничего не предпринимая, можно расслабиться, потерять бдительность — и вот тебя уже волокут в холодильник за ноги, и директор Юрайда говорит приличествующие моменту слова о высоких целях и неизбежных жертвах.

Лучше всего заползти глубоко в кустарник, найти место посуше. Влажные листья не шуршали, но ползать по ним было тяжело. Я прополз несколько метров и взмок. Если меня здесь не прихлопнут, то пневмония доконает наверняка.

Шорох слева! Я замер в нелепой позе, а рука так и осталась на воротнике, вытаскивая свалившуюся за шиворот веточку.

Из-за кустов вылез невысокий, но крепкий плечистый парень, и не клюшка для гольфа была у него в руке, и даже

не «ганза», любимая трещотка наемников, а компактный «дюрандаль», восемьдесят четыре малокалиберных дисбалансированных жала. Они входят в тело под углом и рвут ткани в клочья. Впрочем, хватит и одного попадания. Например, в мое тело. Холодная ярость захлестнула меня: мало того, что они балуются самоделками, так еще заполучили новую модель, лишь недавно начавшую поступать в армию.

«Вот оно, оружие, — полыхнуло в мозгу. — Действуй!»

Когда он отвернулся, я рывком прополз несколько метров, подобрался ближе, прикрываясь кустами, и прыгнул. Он обернулся в тот момент, когда я летел на него в прыжке. Реакция у него была мгновенной, но я опередил его на долю секунды, выбив ногой вскинутый «дюрандаль». Коснувшись земли, я крутанулся на одной ноге и пнул его в бедро. Он полетел в заросли. Ну, тут мне снова пригодился галстук. Вытянув его из кармана, я связал руки подростку.

С оружием в руках я чувствовал себя дураком вдвойне: не надо было отказываться от него при выезде в школу, уповая на Закон о Возмездии, а главное, дело принимало иной оборот. Многозарядная трещотка в моих руках так и взывала к силовым акциям.

Что ж, подумал я, если меня и пристрелят, то хоть паду с оружием в руках. При исполнении. Я чуть не выругался вслух от раздражения на самого себя. Напыщенный дурак, на кой черт тебе оружие! Если им понадобится быстро с тобой покончить, то они подвезут минометы и перекроют ущелье. Славно порезвятся, а заодно и технику опробуют.

Подросток очухался и теперь жег меня ненавидящими глазами.

— Если пикнешь, уложу на месте, — прошипел я, погрозил зачем-то пальцем и стал продираться сквозь кусты к реке.

Тропинка шла к полигону, директор что-то говорил о ней, идет она от школы и тянется через все ущелье.

Едва я отошел на несколько шагов, как юный негодяй заорал диким голосом: «Сюда, Пит, Хачи, скорей сюда!» У меня хватило здравого смысла не возвращаться, хотя пара оплеух привела бы крикуна в чувство. Я прибавил ходу и свернул вправо.

Идти было трудно. Податливая масса раскисших листьев вязко пружинила. Скользко. Я мог в любую минуту кувырнуться с пяти-шести метров вниз, на камни, вылезшие из воды.

Послышались возбужденные голоса, по камням зацокали пули. Я метнулся вперед, но тут же сошел с тропы и полез наверх. Они кинутся по тропе, а я залягу наверху и пережду.

Сумерки сгустились, но видимость в ущелье еще хорошая, солнце снизу подсвечивало облака. Темное небо и странно белеющие облака, словно приклеенные.

Голоса и стрельба остались внизу. Я прислонился к дереву и перевел дыхание. Здесь кончался кустарник, за ним стояли редкие тощие березы на открытом пространстве, а метрах в тридцати начинались скалы.

Я добрался до скал и, прижавшись к нагретому за день камню, застонал от блаженства. Тепло...

В скалах были широкие расщелины. Хорошее убежище. Отсюда была видна противоположная сторона ущелья, заметны искореженные, разбитые в щепу деревья, большие черные проплешины.

Нашли место для полигона, злобно думал я, протискиваясь между глыбами. Я ободрал руку, но пролез в колодец, образованный рухнувшими сверху огромными камнями. Здесь

было темнее, чем снаружи, но сквозь щели можно еще разглядеть кустарник внизу и подходы к расщелине.

За длинным обломком я обнаружил углубление, в котором и разместился. «Дюрандаль» жал мне бок, я выставил его перед собой. Получилась отличная стрелковая ячейка. Если полезут в щель, то по одному можно перебить батальон пехоты. Но не воевать же с детьми?! Правда, детки уж больно способные. Ну а как же, не просто сопливые пацаны, а высоко ценящееся в обитаемой Вселенной пушечное мясо.

Если бы пушечное мясо, затосковал я, если бы они были жертвами обмана! Так ведь нет, они знают, на что их специально и со вкусом натаскивают. Не удивлюсь, если кроме лекций по искусству им и литературу соответствующую тщательно подбирают, стишки на ночь читают про мужество и отвагу. Не пушечное мясо, а кровь и плоть войны, единственная убивающая сила, пользующаяся большим спросом. Золотари и вышибалы нужны всем! Но как нас встретят в космосе? Брезгливо зажав носы или что там у них. Космос... Да кто рискнет пустить нас дальше Луны, нас, убийц по призванию?

А кто сможет нас остановить, мелькнула горделивая мыслишка, но тут же сам понял — кто! Им объяснят, что надо! Во имя нашего же блага. Лучшие надзиратели — это бывшие рабы.

Мысли пошли по кругу, я устал, ноги страшно ныли, спину ломило. Жаль, что эфетол остался в портфеле. И ночную приставку я легкомысленно переложил туда. Все нескладно, все наперекосяк.

С Джеджером и то не успел разобраться. Из-за него и посыпалась труха, но что с ним тогда случилось, так и осталось непонятым.

Почему он удрал из школы, на что намекал, говоря об изоляторе? Как его сумели так быстро забрать? Что с ним было — нервный срыв? А сейчас поправился и вышел на охоту для укрепления нервов. Лучшее средство от бессонницы — охота на человека!

И с директором тоже непонятно. То ли сам обманывает, то ли его обманывают. Издевался он надо мной или действительно звал в союзники? Возможно, он здесь в одиночку пытается что-то делать. Может, он помешался от ненависти к курии. Мало ли какие у него личные счеты. Вот и решил одну нечисть натравить на другую и не заметил, как попал в жернова. Но это всего лишь мои домыслы.

Лежать на камнях было неудобно. Я встал, несколько раз присел, разминаясь, и снова вернулся на место. Возникла мысль о рывке наверх, к дороге, но я эту мысль благоразумно подавил.

Время от времени я поглядывал вниз, а когда уже решил, что они убралась отсюда, кусты зашевелились, из них вылезли две фигуры, а за ними еще две. От досады я стукнул кулаком по камню!

Они медленно пошли вдоль зарослей, потом начали карабкаться вверх. Вскоре их голоса раздались возле моего убежища. Я прижался к камню, подтянув к себе «дюрандаль».

— Глянь-ка, Пит! — сказал ломающийся голос.

— Ого, а вот еще!

Следы! Я же шлепал по грязи и мокрой земле, а здесь сухой камень. Надо же так развинтиться!

— Куда он делся? — спросил первый.

— Никуда не денется! — уверенно отозвался Пит и крикнул: — Давай сюда!

Подошли еще двое и встали перед лазом. Из моего убежища можно было разглядеть всех преследователей.

— Надо эту дыру проверить, — сказал один из них, тыча пальцем в мою сторону.

— Так ведь он вроде туда полез, — возразил первый, вглядываясь себе под ноги и указывая куда-то вбок.

Я затаил дыхание. Если заметят, пристрелят как куропатку.

— Здесь его нет! — гулко раздался голос рядом, а потом уже снаружи: — Может, его внизу зацепило, надо пройтись!

Пройдись, пройдись, ну, давай, взмолился я, мне бы еще минут двадцать или даже десять, темно уже.

— А следы?

— Не поймешь, вроде он снова вниз пошел. Или наверху засел?

— Переждем, — сказал молчавший до сих пор подросток. — Ночью никуда не денется, а утром мимо нас ползет. На дороге встретим.

Они заговорили разом, заспорили, потом Пит заявил, что за палаткой лучше не ходить. Во-первых, можно нарваться (бояться меня, сопляки!), а во-вторых, до утра можно пересидеть вот здесь, в расщелине. Не маленькие!

У меня пересохло в горле. Мышеловка захлопнулась! Навалился Большой Страх и стал душить, в голове опустело, и в этой пустоте завизжал тонкий голос: «Беги, беги, беги...»

Бежать было некуда. Хорошая каменная гробница! Я хотел подняться, но из ног будто вынули кости.

Они по одному протискивались в расщелину, еще несколько шагов, и Пит скажет: «А вот и наш капитан», — или что-то в этом роде, и вид у меня будет глупый и позорный.

Страх вдруг ушел, испарился, на какое-то мгновение мне померещилось, будто я снова окопался в дюнах, а рядом Гер-

век пытается снять пулеметчика с вышки, и хоть нет у меня ни к кому здесь ненависти, я буду стрелять и убивать, чтобы не убили меня.

Это видение еще не успело исчезнуть, когда я вскочил и нажал на спуск.

Сухие хлопки слились в длинный треск и заметались в каменном мешке.

«Что я натворил, — обожгла мысль, — в кого стрелял?!»

Пит был еще жив, когда, шатаясь, я подошел к нему. Он что-то пробормотал и уронил голову.

Что я натворил, я же убил их! Не знаю, сколько времени я простоял над ними, тупо повторяя: «Что я натворил, что я натворил, что я натворил...» Но тогда я еще не понимал — что! И когда вдруг понял, пришел огонь и выжег мозг, в глазах замелькали багровые пятна. Их лица в темноте не были видны, но я вдруг решил, что один из них — мой сын!

Не помню, что было потом. Кажется, я по очереди тормозил их, лепетал: «Вставайте, ребята, поиграли и хватит», — и другой вздор. Потом меня подняло с места и кинуло вниз; продираясь сквозь кустарник с закрытыми глазами, я споткнулся и полетел лицом в листья, и единственной при этом мыслью было: «Сейчас проснусь...»

Я стоял на тропе, у ног моих лежал «дюрандаль». Шок прошел, холодное отчаяние сковало меня. Было все равно, идти вниз, к полигону, а там застрелиться или спрыгнуть в реку здесь. Самое подлое, что одновременно с этим я не собирался делать ни того, ни другого, мелкие оправдания возникали и тут же стыдливо гасли. Но придет их час, они расцветут потом, и память все смажет.

Ложь, сплошная ложь! А правда — вот она: кровь детей моих на руках моих. И моя ли в том вина? Им сказали — убей, их научили — как, им объяснили — зачем. Что с того, если они не здесь, а *там* свирепствуют в зондеркомандах, что с того, если они замарали имя человеческое во веки веков?! Но ведь и меня сделали убийцей, эти чистоплюи! Кто им дал право вязать нас кровью? Кто дал право загонять в казармы, продавать в наемники?

Игры без правил кончаются кровью.

Я сел на камень и долго просидел в темноте.

Звезды начали исчезать, потянуло сыростью, наполнил туман. Туманом сопровождался мой приезд сюда, им же и кончается. Ничего, это ненадолго. Теперь я начну задавать вопросы, и пусть они попробуют мне не ответить!

Если ведется игра без правил — устанавливай свои правила!

Я подобрал «дюрандадь» и пошел наверх, к школе.

Москва, 1981 г.

ЧЕРНЫЙ СТЕПХ

Старое пепелище всегда кисло пахнет,
но мед с кладбищенских цветов сладок.

Книга Вишт, стих 317

ПРОЛОГ

Жил-был однажды Аршак Змрян, и было ему четырнадцать лет. И сел он в летний день на самолет и прилетел из Еревана в Москву. Когда-нибудь он вспомнит, что из этого вышло, а пока эту историю расскажу вам я...

РОДНЯ

Аршак объявился у своего московского дяди в разгар очередной семейной ссоры. Явление племянника, которому по всем резонам полагалось быть далеко за Кавказским хребтом, придало разговору между дядей и тетей дополнительную остроту.

Дядина родная сестра предупредить о скоропалительном вылете не успела, телефонная связь, как всегда, барахлила, но самочувствие Аршака от нервного дядиного приема и тетиных вздетых бровей не испортилось. Он с большим удовольствием съел тарелку вежливо предложенных шей, не отказался от добавки и за чаем рассказал, как сидел в аэропорту — не то плохая погода, не то самолетов не хватало.

— Да, — сказала тетя Зина, — это мы знаем. Недавно у нас три человека жили пять дней. Туман, понимаешь! Гостиница, понимаешь... — Она смерила дядю взглядом, определила его чрезвычайную ничтожность и удалилась на кухню.

Дядя ушел за ней. Оттуда понесся сковородный лязг, хлоптели дверцы холодильника и стенного шкафа, а невразумительное бурчание дяди забивалось приглушенными, но внятными кликами тети Зины: «Но позвонить-то, позвонить можно было!» Снова дядино бур-бур-бур, и тетя Зина уже в полный голос: «Да что ты мне объясняешь?! Я все понимаю, но у нас не постоянный двор...»

Аршак развалился на диване и думал о том, что дядя, наверное, расписывает тете обстоятельства его прилета. Считалось, что он еще маленький и не подозревает о новых затеях матери. Он как бы еще не догадывается о том, что долгий и тоскливый роман с сослуживцем, тихим и тоскливым Жирайром Аветисовичем, близится к торжественному тоскливому финалу с музыкой и шампанским. И они, ха-ха, не хотят травмировать малолетку. Аршак с сочувственной иронией относился к затянувшейся дружбе своей тридцатичетырехлетней матери и сорокапятилетнего, но бездетного вдовца. А пока он здесь осваивается, дома у него, вероятно, созревает новый член семьи, почти родитель.

Отца своего он не помнил. Судя по невнятным всхлипам матери, его увела из семьи лучшая подруга. Все его поползновения встретиться с сыном жестоко пресекались. Когда Аршаку было лет пять, незнакомый мужчина пытался с ним заговорить на улице. Маленький Аршак испугался и убежал. Возможно, это был случайный прохожий.

Аршак помнил дядю по его редким наездам в Ереван. Тетя Зина тоже приезжала, но один раз и давно. Судя по всему, у дяди в семье вечный облом, но это не повод, чтобы хлопотать дверью — деться все равно некуда, это раз, билет обратно куплен, так что дней десять родственники потерпят, это два. Ну а то, что тетя недовольна его прилетом, так и

ладно. Про буйный нрав и крутой характер тети Зины среди ереванской родни ходили легенды, а про концерты, которые она учиняла, случайные гости-свидетели рассказывали, закатывая глаза от сладкого ужаса.

А еще Аршак знал: здесь имеется двоюродный брат, почти старик — двадцать лет, и двоюродная же сестра, кажется, на год старше Аршака. Они не встречались, так уж получилось. Брата зовут Михаилом, а сестру Кларой. Брат учится и работает, а сестра только учится, но зато в музыкальной школе.

Незаметно для себя он задремал, а когда открыл глаза, то обнаружил в комнате высокого светловолосого парня, сидящего перед включенным телевизором.

— Ты смотри! — хлопнул кулаком по колену парень. — Верный голешок прокакали!

И, не оборачиваясь, протянул Аршаку длинную руку:

— Михаил.

— А меня Аршак зовут.

— Эт-то хорошо, — произнес Михаил и надолго замолчал.

Потом был ужин и роскошный чай. У тети Зины вдруг улучшилось настроение. Она испекла торт, все накладывала на тарелки, смотрела жалостливо и кивала сочувственно на любые слова гостя.

— Как будем размещаться? — спросил Михаил.

— Как обычно, — ответил дядя. — Ты на второй этаж, Аршак на твое место.

В маленькой комнате стояли нары, давно сколоченные дядей с большим вкусом и размахом — взрослый мог разместиться. Нарамы дядя гордился и при случае демонстрировал гостям.

— Вы что ребенка мучаете?! — вздрогнул Аршак от истошного крика тети Зины. — Он же на стуле спит, а вы лясы точите!

Михаила тут же унесло в соседнюю комнату, а когда гость, неудержно зевая, добрал до нар, они уже были застелены.

— А куда же Клара? — вежливо спросил он. — Может, я где-нибудь на раскладушке лягу?

— Клара... Клара, видишь ли, сейчас у своей тети живет, рядом с музыкальной школой, — пояснил дядя, копясь в платяном шкафу. — Так, понимаешь, ей удобнее, ближе.

— Ну да, — подтвердил, хмыкнув, Михаил, — а то еще, не дай бог, по дороге пальчик ушибет.

Аршак повернулся на бок и закрыл глаза. Тут он представил себе двоюродную сестру Клару: возникло унылое существо с постным лицом, косичками, длинным уродливым платьем до пят, но с огромной скрипкой, прижатой к худому подбородку. Существо взмахнуло смычком, откуда-то из раскрытого окна радио слабо отозвалось полночными курантами. И Аршак мгновенно заснул.

Ночью третий стакан чая дал о себе знать. Аршак сел и легонько стукнулся головой о второй этаж нар. Крякнул, сориентировался в полумраке и побрел, держась за стену. Нашел нужное помещение, вошел, отдал лишнюю жидкость унитазу, вышел и остановился, прислушиваясь.

На кухне опять что-то брякало и хлопало. Не спится тете Зине, подумал Аршак. Пойти рассказать ей про ереванские дела, может, легче станет?

Но там орудовала не тетя Зина. У раскрытого холодильника присела крупная рыжеволосая девица в кожаной куртке с металлической окантовкой. Она брала подряд банки,

пакеты, свертки и накладывала в большой пластиковый мешок. Заметив в дверях Аршака, подмигнула ему.

— Вы кто, — вежливо спросил Аршак, — воровка?

Девушка выпрямилась, обнаружив тем самым, что на голову выше его, хлопнула дверцей холодильника и взяла с подоконника шлем.

— Нет, я не воровка. А ты, как я погляжу, мой армянский братец, — констатировала она. — Добро пожаловать. Как эти, — кивок в глубину квартиры, — все грызутся? Тотальный привет!

С этими словами она вышла в коридор. Через секунду громко бухнула входная дверь, и почти тут же под окнами началась пальба. Аршак бросился к окну и со второго этажа разглядел в свете ртутного фонаря над подъездом, как девушка легко вскочила на мотоцикл и рванула с места, а за ней еще несколько машин с ревом исчезли в темноте, оставив за собой шлейф дыма и чей-то протяжный мат с верхних этажей.

Образ девочки со скрипочкой несколько потускнел. Аршак зевнул и пошел спать дальше.

ДВОР

Утром следующего дня он обнаружил себя в пустой квартире. На кухонном столе лежали ключ и записка, а рядом кастрюлька с гречневой кашей. Записка излагала правила обращения с барахлящим замком и умоляла, уходя, все обесточить, обезводить и обезгазить.

Аршак вывалил кашу в большую и глубокую тарелку, посыпал сахарным песком и залил холодным молоком, пакет которого случайно уцелел после налета юной скрипачки.

Потом неприкаянно бродил по квартире, рассматривая дядины чертежи, полистал справочники по дизайну на письменном столе.

День начинался туго.

Сунув ключ в карман, он проверил газ-воду-электричество и вышел во двор знакомиться с местностью.

Жил дядя в районе, весьма отдаленном от центра. Слева дом, справа дом, напротив стройка — глухая монументальная стена, метров сто в длину и этажей пять в высоту, а за ней краны, машины гудят... Несколько хилых деревьев. Остановка автобуса. Разбитая скамейка. На улице дома, серые и девятиэтажные. Словом, нормальный пейзаж. В углу двора капище детского городка — почерневшие от дождей и снегов корявые лилипутские избушки, бревенчатый мосток над бетонированной канавой и косо врытый чурбан, изображающий не то Илью Муромца, не то Идолице Поганое. За непристойными надписями и рисунками разобрать невозможно.

В песочнице ковырялась малышня, рядом на жухлой траве приседали выгуливаемые собаки.

Аршак прошелся по двору, раздумывая, не съездить ли в центр, пройти по улице Горького с непременно заходом на Старый Арбат, где, по слухам, этим летом разгулялась свобода.

На остановке три долговязых юнца сосредоточенно доламывали скамейку. Один из них, заметив подошедшего Аршака, выпрямился и поманил к себе пальцем. Аршак сплюнул,

отвернулся и медленно пошел. Заслышав шаги, нагнулся, вроде бы завязывая шнурок на кроссовке, а когда краем глаза засек нависшего дылда, то, не оборачиваясь, легонько вмазал пяткой в живот.

Дылда крикнул и сел на асфальт. Подскочили его дружки, из-за кустов вылезли еще несколько парней. Дылда поднялся и объявил, что сейчас будет учить драчуна хорошим манерам. Бить, впрочем, не торопились, их было много, сначала можно повеселиться.

Аршак осмотрелся. Шесть лбов, прорваться трудно, но стоит попробовать. Удар пяткой рыжему по колену, этого, с патлами, локтем в живот, нырок и ходу... А там видно будет!

Тут патлатый деловито осведомился, куда доставить тело. Аршак подумал — и сказал. Десять дней здесь жить, найдут, если захотят. Все вдруг заскучали, а рыжий спросил:

— Ты что, Кларкин родственник?

— Ну? — смерил его взглядом Аршак.

— Ладно, ребята, — сказал рыжий, — чего с ней связываться. Пошли. А ты ногами не сучи, пока не трогают, — сказал он Аршаку.

— Позавчера к ней ребята с соседнего двора подошли, — заговорил вдруг дылда. — Не приставали, хотели на дискотеку позвать. Так она, психованная, как пошла цепью махать, гнала через всю улицу. А дружки ее вообще...

— Пошли, пошли, — заторопился рыжий, — а Кларке передай привет. Мир, дружба.

И разбрелись.

Аршак постоял на остановке минут двадцать, но автобуса так и не дождался. Неожиданно заболел живот, и он побрел обратно, нащупывая в кармане ключ.

СОСЕДИ

День прошел бездарно. Почти все время Аршак провалялся на диване, листал дядины альбомы, съел еще каши, но без молока.

К вечеру один за другим собрались хозяева. Михаил сразу же сел к телевизору. Пока тетя Зина готовила ужин, Аршак успел сгонять в крестики-нолики с дядей. Тут выяснилось, что нет соли. Виновником немедленно объявили дядю, и началось его изгнание в магазин, откуда заодно надо принести яиц, картошки, молока и мыла. Дядя молчал, сопел и смотрел затравленным волком. Пока тетя Зина излагала свои взгляды на то, каким мужем должен быть дядя, каким не должен и каким на самом деле он, нехороший такой, является, Аршак тихонечко снялся с места и вышел на лестничную клетку.

Выбор был невелик — дверь слева и две справа. Он догадывался, что здесь к соседям как-то не принято соваться, но ереванские рефлексy заставили позвонить в ближайшую дверь.

Она распахнулась мгновенно, словно его звонка давно и с нетерпением ждали. Краснощекий старик, чем-то неуловимо похожий на Деда Мороза и Снегурочку одновременно, внимательно посмотрел на Аршака и крикнул в глубь квартиры:

— Мы сегодня кого-либо ждем в гости?

Появилась старушка.

— Ты кто, мальчик? — спросила она.

— Здравствуйте, — ответил Аршак. — У вас соли не найдется? Я ваш сосед, — он ткнул пальцем в щель, откуда волнами шел голос тети Зины, — то есть не сосед, а почти сосед.

— Ну заходи, почти сосед, — улыбнулась старушка. — Где-то соль у нас оставалась.

В прихожей вдоль стены громоздились ящики, на полу в комнате лежали тюки, узлы, пустые книжные полки стояли торцом у двери.

— Переезжаем, — объяснил хозяин, заметив удивленный взгляд неожиданного гостя. — Так что теперь у вас новые соседи будут.

Старушка вынесла банку с солью.

— Спасибо. — Аршак прижал банку к груди и попятился к двери, но споткнулся о небольшой полуоткрытый ящик и опрокинул его.

Аршак извинился, присел, поставил банку на пол и принялся сыпать обратно мелкий хлам: какие-то ржавые пружинки, разнокалиберные винты, болты, шурупы, разбитые очки, пустые баночки, пробки, камешки, стеклянные шарики...

— Вот что, — сказала старушка, — раз ты рассыпал, то не сочти за труд выбросить этот ящик.

— Сейчас, — кивнул Аршак. — Только вот соль отнесу.

Тетя Зина не заметила его рейда. Дядя, увидев банку с солью, обрадовался, ткнул в нее пальцем и хотел было что-то сказать, но тетя уже забыла про соль и втолковывала ему о прокладках в кране, капающем душе и иных сантехнических мелочах. Аршак послушал-послушал и пошел к соседям.

Оттащив ящик к мусоропроводу, вернулся и спросил, чем еще помочь. Отвинтил по просьбе хозяина литые бронзовые ручки и напоследок вынес еще один картонный ящик.

— Впрочем, — сказал, провожая его, хозяин, — пошарь, там много всяких штук. Мне ни к чему, а выбрасывать жалко.

— Это ты из Колиного чемодана? — всплеснула руками старушка.

— У меня сын геологом был. — Старик перестал улыбаться и легонько похлопал Аршака по плечу. — Отовсюду таскал старые штучки, набрал целый чемодан. Ему теперь ничего не надо, а нам тем более.

— Он... умер? — осторожно спросил Аршак.

— Почти. Спился, пропал.

— Вот именно этого мне сейчас не хватало, — сказала наконец тетя Зина, когда прошла ее немота. Онемела она в тот момент, когда в комнату ввалился Аршак с ящиком, водрузил означенный ящик на стол и вывалил неуместные, на ее взгляд, предметы. Но когда дядя потянулся к трухлявому кожаному футляру и вытянул из него старинный плоский фотоаппарат, дар речи вернулся.

Тетя немного покричала, пару раз рыкнула на дремавшего у телевизора Михаила и ушла на кухню.

— А это, интересно, что? — спросил Аршак, вытаскивая два овальных стеклышка, скрепленных пружинкой.

— Это, видишь ли, пенсне. — Дядя повертел стеклышки, отложил в сторону, запустил руку в ящик и вытащил длинный кованый гвоздь. — Какая прелесть! Явно позапрошлый век! Так ты говоришь, они уезжают?

— Завтра утром машина придет.

— Да-а... Наверно, хорошие люди. Жаль, так и не познакомились. Красота!

Последнее замечание дяди относилось не к переезду соседей, а к плоской лакированной шкатулке со сбитыми петлями и исцарапанной крышкой.

Вскоре на столе выросла гора разнообразных и абсолютно бесполезных предметов. Фотоаппарат оказался марки

«Цейс-блокнот», заряжаемый специальной фотопластинкой. Проржавевший насквозь гвоздь рассыпался на куски, к большому огорчению дяди. В шкатулке тоже нашлись забавные безделушки. Мраморный слоник с отбитым носом был немедленно водружен на телевизор. В потускневшей фольге оказался кусок толстого мутного стекла. Но самой замечательной находкой явилась перламутровая штука, похожая на ручку от зонта. Толстый стержень с выложенными по меди переливающимися пластинками неожиданно брызнул во все стороны разноцветными лучами.

Дядя, вертевший в пальцах стекляшку, снова завернул ее в фольгу и, не отрывая глаз от ручки, бросил сверток в общую кучу.

— Ну-ка, ну-ка... — Он потянулся к ручке, и Аршак с большой неохотой отдал ее.

Миша открыл глаза, поднялся с кресла и подошел к ним.

— Ого! — удивился он. — А я-то думаю, с чего это наша маманька развопилась?

Не отвечая, дядя с удовольствием разглядывал перламутровую ручку, так и этак вертел ее под лампой — по стенам и мебели запрыгали радужные пятна.

— Хороший старый перламутр, — констатировал дядя. — Как играет, а? Я к своему зонтику приделаю.

Аршак выпятил нижнюю губу, но ничего не сказал. Дядина идея ему не понравилась, он сам не отказался бы от ручки. К зонту приделывать — глупости! Можно повесить на шнурок — и на шею. В классе от такой штуки все заторчат!

Дядя все крутил ручку. Потом задумался.

— Странно. — Он покачал головой. — Ты заметил, узор на пластинках меняется. Вот, смотри!

Действительно, переливающиеся пятна не оставались на месте. Медленно, словно придавленные стеклом светящиеся капли, они меняли очертания, сливались, расплзались...

Медная нашлепка, слабо скрипнув, крутанулась. Трубка оказалась пустотелой. Дядя провел по внутренней стенке пальцем, но ничего не нащупал. Запачкался зеленым — и все.

— Забавно, забавно, — бормотал дядя, шаря по карманам. Очки нашлись на столе.

— Если сейчас же не очистите мне стол, то ужина не будет! — Голос тети Зины заставил всех вздрогнуть.

Дядя сунул ручку в карман домашней куртки, а остальное барахло сгреб в ящик. Ящик они с племянником быстро запищали под нары, подмигнули друг другу и пошли мыть руки.

К чаю тетя Зина подобрела и расщедрилась на банку сгущенки. Аршак снова спросил про Клару. Миша хмыкнул, а дядя, скосив глаза, пробормотал что-то про сольфеджио. Тетя каменно молчала.

— Она вам привет передавала, — сказал Аршак.

— Спасибо, — только и ответил дядя.

Тут тетя заговорила о воспитании и говорила долго. В итоге дядя пошел спать на нары, а Миша переместился на раскладушку.

А когда все заснули, Аршаку приснился сон.

СОН

Не то сумерки, не то уже ночь, а он будто едет в троллейбусе один и смотрит в окно: какие-то пустыри, строения, на горизонте дома, кое-где светятся окна.

Троллейбус разворачивается и замедляет ход. На обочине стоит большая машина с цистерной сзади. Время от времени под ней вспыхивает пламя, и тогда неровный дымный огонь высвечивает рабочих с отбойными молотками.

Куча земли, разбитые ящики, ведро с мазутом стоит на углях, а рядом ходит большая черная птица на удивительно коротких ногах. Снова вспыхивает пламя, и теперь видно, что ноги у нее все же длинные, но изогнуты, искривлены, а суставы задраны выше тела. Несчастливая птица еле ковыляет, царапая лапами свежеврытую землю. Она поднимает голову, и он слышит тихий долгий писк. Незнакомое чувство, словно обида пополам с усталостью, наполняет его. Это печаль...

Снова кричит птица, неуклюже ворочаясь у края ямы, кто-то говорит «черный стерх», а потом начинается другой сон.

Будто он попал в знакомый город — очень похожий на Ленинанкан своего детства. Были времена, когда летние месяцы он проводил у прабабушки. И вот идет по улицам, мощенным большими каменными плитами, каменные одноэтажные и двухэтажные дома из разноцветного туфа словно приглашают войти в распахнутые большие деревянные резные двери, мостовая мягко и беззвучно стелется под ногами. В лицо дует слабый ветер, взметнулось пыльное облако и понеслось навстречу. Он знает, что недалеко дом прабабушки. Надо зайти. Снова можно сидеть долгими вечерами за чаем, прислушиваясь к воспоминаниям прабабки и двоюродных бабок, а окно выходит в маленький уютный дворик с кустами крыжовника и старым абрикосовым деревом посерединке, у дерева конура, в конуре пес, а на конуре вечно дремлет дряхлый кот. И еще он знает, что узенькие кривые улочки сбегают вниз, к морю, это несколько смущает его, он

помнит, что моря в тех местах нет и не предвидится, речка пограничная — да, а до моря, может, тысяча километров... Кривые улочки тоже смущают — прямые квадраты старых кварталов не похожи на город сна, но и он был неплох, если бы не огромный небоскреб в центре, возвышающийся над невысокими, лепящимися друг к другу домиками. Он идет по улицам пустым, никого нет, тишина, но это и хорошо. Пока он идет, высокий дом все ближе, и вот он видит: это похожий на московскую высотку замок, с растущими ввысь башнями, узкими бойницами и застекленными галереями, а на самом верху сверкает большой шар.

Он подходит к дворцу, обходит его вдоль стены, выложенной из кирпича, камней и бетонных плит, но дверей нет, только заваренные металлическими угольниками ворота, обмотанные колючей проволокой калитки, забитые досками, утыканными гвоздями, проломы. А когда он устает идти вдоль нескончаемой стены, то просыпается.

Завтрак проходил мирно — тетя ушла на работу. Дядя, ковыряясь в яичнице, поднял вдруг глаза и сказал:

— Странный я сон видел. Будто еду по городу и вижу...

Аршак послушал немного и обиделся:

— Так это же мой сон!

— Как — твой? — удивился дядя.

— А вот как!

И Аршак продолжил с того места, на котором остановился дядя. Рассказал про птицу, про город и про замок. Дядя все ниже и ниже опускал голову, а когда поднял ее, Аршак увидел в его глазах слезы и испугался.

— Всю жизнь... — хрипло сказал дядя и закашлялся.

Он схватил чашку, сделал несколько глотков, отдышался.

— Всю жизнь я ждал этого дня, — продолжил дядя. — Ты хоть понимаешь, что это значит?

Аршак помотал головой. Он ничего не понимал.

— Как? Один и тот же сон снится одновременно двоим, а ты ничего не понимаешь? Впрочем, — спокойно добавил дядя, — я тоже ничего не понимаю. Одно скажу — это событие. Событие с большой буквы. Ну-ка, вставай. Идем, идем...

В большой комнате он полез в шкаф и извлек пухлую папку.

— Здесь есть кое-что интересное, — проговорил он, развязывая тесемки.

Он достал ворох бумаг и широким жестом пустил их по полу. Бумаги разлетелись по квартире. Это были листки с наклеенными на них вырезками из газет и журналов, какие-то ксерокопии, нечеткие фотографии. Аршак поднял несколько листков.

«Рисунки в пустыне Наска, как геометрический компьютер», — прочитал он под хаотическим нагромождением прямых и извилистых линий. «Полтергейст в Конотопе» — гласил заголовок над текстом на другом листке. «Контакт второго рода: Сарафанд, Агра и Биробиджан — типология и фактография» — на третьем...

— Это все вы написали? — уважительно спросил Аршак.

— Ты что, меня за дурака считаешь?! — Дядя от возмущения уронил папку. — Столько чуши один человек написать не может. Хотя... Нет, все же не зря, наверно, я собирал информацию, не зря общался с маньяками и придурками. Здесь кое-что есть.

Он замолчал. Аршак внимательно слушал.

— Ни хрена здесь нет, — вдруг засмеялся дядя. — Зато я теперь в этом большой спец. Но сейчас совсем другое дело!

Он возбужденно пробежался по комнате.

— Мы видели один сон. Значит, либо мы передали его друг другу, либо кто-то третий передал его нам. Телепатия или нечто подобное! Можно поэкспериментировать... Но почему «черный»? — вдруг проговорил он и надолго задумался.

Прошелся вдоль полки, вытянул том энциклопедии и рассеянно листанул.

— Вот! — хлопнул он по странице. — Смотри — белый журавль, или стерх.

Аршак подскочил к нему и глянул на рисунок. Большая красивая белая птица, высокая. А то несчастное полураздавленное существо... Ну, все-таки похоже, немного, но похоже. В самом деле, задумался он, стерх-то почему черный? Черный белый журавль — разве так бывает?

Дядя потер руки, а потом глянул на часы и вздохнул.

— Пора в эту чертову контору. Значит, так, я пойду отпущусь, ну, часа через два буду дома. Дождись меня.

И убежал.

Аршак минуту сидел в легком недоумении. Потом поднял листок, другой — и уже не мог оторваться. Он узнал массу вещей о пирокинезе и левитации, массирующей высадке пришельцев во все времена и на все страны, о таинственных свойствах пирамид. Время от времени он отрывал глаза от текстов и фотографий, тряс головой, стряхивая наползающую одурь и головокружение. Мироздание, бесхитрое доселе, оказалось густо набито загадками и тайнами всех мастей и расцветок. Аршак подозревал, что все, читаемое им, туфта самого низкого качества, нечто подобное он разрозненно встречал в случайных журнальчиках, но обилие невероятной информации подавляло.

Бренькнул телефон. Аршак с неудовольствием поглядел на аппарат. Телефон бренькнул снова. Пришлось отложить стопку листов с описанием встреч со снежным человеком и идти через всю комнату. Аршак поднял трубку. В трубке кто-то зверски сопел.

На вежливый вопрос, кого надо, ответом был лишь только могучий соп. Аршак бросил трубку, выдернул шнур из розетки и повалился на диван читать дальше.

Слабо задребезжали стекла. Где-то рядом трамвай проехал, решил Аршак, потом вспомнил, что до ближайшей трамвайной остановки добираться минут десять автобусом. Стройка, наверно.

Наконец пришел дядя. Вид у него был растерянный. Он вошел, несколько раз оглянувшись на лестничную клетку, запер дверь и накинул цепочку.

Молча переоделся, умылся, поставил чайник на плиту и вернулся в комнату. К его приходу Аршак успел аккуратно собрать бумаги в толстую стопочку.

— Что-то у меня нервы шалят, — сказал вдруг дядя. — Во-первых, звонками достали. Подхожу — никто не говорит. Сейчас шел домой, чувствую — кто-то в карман прямо на ходу лезет. Я — хват! Никого! И на улице рядом ни души. Что-то меня знобит, — жалобно проговорил дядя.

— Может, вы простудились?

— Может, — согласился дядя. — Я лучше прилягу. Хотя нет, схожу вот сейчас за хлебом, а потом прилягу.

— Давайте я схожу, — вскочил Аршак.

— Нет-нет, мне надо еще в сберкассе зайти. И в аптеку.

На лестничной клетке вдруг громко хлопнула дверь, несколько человек заговорили разом, заскрипела выносимая мебель.

— Соседи уже переезжают, — догадался Аршак. — Помочь надо.

— Помоги, — вяло согласился дядя. — Только куртку возьми, там дождь накрапывает.

Аршак накинул на плечи дядину куртку и выскочил из квартиры. Соседи действительно переезжали. Грузчики волокли фрагменты стенки и тяжелые короба. Аршаку откровенно обрадовались.

— Голубчик, — чуть не расцеловала его старушка, — помоги отнести в машину ящик со стеклом. Здесь немного, но ведь побьют!

После ящика настал черед разобранной люстры, а в самом конце погрузки ему вручили большую клетку, обмотанную полотенцем. Клетка была тяжела. Когда он водружал ее на сиденье рядом с водителем, полотенце немного разматалось, в щели показался глаз, а потом кончик клюва попытался осторожно раздвинуть щель. Но сосед, уже стоявший внизу с большой застекленной фотографией в руках, прислонил фотографию к колесу и поправил полотенце.

— Может, проедешься с нами? — спросил старик. — Здесь минут двадцать по проспекту. И сразу обратно, помоги только со стеклом управиться.

Аршак кивнул и полез в кузов к грузчикам. Дюжие мужички не обратили на него внимания.

Машина тронулась. Забытая рамка с фотографией упала прямо под задние колеса, толстые шины проехали по стеклу, и на грязном асфальте осталась лежать фотография грустного молодого человека с рубчатым отпечатком шины на лице.

ПРЕДМЕТЫ

Через два часа Аршак вернулся. Дяди дома не оказалось. Аршак прислонился к двери, стягивая кроссовки, и почувствовал, как в бок уперлось что-то твердое.

Из кармана дядиной куртки он извлек ручку от зонтика. В маленькой темной прихожей перламутровые пластинки засверкали неожиданно ярко. Аршак повертел ручку, полюбовался ею и как бы машинально переложил в карман своего пиджака.

Бесцельно пошлялся по квартире, затем из-под нар достал ящик с соседскими вещичками. Старинный фотоаппарат позабавил его: если нажать на кнопку — отщелкивается крышка с черной гармошкой и с притороченным объективом, а сбоку откидывается маленькая квадратная линза-видоискатель. Сзади вставлялась кассета с пластиной. Аршак немного повозился с аппаратом, складывая и раскрывая.

Вскоре появился Михаил.

— Жрать ничего нет? — спросил он. — Мне скоро на занятия.

— Вроде есть, — осторожно ответил Аршак. — А почему ты на вечернем учишься?

Михаил ушел в ванную, зафырчала вода. Вернулся.

— Почему, говоришь, на вечернем? — переспросил он. — А что мне дневное? Так я в лаборатории не расслабляюсь, ну и гроши, конечно, а то от моих дождешься! Потом, смотри, пока я работаю, мне в нашем физинституте место греется потихоньку. На дневном же распределяться — как бог комиссии на душу положит или телефон сверху брякнет. Усекаешь?

— Ага, — задумался Аршак.

Вступительные экзамены ждали его в вечности, года так через два. Однако мать да и частый гость Жирайр Аветисович в последнее время ненавязчиво так намекают, что хорошо бы на строительный факультет потихонечку определяться, отметки в надвигающемся аттестате выправлять. Аршак знал, что у будущего родственника родной брат, а значит, ему сводный дядя, работает деканом в политехническом, но относился к этому факту сдержанно. Если припрет, то можно и в строители, хотя вот сейчас, например, ему больше хотелось бы поступить на исторический факультет.

Миша большой ложкой ел холодное тушеное мясо.

— Разогреть, может? — спросил Аршак.

— Ништяк, в желудке согреется.

Аршак принялся аккуратно перекладывать старые вещи со стола обратно в ящик. Что-то завернутое в фольгу упало на пол. В фольге был кусочек мутного стекла, тот, что вчера вызвал недоумение дяди. Аршак взвесил осколок в руке — тяжелым оказалось стеклышко.

— Опять с этим мусором возишься? — спросил Миша, входя в комнату и облизывая губы, испачканные жиром.

— По-моему, это не стекло, — сказал Аршак. — Тяжелое.

— А ну...

Миша повертел неправильной формы кусок размером с половину ладони, посмотрел на свет, сбоку, царапнул и покачал головой.

— Он лаком покрыт, кто-то его в цапон макал. Где тут у меня... — Он полез в письменный стол, достал пузырек и откупорил.

Запахло ацетоном. Миша осторожно капнул на стеклышко, растер каплю концом носового платка. На поверхности образовалось небольшое светлое пятно.

— Я же говорил! — Миша снова завертел стекло, так и этак поворачивая его под разными углами к свету. — Растр, е-мое, точно — растр!

— Что?

— Ну, такие полоски-бороздки, в оптике обычно используются, ну, там для псевдоголографии...

— Ага, — сделал умное лицо Аршак.

— Ох ты! — Миша выронил стеклышко на диван, тут же подхватил и сунул двоюродному брату под нос: — Ну-ка, смотри!

Вначале Аршак ничего особенного не замечал, но по мере того как Миша медленно поворачивал стекло, над светлым пятном возникало слабое мерцание, и вдруг прямо на Аршака уставился огромный глаз. Аршак моргнул, глаз немедленно ответил ему тем же.

— Зеркало! — догадался Аршак.

— Похоже, — с большим сомнением протянул Миша, — только что-то я не слышал о голографических зеркалах. Ну, если бы там была подложка или, скажем... — Он задумался.

— Подумаешь зеркало! — пожал плечами Аршак. — Я видел и не такие голографии. Тигран, мой одноклассник, однажды журнал принес, американский, так там на обложке...

— Это не то, — морща лоб, отозвался Миша, — голограмма может изображать любой предмет, верно, может даже изобразить зеркало. Но это изображение — оптическая иллюзия, понимаешь? А иллюзия не может работать как оптический прибор, например как зеркало. Но если голографическое изображение линзы станет преломлять свет, как линза? Представляешь, тогда изображение микроскопа заменит в натуре микроскоп, а голограмма телескопа заменяет тысячетонную дуру! Что-то я об этом читал, фантастику, кажется...

Аршак взял стеклышко и уважительно оглядел его со всех сторон. Стекло и стекло, на вид ничего фантастического.

— Ну-ка, давай сюда, — распорядился Миша. — Отнесу я это дело в лабораторию, там у нас хороший газовый лазер есть. Давай, давай, а то разобьешь.

— У меня есть хорошая машинка для закатывания губ, — заявил Аршак и сунул стеклышко в карман.

Скверно и неблагодарно, конечно, но родственник пусть лучше не лезет. А то дядя ручку забрал, этот вон за стеклышком тянется... Тут Аршак вспомнил, что ручка как бы сама собой переместилась к нему, и устыдился.

Миша склонил голову набок и посмотрел на него.

— Ты чего? Потеряешь ведь!

— Не потеряю.

— Да? Ну тогда давай завтра вместе посмотрим. Приходи в институт, покажу нашу установку.

Аршак подумал и согласился. Миша тут же потерял интерес к стеклу, поднял с пола фольгу, смял и хотел запустить в открытое окно, но замер с поднятой рукой.

— Ты чего? — снова насторожился Аршак.

Миша разжал ладонь, оценивающе покачал комок на руке, сунул в карман и... захихикал.

— А вот металлчик этот я завтра точно взвешу. Тяжел, собака, вроде как алюминий, но не алюминий. Усекаешь?

— Не усекаю.

— Похож на алюминий, но не алюминий, значит, скорее всего платина, — назидательно сказал Миша.

Аршак равнодушно кивнул. Ему было неловко. В кармане не только ручка, но и кусочек интересного стекла. Ручка, правда, интереснее. А если дядя попросит вернуть? Ну, тогда

можно поторговаться, да и в конце концов соседи ящик ему подарили.

— Уже хвастал сокровищами? — Миша легонько пнул отцовскую папку.

Потом он распахнул шкаф, но пока впихивал папку на место, вывалились еще две, а затем посыпались альбомы, картонки, стопки каталожных карточек. Миша произнес несколько страшных ругательств, вздохнул и присел над безобразной кучей.

— Помочь?

— Еще спрашиваешь? — с этими словами Миша взял альбом, раскрыл и заулыбался. — Смотри, сохранился!

Альбом для рисования был изрисован человечками, зверушками, какими-то многоголовыми дракончиками, радужными лягушками и прочей веселой чертовщиной.

— Это папашка мне в детстве сказки рисовал, — пояснил Миша. — Сам сочинял, сам рисовал.

В другом альбоме зверушки были не очень добродушными. Волки скалили зубы. Змей Горыныч с подвешенными под крыльями ракетами пикировал на ковер-самолет, на котором Василиса Премудрая жалась к Ивану-Царевичу, молодецки палящему в окаянного Змея из ручного пулемета. Перевернув страницу, Аршак увидел неприятную, во весь лист, физиономию усатого типа, по всему виду — злодея.

— А это Кошкодав-Ракоед, волшебник, — сказал Миша.

— Мерзкая харя. Злой, конечно?

— Не злой и не добрый. Глупый. Точно не помню, но его, кажется, всегда губила жадность.

Потом они сложили альбом и остальные бумаги в стенку, и вовремя, потому что пришла тетя Зина. Не успев раздеться, она учинила допрос с пристрастием на предмет выясне-

ния — где дядя, почему его нет дома, почему не был в магазине и вообще, сколько она может надрываться?!

Миша посмотрел на Аршака.

— Дядя плохо себя чувствовал... — начал он и осекся.

И впрямь, если дядя заболел, то куда он делся? Аптека рядом, магазин тоже, а нет его давно.

— Ну, так я тоже человек, — сделала внезапный вывод тетя, — и нуждаюсь в отдыхе. Я пошла в кино.

И ушла.

— Куда же батя делся? — озадаченно спросил Миша.

Аршак ничего не ответил. Он не знал, куда делся дядя, и не хотел влезать в семейные жернова. Подошел к окну.

Небо ощутимо наливалось сумерками, ветер стих, мелко закапало по стеклу.

У монументальной стены, что напротив дома, стоял человек и глядел, как показалось Аршаку, прямо на него. «Может, это дядя — ждет, пока тетя уйдет», — подумал Аршак, но тут же понял, что ошибся. Человек подошел ближе — и стал похож на только что увиденного Кошкодава-Ракоеда: такие же топорщившиеся усы на полщеки и корявое неприятное лицо. Впрочем, решил Аршак, похожи только усы.

Неприятный незнакомец подошел почти к самому подъезду. Он действительно смотрел к ним в окна и сейчас уперся тусклым взглядом в Аршака. Аршак вздрогнул. Незнакомый человек огляделся по сторонам и быстро вошел в подъезд.

Аршак был уверен, что через несколько секунд раздастся звонок в дверь, объявится этот, Кошкодав-Ракоед, и начнутся неприятности.

Но прошла минута, другая, третья... Никто не звонил. Миша включил телевизор, потом глянул на часы, выключил и заметался по комнате, собираясь на занятия.

— Ну, бывай! — и убежал.

Аршак остался один. Вскоре он понял, что дома ему делать нечего. Лучше пойти прогуляться, пока дождь не разошелся вовсю.

Он вышел из квартиры, постоял, прислушиваясь. На лестничных пролетах было тихо. Издалека неся приглушенный лай. Утробно заурчал и смолк мусоропровод.

Аршак вздохнул и спустился во двор.

Тихая скука. Даже вечные бабульки у подъездов рассосались по своим лежбищам.

Он походил по детскому городку, влез на мостки, попрыгал и... под ногами булькнуло. Сунул руку в карман — непонятно как возникшую дырку провалилось стеклышко, упало меж бревен и кануло в мутной воде. Судя по торчащему обломку кирпича, здесь было неглубоко, самое большое, на ладонь. Но вода, грязная и покрытая слоем ряски, выглядела противно. Дождь смоем ряску, решил Аршак, вот тогда и пошарю.

И пошел обратно.

Он шел вдоль стены, убыстряя шаг — дождь усилился. Длинная, почти стометровая стена нависала над двором. Нескольким раз Аршак оборачивался. Пусто, никого. И вот когда он почти уже дошел до края и собирался свернуть к подъезду, словно холодные пальцы вдруг на мгновение схватили его сзади за шею.

Он вскрикнул, но не услышал собственного голоса.

И в следующий миг пропал.

МЕЧТА

Все было сжато, скомкано, сплющено. Невозможно вздохнуть. Ничего не видно, не слышно, и нельзя даже застонать. Словно огромный гвоздь пронзил его и шляпкой придавил... Так было долго.

Потом гвоздь вынули, и он почувствовал, как возвращается дыхание, шевелятся пальцы, в кромешной тьме возникли и затрепетали светящиеся размытые круги.

Аршак громко чихнул и раскрыл глаза.

Он находился в абсолютно незнакомом месте. Обвел взглядом помещение, вскочил с кресла и снова упал в него.

Большая комната... Да это и не комната вовсе!

Со всех сторон глядели дисплейчики, дисплеи и дисплеи до потолка, странные приборы с разноцветными бегающими огоньками, сверху нависали ребристые светящиеся трубы... У центрального экрана, усеянного яркими неподвижными точками («Звезды!» — догадался Аршак), располагался огромный штурвал, а рядом, на стене, почти таких же размеров нелепый рубильник. Аршак вдруг понял, что находится в командной рубке звездолета. Тут его блуждающий взор остановился на кресле напротив и обнаружил в нем человека в блестящем обтягивающем комбинезоне. Если бы не усы торчком, то он бы сразу и не узнал его.

— Извини за столь бесцеремонное обращение, — произнес Кошкодав-Ракоед густым басом, — но срочные обстоятельства вынуждают. — И он сделал изящный жест рукой. — Ваша планета, ваша дорогая старушка Земля в очень большой опасности, и ты, только ты можешь отвлечь злую ее погибель.

Где-то в районе желудка у Аршака начал раздуваться огромный сияющий пузырь, в голове зашумело и словно эхом отозвалось в ушах: «...ты, только ты... ты... ты...»

Он невольно выпрямился в кресле и сел по стойке «смирно». Аршак сразу же поверил усатому. Ну, просто не мог не поверить. Действительно, он появился здесь непонятно как, приборы, экраны... все как в кино! Правда, этот, в блестящем комбинезоне, выглядит не очень симпатично, но кто сказал, что все злодеи обязаны иметь только страшные лица? Вот, скажем, Жирайр Аветисович, тоже не красавец и даже наоборот, хотя вполне приличный человек, только зануда; а самая обаятельная девушка в классе тоже, как ни странно, очень хороший человек, всякое бывает. Нет, что-то он запутался...

— Что я должен делать? Я... я... обязательно, — пролепетал он, распираемый гордостью, а сидевший напротив Кошкадав-Ракоед великодушно махнул рукой.

— Верю тебе, мой мальчик! Ты справишься. Можно сказать, ты уже почти справился.

Он задумчиво огладил один ус, второй, отчего они еще больше растопырились, и продолжил:

— Да, именно ты и никто другой, кроме тебя. Но для этого необходимо срочно, прямо сейчас...

Он заметно волновался, несколько раз вставал, садился, сопел. Наконец, решившись, сцепил коротенькие толстые пальцы и закатил глаза.

— Ты даже не понимаешь, как велика опасность, — значительно произнес он и вперил взор в Аршака. — Настолько велика, что я не могу объяснить тебе. Даже намекнуть не имею права. Но ты, храбрый мальчик, спасешь вашу добрую старую Землю, не так ли?

Аршак уже начал немного удивляться странному разговору: по книжкам и тем немногим глупым фильмам, которые он видел, контакт с иной цивилизацией представлялся не так. Впрочем, об иной цивилизации речи уже не могло идти. На штурвале он разглядел вполне земные слова, начертанные земными русскими буквами: «Только вперед!»

Память услужливо подбросила незатейливые сюжетики о машине времени, о звездных кораблях, оказавшихся в прошлом из-за временных, гравитационных и прочих не менее коварных ловушек. Вполне могло случиться так, что в будущем над планетой нависнет некая грозная опасность, а он, Аршак, и есть именно тот самый спаситель! Снаряжается экспедиция...

— Я готов!

— Спасибо! Рад за тебя, но... — Собеседник прикрыл ладонью неприятные свои глаза. — Все очень не просто. Я не могу сказать, что от тебя требуется, и написать не могу, даже громко подумать, и то опасно. Тут, знаешь, много охотников найдется... — Он снова закатил глаза и застыл вдруг, вперившись взором в потолок.

Аршак тоже посмотрел вверх и заметил среди разноцветных светящихся труб небольшое пятно. Пятно темнело на глазах, сорвалась капля и упала ему на руку. Странно запахло канализацией.

— Так я и знал, — огорченно покачал головой Кошкодав-Ракоед. — Подожди немного, я сейчас устраню... небольшую аварию. — С этими словами он подскочил к тяжелому квадратному люку, тронул блестящую пластинку и скрылся в коридоре. Аршак успел заметить в проеме ряды приборов, экранов и всего остального, подобающего быть на звездолете или в крайнем случае в машине времени.

Впрочем, судя по звездам на экране и надписи на штурвале, это был именно звездолет. Аршак задумался, соображая, где они сейчас находятся. Черт знает у какой звезды или в иной галактике? Приятный озноб пробежал по спине.

Между тем кабина на глазах заметно изменялась. Огоньки медленно тускнели, экраны и дисплеи стали гаснуть, изображения на них застыли, поблекли. Аршак вскочил с места и отбежал к стене. «Аварию не удалось устранить, — мелькнула тревожная мысль, — надо бежать на помощь». Но он не знал, куда бежать, и испытывал жгучий стыд оттого, что сейчас, сию секунду, пока он здесь тарашится по сторонам, экипаж истекает кровью, сражаясь с... чем-то! А что-то уже надвигается по коридорам и отсекам, выгрызая переборки, и сейчас ворвется сюда. Аршак крепче уперся в стену, готовясь в прыжке встретить неведомого врага. За спиной зашуршало, он почувствовал, что упирается не в жесткие выступы консолей, а в ровную поверхность.

Он резко обернулся. Никого, разумеется, за спиной не было, но приборчики, экраны, ручки и лампочки словно сплющились и выцвели, а та часть стены, на которую он опирался, прогнулась внутрь, образовав сбоку щель.

Не веря своим глазам, Аршак засунул в щель пальцы и потянул на себя. С противным шелестом осыпались по бумаге песчинки, в руке его оказался кусок обоев с некачественно отпечатанным изображением приборов и экранов. За сорванной полосой обнажилась бетонная шербатая стена в ржавых потеках.

Аршак окаменел. Потом рванул соседнюю полосу, другую... Они легко отрывались от стен, падали, сворачивались. Через минуту Аршак копошился на полу, освобождаясь из вороха бумажных змей, а когда, разорвав путы, поднялся,

весь в пыли и в ошметках высохшего клея, то обнаружил себя в мрачном подвале, с нависшими темными трубами и капающей сверху жижей. Бетонные стены освещала слабая, пропадающая в переплетении чугунных труб и сочленений лампочка. Квадратный люк оказался квадратной дверью. Исчезла сверкающая пластина, а на ее месте возник большой амбарный замок с ключом. Замок висел в одной петельке, а обитая цинком квадратная дверь была приоткрыта.

Звездолет сгинул бесследно. Аршак поднял кусок обоев, изображавший небольшой дисплей; рядом кнопки, ручки. Перевернул — толстый слой отстающего кусками клейстера — рыхлая бумага, расплющенный таракан.

На стене напротив белой краской грубо, с кляксами выведен уже знакомый призыв: «Только вперед!» Аршак плюнул в нарисованный дисплей, скомкал обрывок и запустил в надпись.

Дверь скрипнула. Аршак замер, затем осторожно пошел вдоль стены, дошел до двери, прислушался. Тихо. Только вода где-то журчит. Заглянул в щель — чернота.

Наконец решился и потянул дверь на себя.

В проеме стоял Кошкодав-Ракоед в кургузом пиджачке, полосатых брюках и в кирзовых сапогах, заляпанных глиной. Он нехорошо улыбался.

— Ты куда собрался, паршивец? — просипел он.

Хватка у злодея оказалась крепкой. Аршак некоторое время упирался, но вырваться не удалось. Хитрый прием с подсечкой и завершающим ударом в пах не прошел. Кошкодав-Ракоед вывернулся и вмазал коленом Аршаку под копчик. Аршак взвыл.

И вот теперь его, обманутого и ничего не понимающего, как последнего сопляка тащили за руку по каким-то темным

пыльным коридорам, лестницам и переходам, спускаясь все ниже и ниже. Наконец, после грубого тычка в спину, он влетел в маленькую комнату, обитую коврами. Ноги завязли в густом длинном ворсе, и он повалился на широкую тахту. Перед тахтой стоял невысокий расписной восточный столик с огрызками, окурками и гранеными стаканчиками. Аршак разглядел среди грязных тарелок вилку, схватил ее и выставил перед собой.

Кошкодав-Ракоед прошел к столику, пошарил в окурках, вытянул один, понюхал и, сунув в рот, сжевал.

Сглотнув, осоловело поглядел на своего пленника, сел, подобрав под себя ноги, на ковер и, пробормотав: «Храпануть, что ли», — брякнулся набок и захрапел. В ту же секунду Аршак почувствовал, как его неудержимо тянет спать и, хотя внутренний голос кричал: «Беги, беги!» — он неожиданно для себя растянулся на тахте, сунул вилку под валик и провалился в сон.

Снов, правда, не видел. Было тягостное, оцепенелое состояние, не дремота и не бодрствование, а просто мозги не работают, но кто-то холодными пальцами словноковыряется в голове, перебирая, ощупывая плоские мысли, разыскивая...

Когда он открыл глаза, над ним стоял, зевая, Кошкодав-Ракоед и с неодобрением разглядывал вилку. Бросил ее на ковер и наступил ногой.

Аршак вскочил. В глазах поплыло, и он упал на тахту.

— Проголодался, бедняжка! — участливо спросил Кошкодав-Ракоед. — Кушать хочешь, да?

Аршак сглотнул слюну. Нестерпимо захотелось есть, но, не понимая, что происходит, он ожесточился. Грубый обман со звездолетом... Нет, даже не грубый, а глупый! Тогда он

был готов на все ради этого... спасителя Земли! Но закапало сверху, и на тебе — драные обои! Может, его похитили ради выкупа? Мать как-то рассказывала: украли жену директора ресторана, а потом, когда он заплатил похитителям, ее вернули по частям, посылками. Правда, вскоре выяснилось, что похищение организовал сам директор, решивший столь сложно избавиться от жены. Но кому мог понадобиться он, школьник, сын небогатой служащей?

Затем пришли иные догадки. Например, его похитили, чтобы разобрать на запчасти — сердце отдельно, печень отдельно. Или кровь выкачают. Слухи и сюжеты завертелись в голове, но ничего путного в осадок не выпало. Наконец он сообразил, что если звездолета не было, то далеко его утащить не могли. Стало быть...

— Вы не знаете мою тетю, — угрожающе сказал он Кошкодаву. — Она сейчас всю московскую милицию на ноги поднимает.

— На здоровье, — благодушно отозвался Кошкодав-Ракоед, пошарил под столом, достал оттуда летнюю милицеевскую фуражку и напялил Аршаку на голову. Кривляясь, отдал честь, содрал фуражку и водрузил на себя.

— Мне больше идет!

— А мой дядя, — растерянно начал Аршак, лихорадочно соображая, что бы такого сказать угрожающего про дядю, — мой дядя...

— Дядя, дядя, — гнусаво передразнил Кошкодав-Ракоед. — Что — дядя? Идем, я покажу тебе твоего дядю!

И с фуражкой на голове вышел из комнаты. Аршак не пошевелился. «Долго я буду ждать?!» — громыхнуло в коридоре. Мальчик пожал плечами и двинулся к двери.

ДЯДЯ

Кошкодав-Ракоед опять вел его по узким коридорам, винтовым лестницам, то хватал за руку и тащил едва ли не волоком, то отпускал, и Аршак, чтобы не упасть, бежал по крутому пандусу.

Перед решеткой из толстых, фигурного литья прутьев Кошкодав-Ракоед остановился, пошарил в карманах пиджака, ничего не нашел и грязно выругался. Потом хлопнул себя по лбу, да так, что фуражка слетела и покатила по коридору, скрывшись в полумраке за поворотом. С потолка сорвалась летучая мышь и умчалась за исчезнувшей фуражкой. Кошкодав-Ракоед запустил руку за голенище и с торжествующим рыком вытащил алюминиевую ложку.

Он осторожно ввел ее в огромную замочную скважину, двинул вверх, вбок. Замок каркнул, решетка со страшным грохотом слетела с петель и рухнула на бетонный пол, подняв тучу пыли. Кошкодав-Ракоед подбоченился и горделиво посмотрел на Аршака.

— Каково, а? — И схватил за руку. — Только вперед!

Пробежав коридор до самого конца, он остановился и повернул назад, считая боковые ниши. У третьей или у четвертой ткнул пальцем в нишу и, громко сказав: «Здесь», — шагнул в нее, потянув мальчика за собой.

Аршак зажмурил глаза, ожидая удара, но услышал только треск разрываемой бумаги. Обман, и здесь обман. Стены ниши были из обоев, крашенных под бетон.

— Вот твой дядя! — резанул по ушам голос Кошкодава.

Холодные пальцы взяли его за шею и повернули голову.

Большая комната, почти зал. Много старого хлама. На ошкрябанном, без одной ножки рояле возвышается груда

битых стульев, в одном углу — пирамида диванов с раскуроченным нутром, в другом — стопки книг с красными корешками. В центре зала, среди мусора и обрывков газет стояли... Нары! Похуже, чем сооруженные дядей, — длиннее и из грубых, необструганных досок. Дядя лежал на первом ярусе с закрытыми глазами и крутил пристроенные к краю нар велосипедные педали с зубчатым колесом цепной передачи. На втором ярусе стояли пузатые бутылки с мутной жидкостью, вниз свисали полупрозрачные трубки, а когда Аршак пригляделся, его замутило — одна трубка влезала дяде в ноздрю, вторая кончалась иглой и упиралась в вену, третья...

— Что вы с ним делаете?! — закричал Аршак и бросился к дяде.

Дядя лежал тихо; грудь мерно вздымалась, он спал, и спал спокойно. Легкий румянец и слабая улыбка, а вовсе не искаженное страданиями лицо. Возможно, он видел приятные сны.

— Твой дядя спит, — вкрадчиво заговорил Кошкодав-Ракоед немного изменившимся голосом, — и будет спать долго, очень долго, так долго, сколько захочет. Питательного раствора хватит хоть на сто лет, и здоровье у него выправится со временем без стрессов и общепита. Ты думаешь, он спит? Нет, он живет, он живет всех нас, включая тебя и меня. Он видит сон и будет жить в нем до скончания века, а если пожелает, то и дольше. Он может растянуть сон на века, тысячелетия, миллионы лет — секунды сна так длинны! Это ты сейчас стоишь в грязной каморке, а твой дядя ведет свои верные легионы на штурм вражеских цитаделей или наслаждается с прекрасными наложницами, умными и кроткими, почитающими за честь служить ему телом и мыслью; а может, он созидает прекрасные города, полные счастья и каче-

ственной еды, обители мудрецов и поэтов, хранителей тайны и веры... Не ошибусь, если скажу, что в прихоти своей он может обратить мир в прах, а прах развеять во мраке абсолютной ночи. Быть может, сейчас он измышляет невысказанное, а верные слуги и соратники готовы в тот же миг воплотить волю его в деяние неотвратимое и ослепительное, залить мироздание кровью или шампанским... по выбору! — и никогда не испытает он скуки, век его насыщен и ярок, цвета сочны, а вкус плодов изыскан...

Аршаку стало страшно. Спящий дядя напугал его больше, чем все непонятное и темное до этой встречи.

— Вы что, — спросил он не оборачиваясь, — на игле его держите?

— Фи, как грубо! Игла и все такое — это ваши нехитрые забавы. Подумаешь, много ума надо — травить себя алкалоидами. Нет, дорогой ты мой мальчишечка, твой дядя живет полнокровно и полноценно, все как полагается, без фуфла и дешевки. И удел его завиднее твоего, ибо, узнай же, упрямец, тебя ждут мытарства и хлопоты, а брат твоей матери восседает на троне возвышенном, и мир у его ног — половая тряпка, а сильные мира — персть земная... Узнай же и трепещи — твой дядя — король Аэндора! И это лучшая участь из всех.

Аршак очумело слушал излияния Кошкодава, и перед глазами у него поплыло, закачалось. «Надо спасти дядю». — Мысль не успела оформиться, как он оказался у нар и затряс спящего:

— Вставайте, дядя, немедленно вставайте! — А за спиной трепыхалось хихиканье. — Да что же вы, дядя! — рассвирепел Аршак. — Пока вы тут спите, вас тетя, наверное, по моргам ищет!

При упоминании тети по безмятежному лицу прошла легкая тень, но тут же исчезла, и благодостная улыбка снова тронула уголки губ.

— Ты и впрямь хочешь его разбудить? — удивился голос за спиной. — Ну, как знаешь.

Дядя перестал крутить педали и задышал сильнее. Минуты через две он громко всхрапнул и открыл глаза.

— А, это ты, — только и сказал он, увидев племянника.

— Вставайте, дядя, — вцепился ему в плечо Аршак, — тут такие дела...

— Какие дела? — чуть громче произнес дядя, но с места не двинулся. — Какие тут могут быть дела? Не преувеличивай.

Аршак не выдержал, всхлипнул и торопливой скороговоркой рассказал ему о передрыге, в которую попал после дядиногo исчезновения. Дядя спокойно выслушал, помолчал и невпопад ответил:

— Да-да, конечно. — Потом сдвинул брови и забормотал что-то невнятно, медленно закрывая глаза.

Аршак понял, что дядя вырубается, озверел и, подобрав с пола щепку, сунул ее в зубчатку. Цепь дернулась и замерла, и дядя замер в позе опрокинутого велосипедиста.

— Ну что ты от меня хочешь?! — страдальчески сказал он. — Дайте хоть минутку покоя!

— Дядя, очнитесь! — закричал Аршак. — На вас глюки наводят, вы тут совсем сторчитесь, вставайте, дядя!

— Как громко ты кричишь, — поморщился дядя, но, к удивлению Аршака, поднялся на локте, выпростал ноги из pedalных ремней и сел, потирая затылок. Тонкий хлорвиновый шланг неприятно торчал из носа, но он не обращал

на него внимания. — Итак, что хорошего ты мне можешь сказать?

Аршак растерялся. Вместо того чтобы прийти на помощь, как-то вмешаться в события, объяснить, в конце концов, что и почему происходит, дядя вел себя самым предательским образом. «Да и дядя ли это, — вдруг похолодел Аршак, — может, подсунули куклу или там артиста? Но зачем, для чего?»

— Ничего хорошего, я так понимаю, ты сообщить не можешь, — дядины интонации неуловимо напоминали голос Кошкадава-Ракоеда, — и это понятно. Ничего хорошего там, где ты пока находишься, нет. Не было и не будет! С меня хватит! всю жизнь я был не на своем месте и не со своими людьми. всю жизнь мне доказывали, что я говно, и кормили говном, уверяя между тем, что это лучшие в мире деликатесы. Пропади все пропадом, я возвращаю билет, можете им подавиться, так и скажи... А если будет приставать эта стерва, скажи, дядя вам шлет поклон и того же желает, и пусть она слохнет от злости. Ты не бойся, тут все совсем другое, и всем хватит места. Это не наркотики, не фантоматы Лема и не слег Стругацких... Не читал? Можешь взять мои книги, а еще лучше сожги их, все сожги. Ты хороший мальчик, но всей твоей заботы не хватит, чтобы одолеть тошнотворность бытия.

— Дядя, вы заболели, — шепотом сказал Аршак, — пойдете домой!

— Заболел, — согласился дядя, — но домой не пойду.

— Вам здесь плохо, это же помойка какая-то...

— Помойка? Славно! Здесь я на своем месте, потому что место разумному человеку — клоака. Я и так всю жизнь был в дерьме и теперь вот опять в дерьме — но удовлетворен

абсолютно. Улавливаешь разницу? Меня съели. Точка. Крепко обнимаю и целую.

С этими словами дядя собрался было лечь снова, но вдруг глаза его блеснули:

— А ты уходи отсюда, уходи, тебе здесь не место... — И тут неожиданно прижал палец к губам.

Аршак склонился к нему, и дядя еле слышно прошептал:

— Выпусти птицу, выпусти птицу...

Потом улыбнулся, лег, закрыл глаза и нажал на педали. Аршак попятился и сел на клавиши разбитого рояля.

В коридоре он прислонился к стене и закрыл глаза. Пусть его бьют ногами, но он шага не сделает, пока этот мерзавец не объяснит, что от него хотят и зачем мучают дядю. Кошкодав-Ракоед навис над ним, сочувственно сопел и молчал.

— Что вы от меня хотите? — выдавил из себя Аршак, когда молчание стало невыносимым, а сопение отвратительным.

— Сущей ерунды, — бодро ответил Кошкодав-Ракоед, — я тебе при случае объясню. Сейчас не получится, много стен, понимаешь? Впрочем, присядем, поговорим.

Он легонько подтолкнул мальчика вперед, и они двинулись по коридору. Аршак оглянулся на нишу. Там оставался дядя, но сейчас не было никакой уверенности в том, что если он вырвется из липких холодных рук злодея и снова заглянет туда, то увидит дядю, и нары, и шланги, свисающие к дяде...

Аршак вырвал руку и бросился обратно. С разгону он чуть не проскочил нишу, крутанулся и почти упал в разодранный проем.

Все оставалось на своих местах — дядя спал, но и во сне крутил педали, а в сосудах медленно всплывали мутные пузырьки.

— Не веришь? — раздался голос над ухом, и холодные пальцы снова коснулись шеи. — И правильно. Не верь никому. Не верь и мне. Потому что правда только одна: истинный король Аэндора — ты!

В следующий миг стены комнаты задрожали и рассыпались. Исчез хлам, мусор, исчез дядя, расточились нары. Исчезло все.

ИЛЛЮЗИЯ

Аршак сидел на высоком троне, и в руке его был сияющий жезл абсолютной власти. Трон возвышался в огромном зале, стены которого терялись вдаль. Зеленый, выложенный малахитом пол украшала золотая роспись. Каждый день ее стирали тысячи, десятки тысяч ног придворных, и каждую ночь пол разрисовывали заново, никогда не повторяя рисунок.

Он знал, что любое его слово, даже не слово, а мысль, и даже не мысль, а тень мысли приведут в движение бесконечные ряды людей и существ, выстроившихся там, внизу. И еще он знал, что достаточно пожелать — сгинут и они, а воля его станет самодвижущей и самотворящей силой, не нуждающейся в посредниках и исполнителях. «Надо искать!» — неслышно подсказал кто-то невидимый из мириада мнимых советников. Тогда он взмахнул жезлом и пожелал: «Искать всем!» Ряды смешались, возник небольшой смерч, и вскоре никого не осталось

на малахитовом полу. «Но что искать?» — задумался было он, а голос укоризненно шепнул: «Владыке Аэндора не подобают вопросы».

И тогда он ощутил в себе Знание, а когда перед внутренним взором вдруг появилась сияющая радужная пелена, тот же голос уже не вкрадчиво, а скорее испуганно, громко сказал: «Ах ты, черт, не с того конца пошло...» — и снова последовало знакомое прикосновение холодных пальцев.

Он стоял, тупо уставившись на дядю, а дядя медленно крутил педали.

— Вот ведь какая незадача, — сказал Кошкодав-Ракоед, выталкивая Аршака в коридор. — Пока не объясню — проку от тебя мало, а если объяснить — будешь знать слишком много.

С этими словами он перешагнул через поваленную решетку, задел ее носком, чуть не упал и выругался. Аршак заметил, что кирзовые сапоги исчезли, взамен появились остроконечные лакированные туфли. Кургузый пиджак несколько вытянулся, потемнел, а полосы на брюках стали мельче.

Они вернулись в ковровую комнату. Кошкодав-Ракоед сел на тахту и задумался.

— Есть некий предмет, — сказал он, значительно подняв палец, — который весьма необходим. И ты можешь помочь себе, если поможешь мне найти его. Я не могу тебе сказать, — с этими словами он огляделся по сторонам, сунул голову под тахту, — что это за предмет. А когда ты сам догадаешься, лучше помалкивай и, не раздумывая, тихонечко отдай его мне. Только тихо, никакого шума, понимаешь? А то есть всякие...

— Кто? — насторожился Аршак.

Враги Кошкодава могут оказаться друзьями или по крайней мере они объяснят ему, что происходит.

— Есть тут... рядом, неподалеку...

И тут Аршак понял, что надо бежать. Немедленно, сию минуту, пока этот бельмастый злодей не догадался, что искомым предмет у него в кармане. Радужное сияние во снах, которые наводил Кошкодав, подсказало единственный ответ: перламутровая ручка от зонтика — чем бы она ни была на самом деле — волшебной палочкой хотя бы — вот за чем охотятся!

Аршак вспомнил, что в видении Аэндорского трона жезл абсолютной власти излучал такое же радужное сияние, как пластинки на ручке, и такие же светящиеся пятна меняли свои очертания.

Он уже не гадал, что за чертовщина с ним происходит и кто такой на самом деле Кошкодав-Ракоед: пришелец, шпион или злодей местной выделки. Главное — выбраться из этого помещения и добежать до милиции или, если удастся, до тети!

Он вспомнил, как скрутило его у стены, напротив дома, у глухой высокой стены, за которой гроыхала стройка. Интересно, что там строят и не туда ли его заманили, затащили? Может, все это ему мерещится? Всякое бывает — попал случайно в психушку, накачали всякой дрянью, тут глюки и пошли... Нет, бежать, бежать отсюда!

Аршак подобрался к двери.

— Ты куда? — лениво спросил Кошкодав.

— Мне... надо.

— А-а, — кряхтя, Кошкодав-Ракоед поднялся с тахты. — Пойдем покажу, а то заглотает тебя с потрохами.

Аршак поехался. Действительно, можно влипнуть здесь, заблудившись в коридорах и переходах.

На этот раз Кошкодав-Ракоед не торопился. Аршаку даже показалось, что он точно не знает, куда идти. Они брели по длинному закругляющемуся коридору, заглядывая в ниши, открывая двери и приподнимая шторы. В темных помещениях ничего не видно, только иногда в пыльной глухой тьме виднелись далекие слабые огни. Одна из тускло освещенных комнат оказалась забитой аж под самый потолок длинными полками, на которых рядами стояли высокие узкие банки. Кошкодав-Ракоед оживился:

— А ну заходи, покажу кое-что интересное.

Банки с завинчивающимися крышками были набиты разноцветными таблетками. Кошкодав взял с полки одну, повертел, глянул на этикетку.

— Если сможешь мне — станешь самым умным человеком в мире. По таблетке из каждой банки — и будь здоров! Все знания и умения мира, и не одного, прошу заметить, окажутся в твоей маленькой глупой голове. Вот, например, — он покачал банкой, — номер пять тысяч двести три — это у нас кто? Это у нас «Начальник переплетного цеха»...

— Ну-у, тебе начальником еще рано, а вот гляди — банка девять тысяч триста — «Вершитель решительных метафор»; или вот — «Фрезеровщик шестого разряда». Чем плох «Подпиливатель ножек столов, крытых зеленым сукном», или, скажем, — триста четвертый — «Водитель боевого вертолета»? А на этой полке науки — сколько угодно: химия, астрология, молекулярная психокинетика, физик одних двенадцать разновидностей для разных измерений, или...

Он прервал себя, задумчиво повертел банку с черными таблетками, облизнулся и, пробормотав, «пока не время для забав», поставил ее на место.

— Итак?

Аршак тупо смотрел на него, переводя взгляд с банки на банку. Смешно! В классе четвертом или пятом мечтал: придумали бы такую таблетку — проглотил — все знаешь, на уроки ходить не надо. Вот они, таблетки, но что-то глотать не хочется.

Кошкодав-Ракоед выжидательно смотрел на Аршака, потом махнул рукой и вышел из комнаты. Аршак поплелся за ним. На сей раз его никуда не тащили, наоборот, он теперь едва поспевал за хозяином лабиринта. Кажется, по этим местам он уже шел, и не раз. В конце концов, почему бы сейчас не попробовать?

Аршак замедлил шаги. Кошкодав-Ракоед, что-то бормоча и загибая пальцы, шел не оглядываясь. Вот он скрылся за поворотом! Аршак резко свернул и быстро пошел обратно, потом побежал.

И вот, когда уже не хватало дыхания, а ноги с каждым шагом немели, Аршак, уверенный, что заблудился, вдруг увидел дверной проем, ввалился в помещение и застонал от досады: как он мог не узнать эту квадратную дверь!

На полу неопрятными лохмотьями распласталась «рубка звездолета», с потолка капало, одна лишь бравая надпись «Только вперед!» издевательски белела под трубами.

Круг замкнулся. Рваная бумага, лужи, писк и копошение в углу. Еще немного — и он упадет лицом в скомканные обои и заплачет. Ну нет, слез они не дождутся! Он поднял с пола увесистый обрезок арматуры и недобро посмотрел на

дверь. Медленно пошел к ней, потянул за ручку. Дверь не открылась. Ловушка!

Аршак изо всех сил дернул ручку на себя и повалился на пол, прямо в теплую, исходящую паром лужу — в руках у него осталась дверная ручка. С отвращением отбросив ее, он на всякий случай ощупал карман — *та* ручка была на месте.

Белые буквы идиотского лозунга расплылись в глазах. Ярость вдруг ударила в голову, Аршак уже плохо понимал, что делает. Он подскочил к стене и всадил изо всех сил арматуру в серую неровную поверхность. Рука пробила стену и ушла глубоко внутрь. Из пролома-разрыва в глаза ударил яркий солнечный свет. Зажмурив глаза, он выдернул руку, отступил на два шага и, разорвав в прыжке очередную ложную стену, покатился, хватаясь за сочную зеленую траву, вниз по некрутому склону. А когда наконец падение его завершилось и он, раскинув руки, замер на теплом песке, Аршак вздохнул и открыл глаза.

Пляж тянулся далеко вперед и назад. Из широкой желтой полосы местами выпирают тенты. У самой воды сложены лежаки, а пара лодок рядом с ними перевернута вверх дном. И никого. Брызги волн долетели до него, несколько капель упало на шею.

Аршак сел, помотал головой и осмотрелся. На невысоком склоне возвышался замок, тот самый замок из его сна. Нагромождения башен и знакомый шар на шпиле, а внизу к замку лепились домики, сады...

«Откуда же я вывалился? — подумал Аршак, и потом: — Где я?»

Страх, сидящий в нем глубоко, с самого начала знакомства с Кошкодавом-Ракоедом, исчез, пропал вчистую. При-

шло какое-то сонное умиротворение — здесь должны быть нормальные люди, которые помогут выяснить, где он, что с ним. Или хотя бы оставят его в покое. Он не спешил лезть наверх — замок все-таки внушал опасения. Мало ли что, вдруг именно там живет этот хмырь с усами.

Никуда не хотелось идти, лечь бы сейчас на песок... Смущало одно: его злоключения начались в сумерки. Сейчас должна быть ночь. «А сколько времени прошло?» — задумался Аршак. Вроде бы немного, но все равно — почему солнце, откуда пляж, и вообще — где он находится, и как сюда попал?

Он медленно побрел по песку, время от времени поглядывая в сторону замка. Под ногами хрустел песок, порой он ступал по скользким широким полосам из лопнувших воздушных шаров. Присмотревшись к ним, обнаружил, что раньше эти изделия не были шарами, сплюнул и после уже обходил эти дары моря стороной.

У разбитой опрокинутой лодки он остановился. Прислонившись к шершавым доскам, на песке сидела девочка лет пятнадцати, закутанная в синюю хламиду.

ТЕЛО

— Привет! — сказала девочка и засмеялась.

— Привет! — ответил Аршак и тоже засмеялся, пожалуй, даже немного громче, чем он обычно смеялся, потом замолчал и спросил: — Ты откуда взялась?

— Отсюда. — Девочка ткнула пальцем вверх, в сторону города.

Аршак плюхнулся рядом на песок и облегченно вздохнул.

— Слушай, что это за город, а? Как называется?

— А зачем тебе? — настороженно спросила девочка.

Аршак растерялся.

— Ты что, больная? Вообще, что это за море? Черное?

Девочка вскочила, заглянула за лодку и снова села.

— Нет, сегодня оно зеленоватое.

— Издеваешься? — почти добродушно спросил Аршак.

Хорошо бы сейчас ее крепко схватить за черную гриву волос и потряхнуть как следует, чтоб не придурилась. Но злость куда-то испарилась. Может, она и впрямь больная. Хотя черт его знает, может, здесь все больные. Город больных. Как раньше было — чума в городе, запирают ворота и ждут, пока все не вымрут. А потом снова ворота отопрут. Правда, если все вымрут, кто ворота открывать будет?

Девочка выковыряла из песка щепку, воткнула в песок и, глянув на тень, сказала:

— Скоро начнется.

— Что начнется?

— Карнавал!

— Слушай, так как все это, — Аршак широким жестом обвел рукой берег и склон, — ну, город этот, море, как называются? Это... Земля?

— Ты спятил, — удивилась девочка. — Это Луна. — И захихикала.

Аршак готов был поверить и этому. Но тут девочка громко рассмеялась, и он почувствовал себя дураком. Говорят они все-таки по-русски. Хотя он читал про телепатию...

— Перестань ржать! Понимаешь, я вроде тут влип, мне срочно нужно домой. В Москву, понимаешь, или в Ереван.

— Так тебе в Москву или в Ереван?

— Да не важно, меня похитили, ясно?

Аршак сделал страшные глаза, и девочка сразу посерьезнела.

— Да, похитили, и не только меня, но и моего дядю. Они его сейчас пытаются, а ты мне здесь мозги пудришь!

— Ой, — девочка вскочила и уставилась на Аршака, — что же мы сидим! Побежали к моему папе, он скажет, что делать. Он поможет, он сильный.

— Далеко?

— Да нет, здесь рядом, неподалеку.

Они некоторое время пытались бежать, но вскоре перешли на шаг, потому что в кроссовки Аршака набился песок. Он прислонился к деревянному столбу, снял обувь, вытряхнул.

— Тебя-то хоть как зовут? — спросил Аршак, завязывая шнурок.

— Ты что, шпион? — Девочка опять нахмурилась.

— Шпион! — злобно рявкнул Аршак.

— Тогда не скажу, — снова захихикала девочка. — Жарко!

И сбросила с себя длинную синюю ткань. Больше на ней ничего не было. Аршак ахнул. Мало того, что она была голая, подумаешь, всех дел, но тело ее покрывала разноцветная татуировка — змеи, драконы обвивали со всех сторон, мелкими печатными буквами шли непонятные тексты, а вокруг пупка располагался глаз.

— Ты... чего? — хрипло спросил Аршак.

— Не ходить же голой! — пожалала она плечами. — Ну, что ты встал, идем, сам же просил. Разбудим папу, он тебе поможет. Берегись!

Она резко дернула его за руку, упала. Аршак повалился на нее. Деревянный столб-гриб с большой фанерной нащепкой беззвучно рухнул на место, где они только что стояли.

— Все сгнило, — удрученно сказала девочка.

Аршак перевел дух, поднялся, стряхнул с себя песок.

— Спасибо тебе, — сказал он, — ты меня спасла.

Она ничего не ответила. Татуированной-ящерицей извиваясь по песку, она подобралась к рухнувшему столбу. Край «гриба» уперся в большой камень и образовал что-то вроде навеса.

Девочка заползла под навес.

— Иди сюда, — гулко срезонировала фанера.

Аршак пожал плечами, огляделся по сторонам и полез к ней.

НАДЕЖДА

Она плескалась в воде у самого берега, а он валялся на песке. Было совсем не так, как в прошлом году после вечеринки у одноклассника. Тогда у него почти ничего не получилось, чувствовал себя дурак дураком, а мысль «и это все?» мучила его несколько дней. Потом он благополучно забыл свою растерянность и в похвальбе, естественно, выглядел богатырем.

А сейчас он действительно чувствовал себя если не богатырем, то парнем что надо. Ему захотелось, чтобы приключения еще не кончались. Но теперь уже он будет ее спасать. Они долго будут идти пляжем, а потом вдруг возникнет лес или горы...

— Догоняй! — крикнула она и побежала вдоль кромки берега. Аршак вскочил, схватил кроссовки и помчался за ней. А когда почти догнал ее, она резко остановилась и ткнула рукой вперед.

— А вот и папа!

На песке стоял топчан, а на нем кто-то лежал, накрытый рогожей.

— Иди к нему, — шепнула девочка, — он со сна добрый.

Аршак побрел к топчану. Ему было немного досадно — сейчас отец девочки выведет его, ну, куда надо, и он ее больше не увидит. Хотя, может, она пойдет с ними? Мало ли еще какие приключения их ждут!

Лицо спящего было закрыто. Аршак постоял немного, затем обернулся назад, спросить, удобно ли будить. Но на всем пляже никого! Пусто. Татуированная девочка сгнула, словно ее вовсе не было.

«Куда же она спряталась?» — подумал Аршак, но в этот момент спящий зашевелился, выпростал руку и стянул с лица дерюгу.

— Рад тебя видеть, мой пронырливый друг, — сказал Кошкодав-Ракоед.

Аршак попятился и сел на песок.

Кошкодав-Ракоед сладко зевнул и зажмурился.

«Все, — решил Аршак. — В гробу я видал эти чудеса и тайны». Он медленно поднялся и пошел. С каждым шагом ему все больше и больше хотелось оглянуться, но он был уверен — стоит бросить взгляд назад, как злодей сорвется с места и длинными прыжками понесется за ним. Он не мог сказать, откуда такая уверенность, он знал одно — даже если сейчас Кошкодав-Ракоед снова ухватится за него холодными пальцами, то церемониться он, Аршак, с ним не будет, скovy-

вавшее его непонимание прошло, и совершенно наплевать, где он и что с ним делают. Он плюнет в мутные глаза Кошкова, а потом врежет коленом куда надо, на этот раз мерзавец не увернется. В конце концов даром, что ли, он ходил целый год в секцию борьбы? Ну а там ребята друг другу много хитрых приемов показывали, к борьбе не имевших отношения.

Через сотню шагов боевая злость в нем так разыгралась, что Аршаку даже захотелось, чтобы преследователь догнал его. И желание стало таким острым, что он остановился, плюнул на песок и оглянулся.

Но Кошкова-Ракоед и не думал нестись за ним длинными прыжками. Не шел он и короткими шажками. Он лежал рукой оторопевшему Аршаку. Потом снова натянул на себя дерюгу.

Аршак растерялся и обрадовался одновременно. Если его оставили в покое, то пора выбираться отсюда. Откуда?

Он еще раз посмотрел на топчан, одиноко украшавший пляж, и пошел по склону вверх, иногда цепляясь за кусты, когда ноги скользили по траве.

ГОРОД

Это и впрямь был тот самый город. Старые дома, ухоженные палисадники, мощенная брусчаткой мостовая, резные деревянные ворота... Хорошо идти по улице города своего сна, и все было как во сне — пусто, тихо и уютно. За углом узкого трехэтажного дома (по одному окошку на каждом этаже) Аршаку открылась маленькая площадь, а за площадью из-за домов невеселой серой громадой вырастал замок.

Аршак свернул влево, вскоре кривой переулок вывел его к рынку.

Прилавки ломались от фруктов и овощей. Такого изобилия он не видел даже у себя, в Ереване. А вот мясной ряд — туши, обернутые в марлю, свисали рядами, и тут же мясницкие топоры, воткнутые в большие, обитые железными обручами колоды. Сбоку распахнули толстые двери магазинчики, а в центре базарной площади прямо на пыльном грунте возвышались горы арбузов, дынь и всего-всего-всего...

Людей не было. Это уже начинало пугать Аршака. Несколько раз он судорожно оглядывался, даже влезал на скамейки, пытался заглянуть в окна. Никого!

Только на рынке Аршак понял, как он голоден. Взяв с прилавка огромную желто-красную грушу, он, внутренне готовый к истошному крику «Держи вора!», впился зубами в сочную мякоть.

Потом он прошелся по фруктовому ряду и перепробовал все. А когда, сыто отдуваясь, размышлял над горкой фиников — есть или не есть, над прилавком поднялась голова и спросила:

— Не наелся еще?

Аршак вскрикнул и отскочил. Но это был не Кошкодав-Ракоед. Вылезший из-под прилавка человек был без усов и вообще лыс до блеска, не худ и выглядел добродушно. Глаза, правда, у него были с тухлинкой, как у Кошкодава, но мало ли у кого какие глаза.

— Как ты сюда попал, бедный мальчик? — участливо спросил Лысый.

Аршак шмыгнул носом и поведал незнакомцу о своих приключениях в логове злодея и на берегу.

— Ай-ай-ай, — незнакомец погладил Аршака по голове. — Как тебя прокрутило! Так ты говоришь — Кошкодав-Ракоед? Ты его так прозвал? — Лысый рассмеялся.

— Ага. Меня Аршак зовут. А вас как, извините, называть? — спросил Аршак.

Лысый задумался. Подвигал бровями, пожевал губу.

— Ты хороший мальчик, но никогда и никого здесь не спрашивай о таких вещах. Потом я тебе все объясню. Да и что такое имя — дым! Назови себя так — одно, этак — другое. А в итоге все равно тебя могильный червь точит, как бы ни называл себя ты или как бы ни прозвали тебя люди.

Аршак пропустил мимо ушей эту сентенцию.

— Скажите, куда я попал, что это за место?

— А почему ты должен был куда-то попасть? — удивился Лысый.

— Ну... Это же не Москва?

— Кто тебе сказал?

— А вот же — море! — растерялся Аршак.

— Море, — согласился Лысый. — Плохо знаешь географию своей страны. Ты ничего не слышал о Московском море?

— Так это не море, а водохранилище?! — догадался Аршак.

— Море тоже водохранилище, — резонно заметил Лысый. — Только загажено круче.

И Аршак на какое-то время успокоился. Его не смущало обилие фруктов и овощей, он никогда еще не бывал на пустых московских рынках, и опрятные старые домики, уместные разве что в Прибалтике, тоже не смущали — мало ли на какую окраину могло занести.

— Тут девчонка татуированная бегала... — начал он.

Остатки сомнения все еще шевелились в нем.

— Э, милый, — безнадежно махнул рукой Лысый, — ты еще в пешеходной зоне не был, там и не такое увидишь! Молодежь пошла, оторвать и бросить! Однако, — он посмотрел на тень, — карнавал скоро.

— Карнавал?

— Ну, называй как хочешь: карнавал, праздник города, района, улицы, дома, квартиры, туалета... Праздник всегда праздник, где бы ты при этом ни находился и что бы ни имел с собой.

Все медленно утрамбовывалось на свои места. Реальность окружающего мира постепенно насыщалась плотью. Аршак хотел было спросить, как дойти до ближайшей станции метро, но тут Лысый выбрался из-за фруктового прилавка — и мальчик запнулся.

Одет был Лысый в драную и грязную мешковину, а на ногах красовались огромные болотные сапоги. Сомнения вновь бухнули во все колокола, да так, что в ушах зазвенело — мироздание опять угрожающе перекошилось.

— Вот что, — сказал Лысый, — пока не началось, пошли ко мне.

— Куда? — насторожился Аршак.

— В школу. Я, понимаешь, здесь немного учитель. Пошли, тут рядом, неподалеку...

ШКОЛА

Школа оказалась приземистым длинным баракom, и если бы не вывеска «Среднеобразовательная школа имени профессионально-технического обучения», то Аршак не рискнул бы войти.

Внутри, к его удивлению, оказалось довольно-таки приятно. Чистые паркетные полы, стены оклеены веселенькими обоями, парты. Парты его восхитили — такие он видел лишь в черно-белых фильмах: капитальные устройства на двоих, с откидными крышками, с жесткими прямыми спинками, из толстых досок, в которых ножом и бритвой можно вырезать любые барельефы. Да, настоящие старые парты, а не хлипкие столы с хлипкими стульями.

Впечатляла и длина класса — парты в четыре ряда тянулись одна за другой и таяли в полумраке. Окон здесь не было, класс освещали круглые неяркие плафоны в частой металлической сетке.

На стенах висели картины. Аршак подошел к ним.

— Посмотри, это интересно, — сказал Лысый, перебирая бумаги на учительском столе.

Над картинами был прибит длинный кусок картона с красной надписью: «Творчество юных — карнавалу!»

Картины Аршаку сначала не понравились — скучные и какие-то... устаревшие, что ли?! Школьники в серых гимнастерках и школьницы в белых фартучках за партами и с букетами цветов, а вот девочка с бантом и в белом передничке, чем-то похожая на ту, что встретилась на пляже, бежит с воздушным шаром навстречу матери, а мать, румяная красавица, белозубо улыбаясь, присела, раскинув руки. А вот школьники на уборке урожая на фоне музейного трактора. Одна из картин называлась «Первый учитель»: первый учитель — копия Лысого, гладит по голове все ту же девочку с бантом.

Нарисовано было неплохо, Аршак даже тихо позавидовал. В детстве он рисовал, одну картину даже выставили в

галерее детского творчества, а потом не то разучился, не то расхотелось.

Одну из картин он случайно зацепил, протискиваясь между партой и стеной. Картина слетела с гвоздя и хлопнулась на пол. Аршак виновато глянул на Лысого, но тот не обращал на это внимания. Когда Аршак поднял картину и снова повесил, то обнаружил, что картина изменилась: теперь на ней был изображен клубок змей, причем весьма натуралистично.

Заметив тыльную полосу рамки, он понял, что повесил картину неправильно, обратной стороной, и страшноватые змеи, вылезавшие из головы кролика, нарисованы как раз на обороте картона.

Аршак закусил губу и перевернул соседнюю картину. И там открылась совершенно иная картина. Большой красивый дом, балконы, люди на балконах, а верхние этажи запачканы чем-то омерзительным; маленькие люди на балконах в страхе смотрят вверх, а к ним тянутся языки черной жижи. Название картины было выведено бисерным почерком: «Грязь валится с небес».

Изнанка картины с «Первым учителем» оказалась неожиданной. Аршак хихикнул и цокнул языком. Над пашнями, городами и озерами возвышался пронзающий облака и выросший прямо из земли огромный, со знанием дела прорисованный член, перевязанный посерединке ленточкой, а по ленточке тем же мелким почерком выведено печатными буквами: «У нас все хорошо!»

Все картины оказались перевертышами. Больше всего Аршаку понравилась «Мыши как боги, а люди как блохи», но что на ней изображено, сразу сказать было невозмож-

но, там хватало всякой живности и людей, в странных сочетаниях.

Ощутив на своем плече руку, он поднял голову. Лысый, снисходительно улыбаясь, покачивал головой:

— Ох уж эти мои художнички! Большие, скажу тебе, шалуны. Но знаешь, иногда приезжают делегации по обмену опытом, так им нравится. А сейчас повесь как было, директор не любит беспорядка и озорства.

— А кто у вас директор?

— Я директор, — рассеянно сказал Лысый, еще раз внимательно осмотрел неприличную картину с длинным названием «Носитель яшмовых бус овладевает азами», неодобрительно хмыкнул и перевернул ее на «Последний звонок».

Задняя стена помещения отсюда еле была видна. Аршак все же добрался до нее и увидел плотно перевязанные стопки тетрадей, штабелями уходящие к потолочным балкам.

— Контрольные работы?

— Нет, — ответил Лысый. — Дневники наблюдений.

— А-а, — вспомнил Аршак, — в начальных классах мы тоже вели дневники наблюдений за природой.

— М-да? Ну, и за природой тоже, почему бы и нет!

Они вернулись к учительскому столу. Аршак глянул в раскрытую дверь и увидел за домами стрельчатые окна, фигуры на ярусах и башенки замка.

— Что это за высотное здание? — спросил он. — Я их не все видел. Гостиница «Украина»?

— Нет, это не гостиница, это Дом разума.

— Странное название!

— Ничего странного. Чем разумнее человек, тем выше и лучше стремится он жить. Ты не смотри, что архитектура

нескладная, дом строился долго, лет семьдесят с лихвой, да и то еще не достроен.

Аршак задумался. Концы с концами начали расходиться все дальше и дальше, несуразности одна за одной выпирали на поверхность.

— Значит, Дом разума? — переспросил он.

— Дом, дом...

— В Москве?

Лысый задумался, потом лицо его прояснилось.

— Ах вот ты о чем... Кто же тебе сказал, что это — Москва?

— Но вы же говорили про Московское море, — растерялся Аршак.

— Я всего лишь напомнил тебе о факте вашей географии, не более того. И еще я задавал вопросы. Но я ничего не утверждал. Если же ты интересуешься, где ты и Москва ли это, то ответчу честно и без утайки — нет, не Москва. И вообще — не ваш мир.

— Так я на другой планете? — криво усмехнулся Аршак.

Лысый внимательно посмотрел на него и подмигнул.

— Кто тебе сказал такую глупость? Другой мир — это не обязательно другая планета или даже другая страна. Он может быть и рядом, неподалеку.

— А-а! — вскричал Аршак возбужденно. — Я читал: параллельные миры, другие измерения...

— Ерунду ты читал, — строго ответил Лысый. — Измерения... вот ведь дрянь какую придумают! Хотя, если у тебя такие вкусы, пожалуйста! Хочешь — измерения, хочешь — параллельно, а хочешь — наперекосьяк и сбоку розовый бантик. Можно всякое придумать — например, все тебе снится, и находишься ты сейчас в мире сна. Или: твоя Москва или там Ереван — это сон, и ты проснулся только сейчас. А вот

еще — ты видишь сон, а во сне сон, а в том сне — еще сон. И так далее. Вопрос: каково необходимое и достаточное условие для проверки того, что количество снов равно количеству пробуждений? Предположим, что количество пробуждений больше — что это означает? Если ты заснул, а проснулся дважды? Кто из нас сон, а кто — спящий? Я не напоминаю тебе про сон бабочки, эта история тебе еще не известна, а сон Маркандеи тоже для тебя пустой звук, судя по тупому выражению твоих глаз.

С этими словами Лысый сунул ему в лицо круглое зеркальце, и Аршак увидел свое до обиды глупое, растерянное лицо, слегка отвисшую от непонимания нижнюю губу, и глаза, которые, к великому его ужасу, наливались такой знакомой тухлостью.

— Что скажешь? — поинтересовался Лысый, быстро убрав зеркальце в ящик учительского стола.

Аршак пожал плечами, костенев упрямством. Так, бывало, стоишь у классной доски, а в голове ни одной мысли, ну и пусть!

— Чего от меня надо? — злобно спросил он. — Почему ко мне привязался этот ваш... Кошкодав-Ракоед?

— Тот, кого ты назвал столь неблагозвучным именем, чрезвычайно могущественный, как бы сказать получше, волшебник. Да, волшебник, это подходящее для тебя название. Очень, очень сильный волшебник! Может все, сразу и много. Вот, кстати, и тебя он заполучил. Ну, говорить об этом вслух не будем, хотя я, например, сторонник полной гласности до победного конца.

Лысый прошелся вдоль доски, заложив руки за спину, лицо его менялось, в глазах появился слабый блеск, а уголки губ опустились. Сейчас он был похож скорее на учителя физ-

культуры Самсона Гайковича в тот момент, когда Самсон Гайкович помогает старшекласснице выполнять упражнение на брусьях и при этом ласково держит ее за талию и за ноги.

— Да, я противник всех и всяческих умолчаний. И я радикально не согласен с этим... Как ты его там прозвал? Наоборот, чем громче и откровеннее мы провозгласим наши цели, тем быстрее, проще и блистательнее доберемся до них, к восторгу своему. Да, полное и неотвратимое истребление умолчаний, тайн и секретов. Все мы одно...

Он остановился на полуслове, застыл на месте и поднял палец.

«Ба-бам», — донеслось издалека.

— Первый сигнал. Скоро начнется карнавал, надо спешить. Идем!

— Куда?

— Я тебе помогу. Идем скорее, ты должен кое-что вспомнить.

— Никуда не пойду! — неожиданно для себя заявил Аршак.

Опять начиналась беготня, а он уже убедился, что все эти прыги и скоки ничем хорошим не кончаются. Лысый плетет сказочки о снах и волшебниках, а нужно им на самом деле... Лысый остановился и широко раскрыл глаза.

— Ну... Ну!

— Что «ну»? — грубо спросил Аршак.

Лысый разочарованно вздохнул.

Аршак заметил над доской ряд старых, почти выцветших фотографий. Мальчики в школьной форме, ремни с литыми пряжками и смешные фуражки с высокой тульей и лакированным козырьком — старого образца. Аршак видел такую форму на фотографии Жирайра Аветисовича. «В юности», —

как сказала мать, показывая ему семейный альбом будущего отчима.

— А это ваши отличники? — Аршак мотнул головой в сторону фотографий.

— В некотором смысле. Вообще — это отцы-основатели. Мы все обязаны им! Пошли, я по дороге тебе расскажу.

И Лысый вышел из школы-класса, а Аршак, еще раз глянув на отцов-основателей в школьной форме старого образца, пошел за ним.

УЧИТЕЛЬ

На улицах все еще было тихо и пустынно, не было заметно никаких признаков надвигающегося карнавала. Они шли мимо невысоких заборов, будок с заколоченными окошками, мимо выставленных у витрин лотков со всякой съедобной и несъедобной мелочью. Аршак старался не отставать, а Лысый шел быстрым шагом и, размахивая руками, громко говорил:

— ...Нет-нет, это не просто детские фотографии, именно в юном возрасте они стали отцами-основателями. Отважные мальчуганы создали наш мир! Давным-давно, почти сто лет назад, они взяли в свои руки карабины и решили устроить дела по-своему! Какая роскошная картина — мальчишки и карабины! В конце концов, почему бы и нет? Дети спасут мир, мир в стволах винтовок, винтовка рождает власть, власть молодым, молодость — сила, сила через радость и так далее... Что там еще было? «Трещат старые кости»? Впрочем, это из ваших дел. А у нас все было просто и здорово — рраз!

И власть действительно у юных! Ну конечно, были перегибы, а у кого их не было? В конце концов, чем карабин хуже киркомотыги или, скажем, лесоповала? Вполне гуманно и быстро! Но это частности. И вот мы, внуки дорогих победивших наших мальчиков...

— Кого они победили?

— Да кто теперь помнит? Победителям, знаешь ли, память совершенно ни к чему! Что надо, мы помним, а когда потребуется — напомним и остальное.

— Кошкодав-Ракоед, он тоже внук?

— Еще какой! А вообще, между нами говоря... — Лысый нагнулся к его уху и теплым шепотом продолжил: — Твой этот усатый — большая сволочь! Всех сожрал. Силен до безобразия, но глуп до омерзения. Да и сила-то вся в его усах. Но ничего, с твоей помощью мы усики ему пообрываем! Ты только поднатужься и вспомни, сам вспомни и мне тихонечко скажи.

— Что я вспом...

— Тсс! — остановил его Лысый. — Тихо. Только тихо и про себя. Хотя... Эх, была не была, времени совсем не остается.

Он поднял глаза на замок, потом остро взглянул на Аршака и осмотрелся. Завидев подворотню, обрадовался и, взяв мальчика за плечо, толкнул вперед:

— А ну, давай сюда!

В подворотне скверно пахло, стены на высоте живота были в темных кляксах и потеках. Лысый навис над Аршаком и зашептал:

— Усатый ищет... Ну, сам пойми! Ищет, скажем, ключ. Иначе он не попадет туда. Времени мало, вот незадача. А без ключа совсем плохо. Не прорваться! Он и без ключа может,

но ненадолго — если в полную силу, а если долго, то совершенно без силы, а если долго и в полную силу, то сгинет, расточится, прахом обратится...

Аршак слушал невнятное шелестение Лысого. Он понимал, что идет охота за ключом, а ключ лежит у него в кармане — перламутровая ручка.

Он почувствовал себя ужасно хитрым. Пусть Лысый говорит, может, проболтается — что за ключ? Если ключ — должна быть дверь! Только он, Аршак, не Буратино, чтоб его за нос водили, он сам любого обманет.

— Ой, дядя, — перебил он Лысого, сделав большие глаза, — а что это за ключ?

Лысый удовлетворенно крякнул и ласково посмотрел на него.

— Ключ? Ну, назовем это ключом. В самом деле, без него не попасть... — Тут он прижал свои губы почти вплотную к его уху и прошептал: — Без него не попасть в Аэндор!

Сначала Аршак ничего не понял. Затем вспомнил — дядю и его самого охмурили именно каким-то поганим Аэндором: трон, власть и прочая чепуха. Лысый нагло вешает лапшу на уши. За дурачка держит.

— Ты пойми, — между тем шептал Лысый, — Аэндор — это не только сон, есть к нему тропиночка, дверца заветная имеется, но без... ключа... не войти! Ох, я и так слишком много сказал, не выдавай меня, мальчик! — Он рухнул на колени прямо в груду нечистот и замер, опустив голову.

— Не надо, что вы, — испугался Аршак и кинулся поднимать Лысого.

Глаза коленопреклоненного полыхнули холодным торжеством, но Аршак не заметил этого.

Лысый встал, стряхнул с колен прилипшее дерьмо, брезгливо понюхал руку и обтер ее о стену. Глянул в глубь двора.

— Здесь должна быть колонка...

В маленьком дворике, составленном балконами одноэтажных домов, действительно оказалась водяная колонка. Пока Лысый смывал с себя налипшее, Аршак с любопытством рассматривал цветное белье на веревках, медный таз, прислоненный к перилам, дрова у входа в подвал. Очень похоже на старые районы Еревана, подумал Аршак, такие же трухлявые балконы и выпирающие стены.

На стене, рядом с покосившейся дверью в подвал, сделан рисунок мелом, изображающий фантастически пышные женские тела, рядом находился тщательно выписанный пейзаж с горой и высоким деревом. Над пейзажем крупными буквами выведена надпись: «Это здесь», — и стрелка, указующая на дверь подвала.

Лысый закончил свой туалет, поднял голову и заметил надпись.

— Постой, — закричал он, — да это же... А ну за мной!

И рванул с места так, что Аршак решил — сейчас расшибется! Но дверь словно ветром сдуло, и Лысый исчез в темном проеме. Идти туда было жутковато, но оставаться на месте — еще хуже.

КНИГА

В погребке и впрямь темно, но совсем не страшно. Слабый свет падал на ряды огромных бочек, со сводчатого потолка свисала паутина, в проходе стоял длинный стол,

заставленный бутылками, кружками и воронками. За столом сидел Лысый и держал в руках большую книгу.

— Вот, — гордо сказал он, — я подозревал, что «Истинная книга» где-то здесь, в самом неподходящем месте. Так, что у нас тут? «...на двести гекалитров сто белков...», нет, не это! «...купажирование марочных...», тьфу! Ага, вот он!

С этими словами он вытащил зажатый между страницами небольшой сложенный пополам листок. Развернув его к светлому прямоугольнику, образовавшемуся на месте вышибленной двери, он нараспев прочел:

— «Лишь мальчик, птица и огонь сумеют пронести его через закат и полночь дней, к вершине истины твоей»... — Лысый запнулся. — Ну, а дальше тут неясно. Что-то сказано про птицу и огонь. Мальчик — это определенно ты. Но что означает «птица и огонь»?

Он на коленях стоял, вспомнил Аршак, черт его знает, может, сказать? И осторожно, чтоб не сболтнуть о переезде соседей и перламутровой ручке, рассказал о сне про черную птицу.

— Черный стерх! — вскричал Лысый, едва дослушав. — Где, где ты его видел? Умоляю, вспомни!

— Как где? — не понял Аршак. — Я же говорю, во сне.

— Место, место... — чуть не плакал Лысый.

— Да у дяди же дома, я у него спал.

— Какой бестолковый мальчик! — сердито проговорил Лысый. — Вспомни, что это было за место во сне. Где ты видел птицу? Дом, улица, река...

Аршак пожал плечами.

— Не знаю. Ну, землю копали, там машина еще с цистерной была, асфальт горелками плавил, чтоб легче ломать.

— Вот и огонь, — пробормотал Лысый. — А место? Неужели не знаешь?

— Не знаю, никогда не видел. Пустырь помню, дома на горизонте, стройка рядом...

Лысый отшвырнул книгу, скомкал листок и бросил под стол. Лицо белесое в полутьме показалось Аршаку ужасно знакомым.

— Что ж, — почти спокойно сказал Лысый, — если не знаешь, где дверь, то лучше искать ключ к любой двери.

— Так вам отмычка нужна?

Не отвечая, Лысый пошел к выходу. Замер в проеме и отпрянул. Он прижался к стенке и, пятясь, вернулся и прошептал:

— Кажется, мы попались! Усатый во дворе. Вынюхал, стервец!

ОРУЖИЕ

Стены подземелья то сужались, то раздавались в стороны так широко, что приходилось держаться за Лысого. Сверху сыпался песок, шелестели крылья, под ногами вязко чавкала сырая земля.

Тогда, в винном погребе, Лысый провел его меж бочек, откатил одну, оказавшуюся пустой, в сторону и нырнул в черную дыру. Аршак, недолго думая, последовал за ним.

Они шли долго. Наконец после узкого поворота они попали в пещеру, выход из которой светлел впереди.

Пещера вывела их на склон горы. Перед ними расстилась зеленая долина, окаймленная невысокими холмами, да-

леко за ней виднелась синяя полоска моря, а напротив как на ладони располагался город с замком.

— Вперед! — весело крикнул Лысый и быстро пошел по тропинке.

Через несколько минут они оказались на большой площадке, заваленной огромными ржавыми конструкциями, разбитыми машинами и строительным мусором.

— Здесь раньше были мастерские, — пояснил Лысый, заметив удивленный взгляд Аршака. — Ремонтировали строительные краны. Вон сколько их валяется! Ну, потом забросили. Так, теперь поищем одну игрушку.

Пока он шастал, всматриваясь в переплетения труб, каркасов, бетонных блоков, Аршак пробрался мимо покореженных остовов и вышел к парапету. Отсюда хорошо был виден берег моря и замок с темным шаром на шпиле.

— Ага! — послышался торжествующий вопль Лысого. — Вот она, игрушечка!

Аршак не торопясь побрел на голос, огибая перевернутые бульдозеры, клубки мятых труб, расплющенные каким-то чудовищным прессом асфальтовые катки, и наконец вышел к нагромождению бетонных фонарных столбов. На некоторых сохранились еще осколки плафонов, а на одном Аршак разглядел привязанную к крепежному болту толстую веревку со скользящей петлей и рядом — фанерную дощечку с продетой в два конца бечевкой. На дощечке расплылась сделанная чернильным карандашом надпись: «В добрый путь!»

Почесав в затылке, Аршак немного постоял над дощечкой, а потом увидел Лысого.

— Что, интересно? — спросил тот. — Ну, давай сюда!

Лысый сидел перед штабелем бетонных столбов и постукивал камешком по торцу одного из нижних. Столб отвечал металлическим звуком.

Подняв голову, Лысый долго смотрел по сторонам, вдруг вскочил и ловко полез на стоящий неподалеку подъемный кран.

Он вскарабкался по скобам к кабине с выбитыми стеклами, спустился, исчез, а вскоре снова возник, с проклятиями волоча за собой тяжелую лебедку. Снова полез наверх, разматывая трос, перекинул его через блок, пройдя для этого по стреле, подозрительно затрещавшей под ногами. Аршак закрыл глаза, ожидая неминуемого падения, а когда открыл, Лысый уже возился с лебедкой.

— Чего стоишь? — крикнул он Аршаку. — Крути!

Аршак потерял чувство времени. Он исходил потом и крутил, крутил, крутил... Лысый скакал обезьянкой, цепляя тросом столбы, подсакивая к лебедке и помогая Аршаку, потом снова к столбам, оттаскивал приподнятые... А когда наконец остался нижний, то его вдвоем подняли метра на два, раскатали и уложили на остов трейлера.

Лысый подскочил к столбу, посмотрел вдоль него и, пробормотав: «Удачно, очень удачно», — отер пот со лба. Аршак, шатаясь, подошел к парапету и без сил повалился на землю.

Он сидел и равнодушно следил за тем, как неугомонный Лысый опять куда-то убежал, чтобы появиться с ворохом тряпья и с грязной бутылкой, наполненной мутной жидкостью. Сил удивляться уже не было, и Аршак совершенно пустым взором смотрел, как Лысый намочил тряпку и с силой несколько раз провел ею по столбу. Обнажилась темная отблескивающая полоса. Лысый набросился на столб как

сумасшедший, и через несколько минут перед взором Аршака предстал тот же столб, только уже из вороненого металла. А когда Лысый вынул из узкой части затычку, Аршак нашел в себе силы встать и заглянуть в дыру. Обнаружив на внутренней стороне идущие вглубь и вбок выступы, он понял, что это нарезка. Столб оказался стволом!

Лысый между тем оглядел утолщенный конец ствола, провел пальцем по незаметной канавке и, нащупав выступ, нажал. Отвалился массивный стальной клин, обнажив затвор. Одновременно выдвинулся короткий стержень с кнопкой на конце.

Лысый захихикал, полез за пазуху и достал оттуда небольшой снаряд. Головка его кончалась синеватым стеклышком. Лысый осторожно вложил снаряд в ствол, с лязгом задвинул клин и ласково провел рукой по затвору. Поманил к себе Аршака.

— Вот сейчас мы его, козла усатого, задерем! — торжественно сказал Лысый. — Сейчас мы его к кузькиной матери определим. Давай жми сюда! — И он сделал приглашающий жест.

Аршак посмотрел вдоль ствола: действительно, нацелено прямо на замок. Неужели можно точно попасть по Кошкодаву-Ракоеду, подумал он, загораясь при мысли о том, что сполна отплатит злодею за все обиды. Почему бы и нет? Стеклышко — это, наверно, объектив. Лазерная наводка!

— А не промахнемся? — деловито спросил он Лысого, ухватываясь за стержень так, чтобы большой палец лег на кнопку.

— Что ты! — подпрыгнул от возмущения Лысый. — Да хоть и промахнемся! Прижарим усатого калифорнием! Не

бойся, не уйдет! Штучка на пару килотонн потянет, а то и больше. Жми!

Аршак ахнул и отскочил.

— Да что вы, — заикаясь, произнес он. — Там же люди, дядя, наконец...

— Какие люди! — распаяясь, закричал Лысый. — Сво-лочи все! Да и сволочей-то на самом деле нет!

— Дядя...

— И дяди нет! Ты хоть кого-нибудь здесь видел вместе с усатым, одновременно видел, а?

— Не видел, — прошептал Аршак, мгновенно понимая Лысого. — Но я и вас ни с кем не видел!

— Молодец, мальчишечка! — обрадовался Лысый. — Со-ображаешь!

Затем он многозначительно подмигнул Аршаку, лизнул свой большой палец и медленно повел его к кнопке.

— Не надо! — закричал Аршак и бросился на него.

Но не успел. В ту же секунду Лысый накрыл кнопку ладо-ню. Аршак замер. Оружие издало непристойный звук «прррз», из жерла выдулся большой ярко-желтый воздуш-ный шар с надписью: «Привет победителям!» Шар покачался у них над головами и, гонимый ветерком, поплыл к городу, медленно уменьшаясь в размерах.

Аршак озверел. Он подскочил к Лысому, вцепился в его лохмотья и стал трясти. Лысый, продолжая улыбаться, по-пытился, увлекая Аршака за собой, пока не уперся в лебедку.

— За что, за что надо мной издеваетесь? — рычал Аршак.

— Успокойся, — увещевал его Лысый. — Никто не изде-вается. Все хорошо, все в порядке. Ну, пошутили! Да и чего жалеть, кого жалеть? Ты себя пожалей. Сам-то... Дай тебе в руки карабин, ведь у себя скольких бы в распыл отправил!

— Нет! — Аршак отпустил Лысого и взглянул в его глаза. — Нет, не дождетесь.

— Неужели не дождусь? — издевательски спросил Лысый. — А вот нянечка твоей ясельной группы, ненароком скормившая маленькому Гагику кусок битого стекла, а потом, вместо того чтобы вызвать «скорую помощь», никому ничего не сказала. Неужели она не стоит пули? Или ты забыл, как все удивлялись, почему Гагик вдруг исчез и почему нянечки ходили испуганные почти целую неделю?

— Я... я не помню.

— А в садике, в старшей группе, не помнишь, как пропал твой красивый венгерский свитер, и все подумали, что его взял Женя, а папа его так за это проучил, что Женя на всю жизнь стал заикой, а свитер потом видели на сыне воспитательницы, который ходил в другой садик? Не помнишь? Ну, может, не пули, но пару раз прикладом по темечку не повредило бы, а? А в школе...

— Не надо, — глухо пробормотал Аршак.

— Ну почему же? Не волнуйся, я не о тебе. Помнишь, в третьем классе ваш учитель, заслуженный, между прочим, медаль имеет, не разрешил Сергею выйти из класса, а вывел к доске и издевался долго, пока тот не обмочился под веселый жизнерадостный смех всего класса? У Сергея на этой почве началось нервное расстройство, теперь он лечится каждый год в клинике, но ты этого, конечно, не знаешь, потому что он остался на второй год и был немедленно забыт. Ну а ваш заслуженный учитель? Как он добивался правильной осанки и послушания? Привязывал непосед к стульям, клал на голову мешочек с песком и, если он падал, бил линейкой по детским пальчикам. Ну так что — пуля? Или штыком его, садиста?

— Нельзя же так!

— Вот как? А почему же усатого можно? Он тебя бил? Издевался? Ему-то от тебя мелочь требуется...

Аршак опустил глаза. Он стоял спиной к парапету и не видел, как воздушный шар, уменьшаясь, летел прямо на замок, но с каждым мигом, превращаясь в точку, он светился все ярче и ярче.

Когда наконец Аршак, не зная, что сказать, поднял глаза, ослепительная вспышка за его спиной вдруг превратила лицо Лысого в яркую луну, а потом в глазах все померкло. Через секунду грохот прижал их друг к другу, а когда все прошло, полуоглохший и чуть не ослепший Аршак обернулся и вскрикнул — на месте дворца дымилась воронка, а города не было вовсе, и только багровый, быстро темнеющий шар вспухал над ним.

— Ничего, — просипел голос сзади, — мы построим новый город.

Аршак, пораженный этими неуместными словами, повернул голову и не поверил своим глазам — на месте Лысого очутился Кошкодав-Ракоед собственной персоной. Аршак снова глянул на город и похолодел — никаких следов разрушений! Замок, дома, безоблачное небо...

ПРАЗДНИК

Комнату, обитую коврами, он узнал сразу же, как только очнулся. Неизбежный Кошкодав-Ракоед привалился к столу и жрал, давясь и исходя слюной, небольшие мятые цилиндрики, очень похожие на окурки.

Аршака замутило. «Хочу домой, хочу домой, хочу домой. Вот сейчас раскрою глаза и увижу, как тетя пилит дядю, Миша смотрит телевизор, а Клара играет на скрипке что-нибудь из «Айрон Мэйдн». Сейчас проснусь...»

Кошкодав-Ракоед доел, утер слюнявый рот ладонью, а затем, осоловело выкатив глаза, неожиданно и очень пронзительно рыгнул.

— Выпустите меня отсюда, — тихо попросил Аршак. — Я ничего не знаю.

«Знаешь, знаешь, — сказал внутренний голос, — только держись крепче за карман!»

— Знаешь, знаешь, — эхом отозвался Кошкодав-Ракоед. Аршак похолодел. Если сейчас он полезет к нему в карман, то коленом в челюсть и бежать, бежать... Но куда?

Бу-ум — донеслось издалека.

— Второй залп, — поднял палец Кошкодав-Ракоед. — Вот-вот начнется карнавал. Пошли на балкон!

Балкон выходил на площадь. По ее периметру стояли большие статуи. Под бело-зелеными потеками голубиных экскрементов не было видно лиц, но по фуражкам старого образца Аршак догадался, что в каре выстроились юные отцы-основатели.

— Почему нет людей? — спросил он. — Где жители города?

— Они где-то здесь, неподалеку.

И тут ухнул фейерверк. Ракеты, шутихи, петарды взмыли в яркое полуденное небо, с треском закрутились огненные колеса. Шум и грохот стоял неимоверный. Но в дневном свете огни почти не были видны, лишь пышные дымные трассы исчеркали безоблачный небосвод. Когда он опустил голову,

то в глазах зарябило; сотни, тысячи людей плясали, водили хороводы, играли в «ручеек», пели, собравшись в кружки вокруг гитаристов, баянистов и одинокого арфиста. Над толпой реяли воздушные шары, вдруг зашагали на ходулях пестро разодетые мужчины и женщины...

Балкон находился невысоко, на уровне второго этажа. Иногда сюда залетали ленты серпантина, порывы ветра несли конфетти, обрывки газет и куски перфолент. К балкону приблизилась на ходулях румяная женщина с большим бантом в волосах и в огромной пышной юбке, как будто срисованной со старой картины. Женщина кинула им розу, промахнулась, показала язык, а потом, повернувшись, нагнулась и задрала юбку, обнажив тугие телеса в розовых панталонах. Сильно перегнувшись вперед, она потеряла равновесие и кувыркнулась с ходулями прямо на восторженно взывшую толпу. Аршак заметил, как подскочили к ней несколько ряженых в масках, юбка разлетелась в клочья, а женщина громко и радостно смеялась.

Аршак смотрел на суматошное веселье, и чем больше смотрел, тем тоскливее становилось у него на душе. Вскоре лица в толпе казались ему все на одно знакомое усатое лицо.

Заревели, ухнули барабаны, толпа взялась за руки и бесконечной змеей пошла, скручиваясь и раскручиваясь, по площади, дружно выделывая коленца под нехитрый, но навязчивый мотив тарантеллы. Круги сходились и расходились, головы, словно нанизанные на четки, проплывали под балконом...

Музыка стала фальшивить, цепь распалась на фрагменты, танцоры устали. Некоторые вышли из круга и расселись, привалившись к пьедесталам юных отцов. Карнавал выдыхался.

Тихий гул, шедший сверху, нарастал. И вдруг высоко над площадью с ревом прошли боевые вертолеты — в зелено-коричневых камуфляжных пятнах, с гроздьями ракет на пилонах. Днище каждого вертолета украшала огромная, выведенная белой краской буква. «Т... А...» — начал читать Аршак, и сразу же получилось:

«ТАНЦУЮТ ВСЕ!» Вертолет с восклицательным знаком шел чуть левее колонны. Над площадью он вильнул хвостом, развернулся и ушел обратно, скрывшись за башнями замка.

Призыв и впрямь придал силы уставшим весельчакам. Снова грянули трубы, арфист опрокинул арфу и заплясал на струнах, толпа задергалась... Карнавал возгорелся с новой силой.

Аршаку это стало надоедать. Он медленно пошел к двери, обернулся — Кошкодаву до него не было дела: ходульные разыгрывали в центре площади какой-то не очень понятный, но очень непристойный спектакль, и он, теребя усы, ел их глазами, бормоча: «Ай да я, ай да я!»

Набившие оскомину коридоры уже не казались таинственным лабиринтом. Переходы и лестницы чередовались, этажи различались цветом обоев. Вот он нашел ковровую комнату, затем быстро спустился на два этажа и несколько минут стоял перед разодранным проемом в нишу, откуда неслась еле слышный скрип велосипедной цепи.

Войти туда он не решился. Постоял — и пошел дальше. А через несколько шагов побежал, забираясь все выше и выше. Этажей через пять в коридорах стали появляться окна, а затем и широкие двери! Они вели на опоясывающую замок балюстраду. Голубой в черный горошек коридор вывел к переходу между башнями. На узкой площадке разгуливали голуби, у противоположной башни стоял вертолет.

ДРУГ

Аршак повернул обратно. А через пять минут понял, что заблудился и запутался в последовательностях цвета и узора обоев.

Коридор вывел к зашторенному проему. Аршак дернул за толстую, всю в узлах, веревку — штора с грохотом ушла вверх.

В пустой комнате перед телевизором сидел Михаил и азартно стучал кулаком по колену.

Аршак кинулся к нему и больно ударился о толстое стекло.

— Миша, Миша! — Он забарабанил кулаком по прозрачной броне, но двоюродный брат не слышал. — Миша, выведи меня отсюда... — прошептал Аршак и распластался по стеклу.

И тут Михаил поднялся с места, подошел к телевизору и протянул руку к выключателю. В тот же миг комната, телевизор, Михаил съжились, сошлись в яркую точку, а точка, померцав, угасла.

Аршак попятился от огромного слепого экрана телевизора. Медленно поползла вниз шторка. И он пошел, опустив голову...

Он устал, страшно хотелось пить. И тут послышался голос. За дверью кто-то негромко напевал.

Аршак подошел к двери, постучал и раскрыл, уверенный, что сейчас навстречу ему выйдет Кошкодав-Ракоед. Но он ошибся.

Помещение — большая ванная комната. У зеркала сидел спиной к двери незнакомый человек и брился опасной бритвой.

Заметив движение в зеркале, бреющийся обернулся и, вздев бровь, отложил бритву.

— Так-так, — сказал выбритый незнакомец.

У него было странное лицо с темными полосами загара. Казалось, что по этому лицу проехала машина и оставила рубчатый след шины. Незнакомец обтерся полотенцем, взял с полки над зеркалом большой флакон с одеколоном, понюхал, зажмурил глаза, потом немного отлил в ладонь и прошелся по щекам и подбородку. Где-то Аршак его видел, но никак не мог вспомнить — где?

— Ты еще здесь? — удивился он Аршаку.

Аршак, ожидая неизбежного подвоха, молчал.

— Что, начался шабаш?

Догадавшись, что речь идет о карнавале, Аршак кивнул.

— Значит, час и десять минут... Танцуют все! А ты чего не танцуешь?

— Не хочу, — угрюмо ответил Аршак.

Услышав его голос, незнакомец вздрогнул, вскочил с места и, подбежав, внимательно посмотрел на него.

— Меня зовут Николай, — медленно и внятно произнес он. — А тебя как зовут? Назови свое имя!

— Меня зовут Аршак.

Николай схватил Аршака за плечи, встряхнул.

— Как ты сюда попал? Где дверь? Бежим отсюда!

— Ничего я не знаю, — сердито ответил Аршак.

— Эх, и тебя заполучили! Вот невезение! Теперь этот хрен усатый нам устроит... Ты сказал ему, где дверь?

— Нет. Какая дверь? В Аэндор?

— Какой, к черту, Аэндор?! Он к нам прорывается, к нам, понимаешь! Здесь всех сожрал, а теперь за нас возьмет-

ся. Наворочал он тут всяких хитрых штук, а у самого только на уме — жрать, жрать, жрать...

Речь Николая стала бессвязной. Он говорил, брызгая слюной и дыша крепким запахом одеколона:

— Он ищет дверь, чтобы пройти сквозь нее, тогда его не остановить, тогда он у нас покушает вволю, и все остальные тоже хоть и единосущи, но каждый хочет урвать лучший кусок себе...

— А почему все это терпят? — перебил его Аршак.

— Кто?

— Ну, столько народа...

Николай вытаращил на него глаза, огляделся и страшным шепотом сказал:

— Здесь, кроме него, никого больше нет.

Аршака пробил озноб. Зуб не попадал на зуб, трясущимися руками он плотнее запахнул на себе куртку. Николай, не обращая на него внимания, шептал, скосив глаза на пол:

— Я сам ни хрена не понимаю, только я слышал где-то про птицу, да еще про по... поликлон. Вот как зараза эта называется, а птица, понимаешь, она вроде как от нас сюда прорывается, а он — туда, к нам, а у нас своих таких хватает, схавают его с потрохами и фамилии не спросят, вот он, сучий потрох, силу здесь и набирает, пошустрит у нас, и к себе, а нам отсюда сваливать надо вместе, одеколон — и тот дерьмо, вода вонючая, надо вниз прорываться, вниз, чердаком вниз, а там и стены труха, картинки хреновы, звездолеты-дристолеты...

Озноб мгновенно прошел, Аршак выпрямился.

— Я знаю, — вскричал он, — я этот звездолет в клочья разодрал, там дверь квадратная!

Николай заплакал.

— Неужели нашел? Господи, да что мы здесь... Деру отсюда!

— Так это и есть та дверь, которую усатый ищет?

— Нужна она ему очень, — сплюнул Николай на кафельный пол. — Он зеркало ищет, зеркало и есть дверь.

— А вот этого не следовало говорить, — раздался голос за спиной Аршака.

Его он узнал сразу. Похожий на сиповатое клекотание Кошкодава-Ракоеда, но немного глуховатый голос не так давно вещал ему про Аэндорский трон, про дядю на троне и про все остальное. Но только сейчас Аршак разглядел обладателя голоса — плотного человека с тяжелым лицом, абсолютно не похожего на владельца замка. Разве что глаза...

Николай нахмурился, помотал головой, словно отгонял навязчивое видение, потом улыбнулся, подмигнул Аршаку и, взяв с полки опасную бритву, со щелчком раскрыл ее. Аршак понял, что сейчас начнется хорошая драка, а бритва и не нужна вовсе, вдвоем с другом они и без бритвы справятся с этим, новым, без усов, но с мохнатыми бровями. А там и до Кошкодава доберутся, и усы ему укоротят!

Если бровастый кинется на них, то Аршак упадет ему под ноги, повалит, а Николай сделает остальное. Но драки не вышло.

— Ну, я пошел, — сказал Николай, отступил к ванне, полоснул бритвой по своему горлу и осел в мгновенно покрасневшую воду.

Аршак даже не вздрогнул. Новое предательство уже не могло всколыхнуть темное озеро отчаяния, мертво стоявшее в нем. Еще немного — и он согласится на все, лишь бы его оставили в покое. Аршак молча оттолкнул бровастого от двери и вышел.

СИЛА

Он переставлял ноги как автомат, ни одной мысли не было в голове. Снова оказался у перехода между башнями, где могучим зелено-коричневым голубем прилепился вертолет. Равнодушно глянул на него и пошел обратно.

Ноги сами привели в комнату, уставленную банками. «Триста четыре», — негромко подсказала память. Отвинтив крышку, он вытряхнул на ладонь таблетку и проглотил ее.

Словно большой глоток ледяной воды прошел в нем сверху вниз, и тут же к голове всплыл горячий пузырь и рассыпался мелкими искрящимися пузырьками.

Минуту он стоял, прислушиваясь к новым ощущениям и неожиданным мыслям. А потом побежал.

Аршак выскочил на площадку. Боевая машина оказалась на месте. Из-под ног брызнула стайка ящериц. Камешек полетел вниз и исчез, он проводил его взглядом.

Люк оказался открытым. Аршак перекинул на второе сиденье пустой комбинезон со шлемом, уселся удобнее, подогнал под себя кресло и захлопнул люк. Проверил топливо, боекомплект — все под завязку.

Быстро прошелся по тумблерам, подвигал сектор газа и взялся за рукоятку.

Через несколько секунд лопасти подняли тучу пыли, и в ячеистых глазах неподвижно замершей на парапете ящерицы многократно отразился вертолет, косо уходящий в небо.

Аршак сделал круг над городом, но ничего, достойного внимания, не увидел. Близ моря он обнаружил вертолетную базу: ангары, полосатый чулок, раздуваемый ветром на мачте, решетки радаров, цистерны.

От ангаров к машинам побежали люди. С крыши невысокого здания к нему потянулась тонкая дымная полоса. Холодно улыбнувшись, Аршак в боевом развороте, с ходу дал залп по цистернам.

В тот же миг вертолетную базу залило море огня.

Кинув машину вбок и уходя в падении вниз, Аршак чудом избежал столкновения с кроваво-черным сгустком, взлетевшим над пляжем. Удовлетворенно оглядев свою работу, он повел машину к городу.

Он шел невысоко, над кривыми улочками и садами, а затем невесть откуда возникли проспекты и современные автострады, хищная тень воздушной машины опять неслась над старыми кварталами, полными танцующих, поющих и ликующих людей карнавала. А когда прямо по курсу выросла неопрятная громада замка, он резко отвернул вправо, поднялся метров на триста и завис перед башнями и стрелчатыми окнами.

И тут же уронил машину метров на сто, чуть не задев лопастями выступающую кран-балку. Из окна ударила трассирующая очередь. Пули пробили днище, и Аршака несколько раз сильно потрянуло.

Уведя машину подальше, он пошарил под кожаной подушкой сиденья и вытащил за спиленную наполовину ручку большую и плоскую чугунную сковороду. Оглядев свежие щербины — следы пуль, он цокнул языком и сунул ее обратно. Машина зависла над перекрестком.

— Если враг не сдастся, — весело сказал он сам себе, — то и мы не будем излишне гуманны.

И с места дал ракетную очередь.

Из окна повалил дым, одна из башен вдруг треснула и осела набок.

— Не любит! — закричал Аршак. — Ох не любит!

Машина рванулась вперед.

Замок ожил. Навстречу неслись трассы снарядов, несколько зенитных ракет дымно пыхнули в опасной близости, в разбитый боковой иллюминатор сыпанула на излете струя вольфрамовой шрапнели. Аршак, не обращая внимания на встречный огонь, расстреливал замок. Гнилые стены рушились, обнажая коридоры. Лестницы, разваливаясь, идиотскими гармошками свисали из разбитых проемов, падали ковры, летели телевизоры, холодильники...

Вскоре огневые точки замка были подавлены. Но дом, несмотря на ужасающие разрушения, все так же возвышался темной громадой над городом, и шар на вершине нагло поблескивал.

— Ах так, — угрожающе пробормотал Аршак и поднял вертолет выше.

Завис — пальнул — промахнулся!

Снизу потянулись разноцветные огни. По нему жарили фейерверками. Аршаку это не понравилось, и он отвел машину.

Снова залп. Мимо! Озверев, Аршак врубил газ и пошел на замок, посылая ракету за ракетой в шар. Проскочил, чуть не врезавшись в него, развернул машину и пошел в новую атаку. Глянув на индикатор, он вздрогнул: почти весь боезапас израсходован, остались всего две единицы.

«Если промахнусь, — решил он, — ударю машиной! Пропади они все тут!»

И в этот миг знакомый голос сказал:

— Чуть-чуть правее, и еще на волосочек. — Из-за спины высунулась рука, легла на рукоятку поверх его ладони и нажала на кнопку.

С пилонов огненными жучками сорвались две последние ракеты и впились в самую середку шара!

Брызнули во все стороны бетонные сегменты. Замок медленно рассыпался. Несколько секунд — и от него осталась чернеющая груда развалин.

Аршак, обреченно вздохнув, глянул назад.

Во втором кресле сидел Лысый и приятно улыбался.

— Привет тебе, о юный разрушитель! Ты совершенно прав, хибару давно нужно было ко всем матерям снести. Тоже мне, Дом разума! Мы построим новый дом, наш...

Аршак молча плюнул ему в лицо и опустил рычаг. Машина пошла вниз.

ИСТИНА

Ему снился сон. Большая черная птица опять ходила кругами у ямы, и снова вспыхивало пламя, и был тот же пустырь, дома на горизонте, но город с замком исчез. В знакомые видения вдруг вплыл чудовищный головастик, вильнул хвостом и исчез в мутной воде...

Аршак открыл глаза. Он лежал на каких-то грязных мешках. Вблизи, у развалин замка, догорали обломки вертолета. Одна лопасть дико и нелепо торчала из окна маленького магазинчика, непонятно как уцелевшего в этом разгроме. Рядом сидел Кошкодав и меланхолично зевал. Мимо камней и разбитых бетонных панелей, пробираясь среди хлама, к ним приближался, блестя на солнце головой, Лысый.

Аршак вздрогнул. Он уже привык к тому, что Кошкодав-Ракоед никогда не появляется с другими людьми, словно им было тесно в этом мире яркого солнца и зеленой травы.

Лысый проворно спрыгнул с груды разбитой мебели и уселся рядом с усатым.

— Опять из него чепуха прет! — пожаловался Кошкодав-Ракоед.

— Вы невыносимо глупы, мой могущественный друг, — с отвращением сказал Лысый. — Это у нас с вами чепуха, а у них все значимо, все имеет ранжир и смысл...

— Все, поговорили! — оборвал Кошкодав-Ракоед, но Лысый не смутился.

— Карнавал еще продолжается, мой единственный друг, и не надо грубить. Охотно признаю твою силу, но это еще вопрос — кто из всех достоин воплощения. Я ведь могу и по имени назвать!

— Тс-ц! — грозно цыкнул Кошкодав-Ракоед, бросив опасливый взгляд на Аршака.

Лысый рассмеялся.

— Умолчание! Тайны! Защитые рты! Старо, до невозможности старо, грозный ты мой, а юноша неглуп, юноша все видит, почти все понимает и при случае все расскажет там, у себя. Не так ли?

Аршак молчал.

— Вот видишь, — развел руками Лысый. — Он развит и умен. Зачем обман и насилие, когда можно договориться? Ну, по рукам?

— Что вам надо?

Кошкодав-Ракоед пригладил усы, хмыкнул и испытующе поглядел на Лысого.

— Вот это, я понимаю, разговор, а не беготня с пальбой. Мы говорили с тобой, если не забыл, о ключе. Так вот...

— Подавитесь вашим ключом! — крикнул Аршак и, выхватив из кармана перламутровую ручку, швырнул ее оземь.

Лысый, кряхтя, нагнулся, поднял ее и с любопытством повертел, любуясь радужной игрой.

— Симпатичная вещица. По-моему, это рукоять маленького зонта. А ты какого мнения, молчаливый мой начальник?

Кошкодав-Ракоед молча вырвал у него ручку и небрежно отшвырнул в сторону.

— Дурочку ломаешь?! — завопил он таким пронзительным и мерзким фальцетом, что Аршак слегка присел.

— Не кричи так истошно, у меня от твоего крика моча кискает, — сказал Лысый, а затем обратился к Аршаку: — Так, значит, бедный мальчик, ты все время носил эту ненужную безделушку в кармане и геройски принимал страдания? Потел, но выдать тайну злодеям не хотел? Гер-рой! Молодец! Но, извини, ошибочка вышла. Это — не то!

Удар был силен. Пройдя все круги предательства, Аршак хотел было умыть руки, но не успел и был предан раньше, на сей раз бездушным предметом. Он вдруг ощутил себя маленьким обманутым мальчиком, которому подсунули вместо конфеты кашку в бумажке. Хотелось уткнуться в бабушкин передник и выплакать ей свои обиды. Впрочем, бабушки у него никогда не было, и не плакал он уже лет десять.

— Не расстраивайся, иногда намерение важнее действия. Сейчас дружно поднатужимся и вспомним — не попадался ли тебе маленький кусочек стекла? Небольшой, темный обломочек. Возможно, он в коробке или в металлической шкатулке из тяжелого такого металла...

— Нет, нет! — зарычал Кошкодав. — Стекло открыто, я чувую, я знаю, я сразу же почувствовал, как только его раскрыли!

— И я это знаю, торопливый ты мой. Вспомни, мальчик, куда делось стекло, оно ведь у вас дома было!

— Какое стекло?

— Очень важное. Единственный уцелевший осколок аэндорского зеркала. Ключ. Найдется зеркало — найдется и дверь. Тогда сможешь вернуться к себе. А так — останешься здесь.

— Не понял.

— Чего ты не понял?

— Стекло — там?

— Там, там!

— А я — здесь. Как же я вам найду стекло?

— Голубчик! — вскричал Лысый. — Тебе-то зачем напрягаться? Ты только вспомни, а уж остальное мы сами и в наилучшем виде...

— Кто это вы?

— Ну, я, ты, он, она — какая разница?!

Аршак задумался. Он чуть было не вспомнил, куда уронил стеклышко, но тут же могучим усилием воли подавил мысль об этом. Принялся считать в уме. Досчитав до семи-десяти трех, он спросил:

— Вы ищете дверь, чтобы вторгнуться к нам и завоевать нас?

— Зачем вас завоевывать? — искренне удивился Лысый.

— А тогда зачем вам зеркало?

Лысый задумался. Пошевелил губами, прищурил глаза, нюхнул воздух.

— Была не была, — начал он. — Все скажу. Хочешь правду — получай правду. Если не подавишься, то переваришь. Да, мы ищем осколок аэндорского зеркала. Что это такое — не спрашивай, объяснить сто лет придется. Скажем так: зеркало — дверь в миры реальные и воображаемые. Но не спрашивай, какой из миров реален! Как лягут кости, так и выйдет! Ну, это к делу не относится. Нам надо всем вместе и навсег-

да перейти к вам. Мы частенько у вас бываем, но полное воплощение без зеркала невозможно. Завоевывать вас нет никакой нужды: что вы, что мы — никакой разницы! Но вы только по-настоящему впустите нас к себе, и мы превратим ваш мир в наш рай...

— Кто это вы? — с тупым упорством повторил вопрос Аршак.

Кошкодав-Ракоед неприятно дернул щекой.

— Вот потеха, он все-таки вспоминает! — рассмеялся Лысый. — В одном из вариантов было очень смешно. Он сбросил на тебя, спящего, титановую плиту и рассек пополам, аккуратно по пояс. А потом трясся от ужаса и смотрел, как из одной твоей половины растут ноги, а из другой — я! Кажется, он тогда обмочился. Хотя нет, вру!

Аршак ничего не понял.

— Тот несчастный... С бритвой... говорил правду, — перестал смеяться Лысый. — Здесь действительно никого нет, кроме него, — кивок в сторону Кошкодава. — И я — это он, и татуированная девочка — он, и отцы-основатели, и арфист на карнавале... В кого бы ты ни плюнул — попадешь в него, хотя он очень не любит, когда на него плюют. Так вот, только на карнавале мы можем резвиться как бы порознь, а так — строго по очереди. Вник, мизерабль?

— У вас, вас... — Аршак поперхнулся. — Одно тело на всех?

— Ты меня систематически разочаровываешь! — огорчился Лысый. — Пожалуй, не буду дарить тебе покрывала с четырьмя кисточками на уголках, а ведь собирался. Вульгарный саван — вот что пристало глупому мальчишке! Разве ты не видишь, сколько тут достойных тел, и все разные? Все организмы должны быть разными. Как раз наоборот, я один

на все тулова, а когда воплощаюсь — то многообразен, хотя и един.

— Я ничего не понимаю, — жалобно сказал Аршак.

— И славненько, — подхватил Лысый. — И не надо. Быстро вспомни, где зеркало обронил, и домой, к дяде и тете.

— А дядя?! — закричал Аршак, ужасаясь догадке. — Дядя — тоже он?

— В какой-то мере, — осклабился Лысый. — Но самое интересное: ты тоже — он, хотя еще об этом не подозреваешь!

Аршак внимательно посмотрел на самодовольно крутящего ус Кошкодава-Ракоеда.

— Ладно, — сказал Аршак. — Если я помогу найти зеркало и вы меня не обманете, то я вернусь... Но я же могу рассказать все у нас!

Кошкодав-Ракоед мелко хихикнул и принялся за второй ус, Лысый же скорбно развел руками.

— Однажды ты попытался учинить нечто подобное. Но взамен одного стекла ты получил другое, — с этими словами Лысый нагнулся и поднял с земли трубчатый обломок медицинского шприца. — Тебя нашли в парке. Санитары долго ругались, укладывая тебя в спецмашину, молодой жалел, а старый выказал свое неудовольствие, пожелав тебе, а также и тебе подобным, к коим причислил молодого санитаря, скорее подохнуть от передоза. Тебя с трудом откачали, но, сам понимаешь, веры словам не прибавилось. Впрочем, буду откровенным, дело тогда чуть не сладилось, но тебя опять подвела память. Как, впрочем, и в нынешнем заходе. Немотивированные поступки ведут...

— Болтаешь! — рявкнул Кошкодав.

Лысый подумал и согласился.

— На этот раз ты прав, усатенький.

Аршак с трудом поднял ноющее тело и, преодолевая боль в суставах, сделал шаг, другой... Когда обернулся, то увидел, что Кошкодав-Ракоед и Лысый бурно спорят, не обращая на него внимания. Он побрел куда глаза глядят, петляя между обломками стен, обходя провалы и догорающие ошметья. Слабо удивился тому, что от большого замка осталась сушая труха.

Отойдя метров на двести, он наступил на железяку, пригледелся и обнаружил, что это небольшой пистолет с удобной, прямо по его ладони рукояткой. Быстро сунул его за пазуху и оглянулся.

Они продолжали спорить, размахивали руками, Лысый даже подпрыгивал на месте. Подойти и разрядить обойму в их поганые хари? Толку! Опять кончится конфузом.

«Пусть себе ругаются», — равнодушно подумал Аршак.

Но они не ругались.

— Только не смотри в его сторону, ради всех воплощенных, не смотри, — тихо заклинал Лысый. — Вот он уже подходит к рельсу, подошел, сейчас споткнется... Есть! Стоит правильно, теперь проверяет, не выронил ли из-за пазухи ствол, идет к кирпичной гуде...

— Время! — зарычал Кошкодав-Ракоед. — Вперед...

— Не спеши, успеваем. Здесь он всегда проходил чисто. Спугнешь — расточу! За всех, сволочь усатая, будешь держать ответ! Ага, пошел, пошел, огибает, исчез за кучей, сейчас увидит провал...

Аршак увидел провал. Потолок коридора обвалился, и перед ним темнела длинная яма с ровными краями. Аршак прошел вдоль нее, потом вдруг замер и лег на битый кирпич. Он смотрел вниз и не верил своим глазам. Провал заканчивался квадратной дверью! Над ней громоздились обломки

бетона, скрюченная арматура, а на остром штыре тяжело раскачивалось чучело медведя с подносом в лапах.

Аршак прыгнул вниз и пнул изо всей силы дверь!

Подвал уцелел. Сверху уже не капала, а довольно сильно лила вода, шипел пар. Лампочка не горела, но было светло — пролом, сквозь который он выбрался вечность тому назад, ярко светился. Аршак осторожно подобрался к нему, глянул: склон, зелень, внизу шумит море, и чья-то грациозная фигурка медленно кружится в беззвучном танце на желтом песке...

Он отпрянул и наступил на обрезок арматуры. Поднял и вздохнул. С помощью этого ржавого инструмента не так давно он прорвался туда, где море, пляж и все остальное, что ему причиталось.

Выход должен быть здесь, в подвале.

Дождь с потолка усилился, вода стояла уже по щиколотку.

Аршак подбежал к стене и ударил. Глухо звякнув о бетон, железка вылетела из пальцев. Подув на ободранную кожу, он нашарил ее в воде, поднял и поплелся к стене напротив. Дождь превратился в ливень, вода подбиралась к поясу.

Удар! И рука уходит в стену...

Дождь лил и хлестал со всех сторон. Аршаку показалось, что он все еще в подвале и завяз в нем намертво, вода поднимается и скоро задушит его. Но вот сквозь истончающуюся пелену дождя он разглядел девятиэтажную коробку дядино дома, детский городок и нашлапку автобусной остановки.

В Москве еще ночь.

Он стоял, прижавшись к монументальной стене, что возвышалась напротив дядиных окон. Может, все это померещилось ему здесь, у стены, и ничего на самом деле не было?

Ну, потерял сознание, его никто не заметил, а дождь привел в чувство. Просто заболел, резко подскочила температура, начался бред. Надо скорее бежать домой, горячий чай спасет его!

Но он не мог сделать первый шаг. Ему было страшно. Он не знал, чего боится больше — не застать дядю дома или наоборот? Вдруг войдет он в дом и увидит, как дядя спокойно попивает чаек под монотонный тетин лай? Вот это почему-то пугало больше всего. Тогда придется всю жизнь гадать, какой дядя остался там, а какой здесь? И если вдруг некто, очень похожий на дядю и ничем не отличимый от дяди, действительно окажется дома, то он, Аршак, навсегда усомнится во всех, даже в матери. Кто знает, где она крутит педали? И где крутит педали он, Аршак?..

Дождь иссяк. Ветер мгновенно разогнал тучи, в лужах многократно высветилась луна.

Издалека послышался рев моторов. Вдоль стены промчались мотоциклы и, круто развернувшись, затормозили. Десяток крепких парней и двоюродная сестра Клара составили машины в многолучевую звезду.

— Ты почему ночью не спишь, родственник? — весело спросила Клара.

Аршак пожал плечами, сделав на лице что-то вроде улыбки.

— Без своей тусовки все в лом?

Не отвечая, Аршак побежал к мосткам. Клара присела перед мотоциклом и загремела инструментами.

Прямо в одежде Аршак бухнулся в воду, упал на колени и, по горло в белых хлопьях, стал шарить по склизкому дну.

Стекло нашлось сразу. Выскочил из воды, сбросил мокрые кроссовки и побрел к ночным мотоциклистам. Навязчи-

вая мысль о том, что надо куда-то спешить, пульсировала в голове. Осколок аэндорского зеркала он крепко зажал в кулаке.

Подошел к Кларе. Скрипачка сосредоточенно разглядывала свечу. Вкрутила на место и, хмыкнув, уселась на машину.

Аршак мучительно, до головной боли пытался вспомнить какие-то нужные слова, но перед ним снова и снова всплывало идиотски-блаженное лицо дяди — «выпусти птицу, выпусти птицу...». И он вспомнил все!

СИМВОЛ

Вспомнил место — пустырь он видел, когда помогал соседям переезжать. Он знал — это здесь, неподалеку. И птица там!

— Это кто, твой родственник? — спросил Клару высокий и невероятно плечистый парень.

— Родственник, — протянула она.

— Эти вот — тоже родственники? — и парень ткнул пальцем Аршаку за спину.

Аршак повернул голову и обмер. Словно вылезшие из стены, а взятыя больше неоткуда было, шли к ним Кошкодав-Ракоед, хищно шевеливший усами, Лысый, возбужденно потирающий руки, а за ними толпою много всяких — серых, невзрачных, но очень неприятных.

— Молодец! — просипел Кошкодав-Ракоед. — Давай сюда!

— Только спокойно, — встрял Лысый, но Кошкодав отмахнулся, его трясло от нетерпения.

— Отдай! — И больно вывернул Аршаку ухо.

Аршак вскрикнул.

— Не понял? — удивился парень и оттолкнул Кошкодава. — Здесь я командую. И обижать маленьких нехорошо! Взрослые люди, не стыдно?

— Пшел отсюда, сопляк! — взвизгнул Лысый и подскочил к парню, но в тот же миг, охнув, сложился пополам.

— Зеркало здесь! — вскричал Кошкодав-Ракоед, и те, что маячили сзади, надвинулись с угрожающим гулом.

— Ой, не могу! — весело сказал парень. — Дяденькам плохо. Дяденьки расхулиганились. Ребята, надо помочь! Первыми не бить!

В воздухе засвистели цепи, сверкнули кастеты. Аршак замер в предвкушении большого мордобития. Запустил руку за пазуху и с восторгом нащупал гладкую рукоять. Но незваные гости вдруг бросились врассыпную, и Аршак понял, что надо спешить, иначе его подстерегут в подъезде, на улице, во сне... И никакое, самое истребительное оружие мира ему не поможет.

Он вскочил на заднее сиденье Клариной машины.

— Гони!

И Клара рванула!

Они неслись по ночной Москве, а за ними растянулась цепочка мотоциклов. Время от времени в рев мотора влетались милицейские трели, уличные фонари сливались в полосы, иногда машину подбрасывало на неровностях, и они летели, летели...

Аршак показывал, куда сворачивать. Оглянувшись, и ему показалось, что от стен и витрин, памятников и киосков срываются плоские тени и, сбиваясь в стаи, несутся за ним

корявыми скачками сквозь редких прохожих и бетонные столбы...

Тогда он выхватил пистолет и принялся с упоением пасть в скопище теней. Пули чиркали о стены, цокали по проводам, рассыпаясь фонтанчиками однокопеечных монет. Аршак этого, конечно, не мог заметить и жал на курок, пока не расстрелял всю, казалось, бесконечную обойму.

Наконец они свернули к новостройкам и затормозили у большого пустыря. Аршак застыл, растерянно озираясь, — он забыл, в каком доме живут старик со старухой, которые держат в клетке птицу.

Впереди желтел тусклый огонь.

— Туда! — закричал Аршак, но Клара помотала головой.

— Разобьемся.

Аршак бросил ненужный пистолет и побежал. Он спотыкался о камни, босые ноги цеплялись за невесть откуда взявшуюся колючую проволоку. Далеко позади кто-то топал за ним. Он боялся оглянуться, зная наверняка, что увидит знакомое до отвращения усатое лицо или лысину или даже дядю, он бежал, и вскоре топот стих.

Здесь прокладывали трубопровод. Несколько рабочих сгрудились у земляной кучи, побросав лопаты. Рядом трещал и стрелял искрами костер.

— Да какая это на хрен индюшка?! — сказал кто-то из рабочих.

— Ну, и не гусь, — отозвался другой.

Аршак проскользнул между ними и увидел...

Большая черная птица с длинными, но словно грубо скрученными ногами копошилась огромным пауком в земляной куче у ямы. Увидев Аршака, она с трудом подняла длинную шею и издала тоскливый долгий скрип.

— Во измордовали птицу, — проговорил рабочий в светлой спецовке и выругался. — Черная какая! Вроде я такую белую видел...

— В таком воздухе да не почернеть! Откуда она взялась?

— Выбросил кто-то. Она из окна вымахнула, чуть не в лепешку...

— Звери, ну, чисто звери! Ну, зажарили бы хоть или сварили...

— Может, сама вылетела?

— А чего же хозяева не суетятся, сколько уже времени она здесь мается?

Черный стерх жалобно пискнул и, перевалившись с одной искалеченной ноги на другую, упал к ногам Аршака. Он взял птицу на руки. Не оглядываясь, пошел к костру. «Огонь, вот он — огонь!» — шепнул чей-то голос, и тут же другой, прямо в голове, скороговоркой: «Не делай глупости, не делай глупости, это последний кусок аэндорского зеркала, все, что осталось, больше нигде нет, ни в каких мирах...» Он чувствовал, что надо торопиться, к нему приближаются враги и отнимут, отберут зеркало.

Секунду поколебавшись, достал из кармана темное стекло и бросил в огонь.

Перед ним с тихим шипением встала радужная пелена, в ней он увидел себя, ростом с дом, рабочих, уставившихся недоуменно в эту картину, они тоже выглядели великанами в аэндорском зеркале, и блеклые, стремительно приближающиеся силуэты.

«Сам, шагни сам, — завопил в голове совершенно незнакомый голос, — пусть хоть ты станешь вседержителем, лучше ты, чем они!»

Аршак сделал шаг вперед и подбросил птицу.

Черный стерх неуклюже кувыркнулся в воздухе и пронзил радужное зеркало.

И все, кто был в этот предрассветный час на пустыре, кто не спал в домах и был у окон, увидели, как из зеркала вылетела прекрасная белая птица, взмахнула огромными в полнеба крыльями и поднялась ввысь.

Зеркало исчезло.

Восход едва светлел; но вдруг в небе загорелась яркая золотая точка — солнечные лучи встретили птицу.

— Красиво! — восхищенно произнес кто-то.

«Действительно, красиво, — подумал Аршак, — но неужели это все? Все, что должно было произойти? Обидно... Хотя, может, птица — символ свободы. Или надежды...»

— Ты сам мог стать воплощением свободы и надежды! — сказал сиплый голос, знакомый сиплый голос. — Но предпочел растратить силу зеркала во имя очередного пустого символа. И вот тебе под занавес бесплатная мораль — на сей раз тебя никто не предавал. Ты, упоенный дешевыми символами и крепко вбитыми лозунгами, предал себя сам. Борясь со злом, ты не встретил добра. Ты даже не прислушался к совету — самому воспользоваться зеркалом. Хотел бы знать, кто давал тебе такие советы! Ничего, теперь все узнаю! Ты же подумай: откуда взялась эта птичка, и не открыл ли твой красивый жест нам дверь? Так до свидания же, мой заурядный друг!

Рядом с Аршаком стоял Кош... нет, Лыс... нет, лицо ежесекундно менялось, усы мгновенно выросли и опали, лысина, блеснув, прорастала густой шевелюрой.

Он похлопал мальчика по плечу и, пробормотав, «Кто же говорил с тобой перед зеркалом?», зашагал прочь. Вот

он обогнул трубу, перепрыгнул через ров и растворился на пустыре.

И только тогда Аршак заплакал.

ЭПИЛОГ

Вот он стоит и плачет, не зная, что это я говорил с ним перед зеркалом. Но он меня не слышал и уже не услышит. И потому рассказчику больше нечего сказать.

1987 г.

**ДО ЗИМЫ ЕЩЕ
ПОЛГОДА**

Памяти Л. Курантиляна

Майские праздники я любил еще и потому, что их было много.

Вот и затеял я между торжествами капитальную уборку квартиры. Вымыл окна, протер стекла насухо. Разгреб бумажную свалку на антресолях. В прихожей выросла мусорная гора из пожелтевших газет и выцветших журналов.

Всю эту трухлявую периодику хранила мать. У нее рука не поднималась выбросить печатное слово. Мои попытки избавиться от бумажного хлама она решительно пресекала. И каждый раз долго, обстоятельно рассказывала, как во время войны из газет варила папье-маше, а из него делала портсигары, раскрашивала и продавала на черном рынке. Тем и кормились.

У меня на языке вертелись разнообразные шуточки насчет папье-маше, но, глянув в ее строгие глаза, шутки я проглатывал.

На праздники мать уехала в гости к сестре в деревню. Я же собрался с духом и решил ликвидировать старье бестрепетной рукой.

Конец шестидесятых — вот когда это было. О книгах в обмен на макулатуру еще не помышляли. Слухи о книжном буме накатывали мутными волнами, но доверия не вызывали — мало ли что там у них в столице чудят! Так что с книгами у меня была одна проблема — куда ставить?

Книжных полок катастрофически не хватало, приходилось изворачиваться, расставлять их так и этак, впахивать тома в межполочье. Во время одной из перестановок я придумал историю о книжнике, запутавшемся в своей библиотеке. Он собирал себе книги, собирал и насобирав огромную библиотеку. Решил навести в ней порядок, стал составлять каталог. И обнаружил сущую чертовщину: некоторые книги имелись в трех-четырех экземплярах, хотя он готов был поклясться, что не покупал ни одной — барахло! Другие книги, о которых он помнил и все ждал свободного времени, может, пенсии, чтобы припасть к ним и обчитаться вдосыть, пропали начисто! А ведь он в закрома свои никого ни под каким видом не пускал. Потом еще хуже — пошли книги на непонятных языках, какие-то альбомы с чудовищной мазней, папки с дневниками саратовских гимназисток. В итоге библиофил слегка повреждается в уме, обливает книги керосином и... Эту историю он рассказывает в дурдоме тихому психу. В ответ тихий берет его за кадык и душит, приговаривая, что именно его библиофил и спалил, потому что он и есть дневник саратовской гимназистки.

Вот такую историю придумал я тогда. Ребятам в кафе понравилось.

Старые газеты и журналы с ободранными обложками я вынес во двор и сложил у общественного мангала: для шашлыка бумага, естественно, не годится, но на растопку — вполне.

Некоторые из газет были времен доисторических. Я отложил в сторону несколько ветхих листов. Покажу на работе сослуживцам. А портрет усатого главнокомандующего подарю завлабу — он все еще вздыхает по временам крутым и, как уверяет, простым.

Одна из стопок развалилась прямо на лестнице. Газеты, журналы, старые, аккуратно сложенные афиши с шелестом сползли по деревянным ступенькам.

Я постоял над безобразной грудой, вздохнул и сел. Принялся складывать газету к газете, журнал к журналу... Из-под бумаг вывалился небольшой толстый пакет, завернутый в афишу и перевязанный лохматой бечевкой. Взвесив в руке пакет, я почему-то оглянулся на соседскую дверь. Деньги не деньги, но мать вполне могла сунуть в хлам облигации и забыть. Один мой знакомый, кстати, потихоньку скупает за четверть цены старые облигации. Крепкий мужик, надеется дожить до выплаты и сорвать куш.

Он действительно доживет. И несколько чемоданов, битком набитых облигациями, благополучно обменяет на денежные знаки. И никакой морали из этой истории не извлечь, потому что она не выдумана. Он будет жить долго и весело, потом умрет, оставит детям дом, машину и немало тысяч на сберкнижке. С детьми, правда, выйдет плохо, но это уже другие судьбы.

В пакете вместо облигаций оказался старый перекидной календарь, глубоко довоенного года. Пожелтевшие листки чуть не рассыпались в руках. Под большими черными датами выцветшими фиолетовыми чернилами шли аккуратные колонки мелких чисел, а рядом, в скобочках, кажется, указаны года. Мать пишет размашисто, это не ее рука.

Я хотел высыпать листки в общую кучу, но вдруг вспомнил: мне пять или шесть лет, бабушка сидит у подоконника, смотрит на большой термометр за окном и записывает что-то в календарь. Термометр исчез во время войны. Окна заклеили крест-накрест. Вскоре исчезла и бабушка, после того как на отца пришла похоронка. Мать об этом рассказывала

скупю. Я так понял, что бабушка с горя немного повредила себе в уме, стала говорить лишнее и пропала. Не то ушла искать могилу сына, не то по иной причине сгинула.

Вот и все, что от нее осталось: колонки чисел — ежедневная температура за несколько лет.

Мать, по-моему, с ней не очень ладила. Немногий оставшийся после нее скарб она раздарила родственникам. Был у бабушки крепкий сундук, окованный черным металлом с множеством гвоздей-заклепок. Когда его выносили, я с ревом вцепился в него, как клещ. Еще бы, это был не просто сундук, а танк — самолет — корабль в зависимости от того, куда пристроить кочергу и обрезок водопроводной трубы. Потом сундук часто фигурировал в страшных историях, которые я рассказывал на чердаке ребятам с нашего двора.

Кажется, в сундуке были книги, но они в те годы меня не интересовали. Единственно стоящая книга для меня тогда была «Айболит» — одно из первых изданий, где Бармалей изображен негром.

Подержав в руке календарь, я подумал немного и не стал его выбрасывать. Если матушка расшумится из-за бумаг, покажу ей календарь и про сундук напомню. И как грубо она меня от него отдирает... Вот ведь чепуха какая — до сих пор не могу забыть детскую обиду. Смешно.

И тут я придумал историю о мальчишке, у которого в детстве отобрали единственную забаву — сундук. Мальчик рос и вырос, но сундук для него оставался символом убежища. Он становится большим человеком, чуть ли не министром, у него семья, дети и ко всему еще маленькая тайна. В одной из комнат его огромной квартиры спрятан сундук. Когда ему плохо и он не уверен в себе, он приходит сюда, запирается, взлезает в сундук и долго лежит в нем тихо, как мышка, бла-

женно улыбаясь. А еще лучше так — некий злодей, достигший большого чина, время от времени женится на молодых девушках, а они таинственно исчезают. Этакий Синяя Борода местного значения! Вот он уезжает в командировку, а тут очередная жена преступает запрет, входит в тайную комнату, а там сундук, набитый... Естественно, она заявляет куда следует, и тут такое начинается!..

Закончив переноску бумаг, я удовлетворенно вздохнул, расправил плечи и победно оглядел двор.

Наш старый трехэтажный дом стоит в самом центре города, зажатый гаражами и окруженный немногими оставшимися развалахами, в которых и жить уже невозможно. А ведь живут, терпят и ждут, когда им дадут квартиры, но городские власти жмутся, потому что на каждом метре прописано по пять душ и на каждый кособокий домишко, подпертый бревном, надо строить многоэтажное строение.

Двор узкий. Чтоб разворачивать свою машину, отец Аршака соорудил из деревянных брусьев небольшой поворотный круг. Радости детворе было выше ушей: встанешь на круг, оттолкнешься ногой — скрип, треск, удовольствие. Машина въезжала на круг, затем набегала мелюзга, дружно разворачивала ее в сторону гаража. Иначе невозможно было в него попасть.

Сейчас круг не вращается, все забито землей, песком, мусором. После того как отец Аршака вернулся домой, машину продал и за руль никогда не садился. Круг просится в истории, но почему-то о нем выдумывать ничего не хочется.

Сто лет простоял наш каменный, черного туфа дом и еще сто лет простоит, если не угодит под тяжелую руку генплана. Потолки у нас под четыре метра, хоть второй этаж в каждой комнате надстраивай. В коридоре можно бегать на-

перегонки. Но горячую воду только в прошлом году провели, а канализация раз в месяц, как по расписанию, засоряется и фонтанирует на первом этаже. У нас, слава богу, второй.

Если идти мимо гаражей через подворотни, через минуту можно выйти к музыкальному магазину, что напротив большой интуристовской гостиницы. Иногда шальные туристы забредают в наш лабиринт переулков и грязненьких дворишков, восхищенно ахают на деревянные веранды с резными перилами, на переплетения крыш и балконов, на живописно развешанное многоцветное белье, по колориту не уступающее неаполитанскому городскому пейзажу. Экзотика.

Над нами живут Парсадановы, они давно мечтают выбраться из экзотики в дом со всеми удобствами, желательный новый. Барсегианы, что напротив, тоже перманентно ворчат: полы прогнили, трубы ржавые и поют, самим ремонтировать — денег не напасешься, а домоуправление не чешется.

А мне нравится. Во-первых, центр. До всего близко. Во-вторых, три комнаты на двоих. К нам долго подкатывались, пугали подселением, предлагали фантастически выгодные обмены, но когда мать задумывалась над вариантами, упирался я. И наоборот.

Пыль и бумажная труха легли в прихожей на мокрые половицы грязными полосами. Пришлось заново протирать.

В горле запершило. Между тем в холодильнике со вчерашнего дня своего часа дождалось чешское пиво, добытое у знакомой продавщицы.

Час настал! Пробка слабо пшикнула, я слегка встряхнул мгновенно запотевшую бутылку — из горлышка выполз белый плотный столбик пены.

Я прихлебывал из стакана и осторожно перелистывал странички старого календаря. Погода меня не интересовала, я

знакомился с днями рождений и юбилеями лиц, фамилии которых мне почти ничего не говорили. Наконец добрался до майских записей. Мое внимание привлекла запись под сегодняшним числом. Рядом с «плюс восемнадцать» мелким аккуратным почерком было выведено «выпадет снег». Восклицательный знак и жирная черта, обводящая запись.

Допив пиво, я быстро пролистал весь календарь, но ничего похожего не обнаружил. Что-то напутала бабуля, решил я. Снег в мае, ну почему бы и нет, хотя в наших краях такого не припомню. Но она написала «выпадет», а не «выпал»! Странно. Возможно, описка. Когда же это было? Раз... два... еще шесть записей, вычтем из общего числа, прибавим к дате на календаре. Вроде бы в год моего рождения. Минуту или две размышлял над этим фактом, потом полез в холодильник за второй бутылкой.

И придумал я историю про майский снегопад. Вот живет себе герой и никого не трогает. Смотрит раз в окно, а там снег идет, дети на санках катаются, снежную бабу лепят. Кто-то елку по снегу волочит. Герой не верит своим глазам, на календаре май, а тут такие погоды! Он бегом во двор — ничего подобного: теплынь, пыльный ветер кругами по городу ходит, все одеты почти в летнее. Он обратно к себе — за окном снег, хоть ты тресни! Разумеется, он идет на экспериментум круцис — распахивает окно! А там и в самом деле снег, зима... Герой с опаской захлопывает окно, долго и нудно размышляет, и в голову ему лезет всякая ерунда — сдвиги во времени, параллельные миры и прочая фантастическая дребедень. Наконец он не выдерживает и, высадив окно, сгибает вниз. Ну, первый, правда, высокий этаж, ничего страшного. Вот он стоит на снегу, а это вроде и не снег вовсе, вата

какая-то под ногами упругая. И улица дурная. Прохожие в шубах, дети на санках и даже большая черная легковая автомашина — все ненастоящее. Картон раскрашенный. В руках у карапуза воздушный шарик тоже из бумаги. Дотрагиваюсь до него — шарик вдруг взмывает в небеса, унося с собой картонную руку малыша...

Вздрагиваю и просыпаюсь. С третьей бутылки я задремал.

В этот день пива я больше не пил.

А на следующий день, как и все обитатели дома, тупо удивлялся снегу, выпавшему в последний месяц весны.

— В високосный год и от погоды можно всего ожидать, но снег в мае — это, знаете ли, слишком!

Голос сверху принадлежал Елене Тиграновне, жене доцента Парсаданова.

— Э, всякое бывает, — меланхолично отозвался доцент. Вниз полетел окурочек.

С Парсадановыми у меня сложные отношения. Елена Тиграновна, женщина с тонкой нервной системой, меня терпела, поскольку мать помогала ей кроить. Но моего подопечного Аршака она не переваривала совершенно. Стоило ему включить магнитофон, как она принималась стучать себе в пол, то бишь к Барсегианам в потолок. Аршак выкручивал звук на своей «Комете» до предела. Тогда в качестве ответного удара она сбрасывала весь имеющийся тоннаж — своего мужа. Доцент возникал в шлепанцах, но при галстукке. Подмигивал Аршаку, затем, выключив музыку, они заходили ко мне, а у меня всегда в запасе было пиво. Через час-полтора доцент возвращался к себе, а жена его пребывала в уверенности, что он ведет воспитательные беседы.

Снег лежал ровно, плотным слоем покрыв двор. Но воздух не был холодным. Завтра все это неуместно белое великолепие растает и грязью потечет по двору.

Только я успел сварить кофе, как пришел Аршак. Сварил и ему. В банке оставалось на самом доньшке. Я показал ему банку, он кивнул, вылизал гушу и вышел. «И сахару заодно купи!» — крикнул я вслед.

Надо бы с ним поговорить, все сказать. Сегодня, обязательно сегодня. Или в крайнем случае завтра.

Его шаги были слышны с лестничной клетки, потом хлопнула подъездная дверь. Донесся слабый присвист, но уже из окна. Чему он удивился, снегу?

Аршака трудно чем-либо удивить. Помню его маленьким. Серьезный и невозмутимый ребенок. Мало спрашивал, много слушал. Единственный ребенок Барсегианов. Баловали его чуть-чуть, в меру. Его отец был таксистом. Случайно сбил женщину, испугался и, вместо того чтобы помочь, попытался скрыться. Ну и получил восемь лет.

Мать Аршака все эти годы тянула семью и вытянула. К возвращению отца Аршак уже заканчивал школу. Мать его по вечерам подрабатывала шитьем. Дома Аршаку было скучно, он частенько забегал к нам. В шестом классе я немного занимался с ним немецким. После этого он стал пастись у моих книжных полок. Цапнет наугад, сядет прямо на ковер и читает. Вижу: мало что понимает, но ничего не спрашивает. Вопросы он начал задавать в восьмом классе, странные вопросы, скорее полуутверждения.

«А что, — спросил он как-то, — Блок — дурак?» Я возмутился и обиделся за Сан Саныча, но Аршак невозмутимо ткнул в страницу пальцем: «Вот тут он пишет, что Пушкин — веселое имя...» «Ну и что!» — вспылил я и обрушил на него словеса.

Тогда-то я и стал к нему присматриваться. Присмотрелся и обнаружил, что соседский «несчастный ребенок», как любила приговаривать моя мать, накладывая ему в тарелку чудовищные порции баранины с овощами, исчез, а на его месте возник юноша отнюдь не бледный, но со взором вполне горящим. И в огне своих сомнений он готов был сжечь полмира, а если понадобится, то и весь. Сей отрок, вместо того чтобы преклониться перед моей премудростью и содрогнуться мощи подпирающих меня книжных полок, дерзит вякать и вякает толково.

И я... принял его всерьез. Разница в годах была солидной, почти пятнадцать лет. Некоторое снисхождение к нему мешало возникновению дружбы. Было покровительство, было соответственно уважение, но была ли дружба? Не знаю, не помню...

Впрочем, может ли быть дружба между учителем и учеником?

Вопросами о природе дружбы я не задавался. Общаться с ним было весело и полезно. На веру он ничего не принимал, сомневался во всем и во всех, и если мне удавалось его в чем-либо убедить, то уже не сомневался, что на этот предмет переспорю любого. А спорить мы, завсегдатаи, или, как иной раз себя называли, завсегдатели, места, именуемого «копеечкой», любили до зубовного скрежета.

Когда-нибудь у «копеечки» вызреет свой летописец и обессмертит человеко-годы, проговоренные здесь в блестящем фейерверке эскапад и филиппик, проповедей и аполгий...

Кофе, кофе и еще раз кофе, а к нему стакан холодной воды — прекрасные вкусовые ощущения, но — бедные зубы! — и разговоры до утра.

Ах, сколько судеб было проговорено там, сколько приговоров вершилось в зеленом шатре, увитом пресмыкающейся растительностью! Снобы звали место нашего обретения рондой, а циники — кратким синонимом к слову «задница». Именовали оправданно, к «копеечке» примыкало такое же симметричное полукружие ресторанной площадки, куда нам было не по средствам, а когда по средствам, то скучно.

Говорили, говорили! Да что мы — языки тогда развязались не только у нашего поколения, но именно наше со вкусом заболтало все свои лучшие годы.

Мы сладко и славно спорили об экзистенциализме, вычисляли пророков («Кafka пророк, и Джойс пророк, а Пруст, пожалуй, гений, но не пророк»), открывали для себя сюрреализм («О, Дали!»), присматривались к Вознесенскому, а в это время кто-то трезво оценил, что почем, и, стиснув зубы, лез вперед и вверх, вписывался в структуру, заводил связи. Мы спохватились позже, но все кормушки были уже забиты рылами. Ну и ладно.

Это уже тема не для моих историй, а для истории. Пусть летописец пишет!

Аршак вернулся с сахаром и кофе.

— Пошли во двор, — сказал он, непонятно улыбаясь.

— С какой стати? — удивился я, доставая кофемолку.

Что означала его улыбка? Может, она уже говорила с ним?

— Пошли, пошли, — улыбаясь, он взял меня за рукав.

«Вот выйдем во двор, а там стоит она, и он уже с ней обо всем говорил, а мне не надо ничего объяснять», — подумал я и поразился спокойствию этой мысли.

У двери долго примеривался, что взять — куртку или плащ.

— Там тепло, — прервал мои раздумья Аршак.

Мы вышли из подъезда. Аршак прошел вперед, а я за ним по мягко пружинящему снегу, недоумевая, куда это он меня ведет. Одно ясно, во дворе ее не было. Да и с чего я взял, что она должна быть здесь?

Сделав несколько шагов, он остановился, повернулся ко мне и с жадным интересом уставился под ноги.

— Ага, то же самое!

Я оглянулся. Никого. Посмотрел себе под ноги, затем на следы... Следов не было!

То есть что-то было, но не следы. Вот я вышел из подъезда и пошел. Должны были отпечататься рубчатые подошвы польских микропорок, однако вместо них виднелись крестообразные оттиски. Я поднял ногу — действительно хилый ромб, похожий на крест. Осмотрел подошву — обыкновенная микропорка.

Аршак в это время сосредоточенно взирал на свои отпечатки. На снегу четко виднелась русская буква «А». Он тронул ее пальцем и шепотом сказал:

— По-моему, это не снег!

Оглядев двор, нелепо белый в это майское утро, я заметил, что снег нетронут и свеж. Обыкновенный снег — я помял его в ладони — холодный и хрустящий, только почему-то не тает. Можно, впрочем, слепить снежок, что я и сделал, запустив его потом в стену котельной. Снежок прилип.

Во двор вышла Елена Тиграновна и, небрежно мне кивнув, прошла мимо, проигнорировав Аршака. Мы уставились в ее следы. Непонятно.

Вглядевшись, я ахнул: она оставляла после себя нотную запись!

Аршак присел и протяжно свистнул. Парсаданова возмущенно дернула плечом и обернулась. Заметила, как мы на-

весли над чем-то, почуяла неладное и, проверив, не распахнулась ли сумочка, подошла к нам.

У Аршака быстрая реакция и три класса музыкального образования. Пока я и Елена Тиграновна смотрели друг на друга и на следы, он быстро срисовал их в записную книжку. Отпечатки не повторялись!

Елена Тиграновна вдруг встрепелась, покраснела и со сдвленным «Ах вы, подлецы!» принялась затапывать следы. Но на месте старых она оставляла новые. Тогда принялась орудовать сумкой.

Запыхавшись, она перебралась на каменный, чистый от снега бордюр. Протянула руку и грозно сказала:

— Отдай!

Аршак молча вырвал листки из блокнота. Она выхватила и, скомкав, сунула в карман. Внезапно всхлипнула и жалобно сказала:

— В детстве я мечтала играть на скрипке...

Аршак с большим сомнением оглядел ее дородную фигуру. Елена Тиграновна достала платок и вытерла глаза.

Потом, много дней спустя, как-то ночью то ли мне приснится, то ли от бессонницы придет история о звуках скрипки, которые донесутся сверху, от Парсадановых. Игра очень неумелая, но вдруг взрывается каскадом жутких звуков, скрипка словно разговаривает, рычит и стонет, слышны обрывки странной, пугающей мелодии.

Днем я осторожно спросил у доцента, кто у них играл, но доцент сердито огрызнулся — никто, мол, не играл и играть не мог! А еще через несколько дней я узнал, что Елена Тиграновна тихо ушла от доцента к какому-то молодому композитору и уехала после развода и нового брака в Бейрут. Обитатели двора были поражены — бывшая мадам Парсада-

нова была лет на восемь старше доцента и, как судачили, очень боялась, что он уйдет к молодой. А тут — на тебе!

Но это будет потом, когда все или почти все жильцы забудут о снеге, а пока мы стоим во дворе и ждем, что будет дальше.

А дальше было вот что: из подъезда вышел завскладом Амаяк, которого звали просто Амо, и прошелся по снегу монетами достоинством в один рубль.

Елена Тиграновна истерично расхохоталась. Амаяк обнаружил, что ходит денежными знаками, имеющими хождение, и рассвирепел. Подскочил к нам и, цедя сквозь зубы неопределенные угрозы, стал допытываться, чьи эти шутки и с кем бы он мог по-мужски поговорить.

Пока Амо развивал тему мужского разговора, из подъезда вышел самый скверный и склочный обыватель дома — отставной бухгалтер Могилян.

Весельчаки поговаривали, что из его анонимок можно составить библиотеку. Люди же тертые высказывались сдержаннее, намекая, что до войны этот мелкий сукин сын был наделен властью и, властью пользуясь, крови нацедил немало. Советовали не связываться, чтоб вони было поменьше.

Уйдя на пенсию, он удвоил активность. Писал на всех. В ряде моих историй он фигурировал как объект воздействия со стороны дисковой пилы, электропаяльника, бормашины и прочих забавных предметов.

Аршак хихикнул. Амо замолчал на полуслове, радостно хрюкнул и ткнул меня кулаком в бок.

Могилян оставлял прекрасные четкие следы собачьих лап.

— Бог шельму метит! — провозгласил Амо. — Какая, интересно знать, сука на меня в прошлом году кляuzu накатала, будто я товар налево пускаю?

Амо пускал налево товар, но жильцы дома вслух об этом при нем не говорили.

— Что же это делается?! — вскрикнул кто-то рядом.

Я обернулся. Ануш, вздорная старуха с первого этажа, в страхе смотрела под ноги Могилияну.

«Все, — подумал я со злорадством, — Могилияну конец! Завтра весь город на него пальцем будет показывать, Ануш постарается».

Могилиян долго смотрел себе под ноги, потом обвел нас расстрельным взглядом и метнулся в подъезд. Тут же возник снова с ведром воды. Но это ему не помогло, от воды снег вспухал, а следы становились четче. Свинцовыми мутными глазами Могилиян истребил нас вторично, обещающе сказал «ладно» и сгинул.

Завтра его дочь, несчастное затрушенное создание, расскажет, как он звонил во все инстанции по восходящей, а потом, не дождавшись немедленной кары злоумышленников, предпринял личный обход отделений милиции и других мест, на каком-то этапе своего похода озверел, стал набрасываться и был свезен в больницу.

Ну а пока Ануш мелко крестилась и вопила на весь двор неприятным фальцетом:

— Говорила я, что он собака, псом и оказался!

Быть теперь Могилияну «Собакой» с большой буквы. Жаль, что не я сочинил эту историю, такой роскошный финал!

Старуха засеменила к нам, потом замерла, нагнулась к своим следам. Я и Аршак подскочили к ней, за нами неторопливо последовал Амо.

Однако! Старуха вообще не оставляла следов!

Несколько раз она как заведенная поднимала ногу и с силой вдавливала в снег. Втуне! Следов не было.

Ануш в прострации уселась на свою кошелку и что-то забормотала, время от времени меланхолично сплевывая на снег.

Косяком пошли жильцы. Шум, крики, разговоры...

Меня и Аршака оттеснили к подъезду. Аршак покусывал губу и прислушивался к разговорам, иногда посматривая на меня. Знакомый взгляд...

Так он всегда смотрел, когда запутывался в споре или строил очередное головоломное доказательство недоказуемого, ждал подсказки, опровержения, довода «за» или «против» — точки опоры или отпора, одним словом. Дождавшись, немедленно вспыхивал снова и извергал словеса, а в глазах облегчение — мысль сдвинулась с мертвой точки.

Впрочем, я уже давно был осторожен в словах, а тем более в советах. Когда он заканчивал десятый класс, его прочили на физмат. Математические способности и все такое... Однако я во время очередного чаепития элегантно разделал все естественные науки, доказав на пальцах, что физика, химия и иже с ними — суть лженауки, а математика — воистину порождение дьявола, ибо от него, лукавого, число, тогда как от Бога — слово. Ну и отсюда как дважды два вывелось, что единственно достойное внимания — филология, только филология и ничего, кроме филологии. Историков, юристов и прочих лжегуманитариев просили не беспокоиться.

Он слушал, огрызался, прошелся и по богу, и по дьяволу, причем первому досталось больше, обвинил меня в мистицизме, а через неделю к нам зашла его мать, чрезвычайно расстроенная, и сказала, что Аршак подал документы на филфак и не мог бы я немного его подтянуть по истории и языку.

Вот тут-то я и прикусил язык. Впервые в жизни слово мое имело последствие и продолжение в чужой судьбе так зримо и неопровержимо.

Я был смущен и растерян. Начнись разговор о дисциплинах гуманитарных, и их бы растер в два счета в прах — мало ли на какую тему можно со смаком трепаться! А тут вот как повернулось. С тех пор я был с ним осторожен в словах, но чем меньше я говорил, тем внимательнее он выслушивал меня.

Он поступил легко и с блеском. Учился хорошо, но небрежно, как, впрочем, и я в свое время. Ему очень, очень помогали мои книги, да и беседы пошли впрок. На третьем курсе пришел советоваться — разрывался между поэзией двадцатых годов и математической лингвистикой, сильно тогда идущей в гору.

Я его разочаровал. Соглашался со всеми доводами, кивал, мычал, неопределенно покачивал головой, но ничего конкретного героически не сказал. А когда он упрекнул меня, то я заявил, что лучше сожалеть о несодеянном, чем ужасаться плодам трудов своих. Фраза ему понравилась, он спросил: откуда? Я не помнил точно и махнул рукой в сторону книжных полок.

Аршак помотался-покрутился и написал курсовую работу по структурной поэтике.

Прошлой зимой... Да, в январе это было, перед его экзаменами. Он пришел не один. «Вот, кое-какие книжки надо посмотреть». И Аршак вдруг стал непривычно суетен, наткнулся на стулья, и сразу же стало ясно, что он пришел не смотреть, а показывать.

Она поздоровалась, уважительно поцокала языком на полки и с ходу попросила книгу, кажется, это был Леопарди. Я поднял бровь и вопросительно глянул на Аршака. У него странно блеснули глаза, и он сказал, что книги отсюда не выносятся. Потом отпустил одну или две шутки в мой адрес по этому поводу.

Я удивился — книги я давал читать многим и часто бывал за это наказан, а взгляд мой означал лишь вопрос: не зачитает ли она книгу?

Они сидели у меня часа полтора, пили чай, кофе, читали. Аршак рассеянно листал страницы, время от времени смотрел на нее, тогда она, не поднимая головы, поправляла волосы.

Вечером Аршак забежал ко мне, долго извинялся за неожиданный визит, а потом попросил книг ей домой не давать, ну и ему для справедливости тоже. И объяснил, будто я не понял, в чем дело, что так удобнее — можно чаще встречаться. И если возможно, то здесь, а не у него. Он краснел, расшаркивался, извивался в словесах, что ему было совсем не к лицу. «Во скрутило парня!» — подумал я тогда.

И тут же придумал историю о студенте, который влюбился в дочь декана. Чтобы совесть его была чиста, он решил скovyрнуть будущего тестя с поста. А то, мол, подумают, что женится по расчету. Ну и накатал на него обстоятельную анонимку. Поскольку дело происходило в крутые предвоенные времена, то в день свадьбы замели не только тестя, но и всю семейку врага народа, и щепетильный студент заканчивал свое образование на Колыме.

Сессию они сдали хорошо, но продолжали ходить ко мне. Зима и весна расплзлись слякотью, а кому охота гулять в грязи и сырости? А у меня уют и благолепие — всегда хороший чай, вареньем чулан заставлен доверху, мать часто пекла, и если я был в духе, то выдавал историю за историей.

Я полулежал на диване, а они сидели на ковре, спина к спине. Говорили, спорили, время от времени я просил достать Аршака ту или иную книгу, дабы уместной цитатой утвердить свою правоту. Впрочем, он и сам наловчился выдергивать из текстов потребные изречения.

В ее присутствии Аршак понемногу расходился, начинал болтать безудержно, позволял в мой адрес выпады и выкрики. И однажды, когда он прошелся по моей холостяцкой натуре, заявил, что я уже стар для любви и после двадцати лет говорить о чувствах глупо.

Она подняла на меня глаза...

Только на миг, но пыхнул в них странный блеск, а потом возникло мгновенное движение губ, полуулыбка мелькнула и исчезла.

Невысокая, стройная, волосы длинные, до пояса — я вдруг обнаружил, что с интересом ее рассматриваю. До сих пор всерьез ее не воспринимал. После этого понимающего взгляда всмотрелся и увидел, что Аршак может остаться на бобах. Не девочка, не студенточка беспечная, нет, и не обволакивающий уют Евы плещется в ней, а испепеляющий жар Лилит бьется в этом теле, и на какой-то миг он вспыхнул и отразился в глазах.

Книги книгами, но червем книжным я никогда не был и насмотрелся всякого. Времена хоть и были сдержанные, но отнюдь не аскетичные. И хоть я в свое время комплексовал из-за малого роста, впоследствии комплексы в себе истребил. Весьма успешно.

Сказать, что я был тонким знатоком женщин и кропотливым исследователем их натуры, нельзя. Склад женского ума для меня вечная загадка, но в одном я научился разбираться — какого рода загадка передо мной. Классификация загадок, скажем так.

Тем не менее я долго держался и не встречал в их дела. Даже наоборот, несколько отстранился, ссылаясь на занятость. Тем более что из меня снова поперли истории, и я припал к пишущей машинке. Полоса увлечения античнос-

тью и экзистенциализмом закончилась, начались времена библейские. Стихи, поэмки, рассказы, скорее анекдоты — все было прокручено в «копеечке».

Пришла охота раскурочивать мифы, и я со вкусом взялся за их демонтаж. Библейские сюжеты удивительно склоняют к пошлости. Может, это реакция самозащиты от древней поэзии, которая поглотит слабый ум, утопит его в феерических образах, только дай слабинку...

Мы и не дали. Пошлости хватило. Мало того, струи здоровой пошлости просто фонтанировали в опусах «копеечных» литераторов. После Ветхого настал черед Завета Нового. Впрочем, здесь трудно было изловчиться, вывернуться. Христа и Иуду до меня уже обработали во всех видах. Один из поэтов «копеечки», кажется, Саак, настрогал громоздкую поэму, в которой Иуда оказывался в итоге женщиной и сдавал Христа властям сугубо на почве ревности к Иоанну. Я тоже навдумал историй. У меня Иуда, кажется, был чист, как лилия, а предавал себя сам Христос, дабы навредить Иуде, к которому оказалась благосклонна Магдалина. Резвился я очень. Саак заявил, что сюжет не нов, хотя учитель, предающий своего ученика, — это что-то свеженькое. Никто тогда не задумывался, чем эти шуточки потом воздадутся.

Аршаку мои истории нравились безоговорочно, хотя при ней он позволял себе критиковать стиль, пародировал даже.

Моя мать косилась на них, потом обнаружила, что нет вольности речей и рук, успокоилась. Однажды она даже спросила меня, когда они поженятся, не надо ли поговорить с матерью Аршака, кто ее родители и так далее...

Иногда Аршак приходил один и засиживался допоздна. По ночам его прорывало. Он рассуждал обо всем: о ней, о себе, о книгах и картинах, о музыке и философии. В эти

полночные бдения мне казалось, что я слушаю самого себя. Порой всплывали отголоски моих суждений многолетней давности, аранжированные и переиначенные, но не забытые. Он спорил с моими старыми тезисами, небрежно брошенные когда-то слова долго, оказывается, бродили в нем. Он шел моим путем, только быстрее, у меня в его годы не было поводыря.

Порой он застревал у меня до утра. Вставал раньше всех, варил кофе или кипятил молоко. Накрывал для нас стол: белая скатерть, белый хлеб, молоко, масло... Этюд в белых тонах.

Белый как снег. Так вот, снег!

Следы на снегу множились. Когда все устали кричать, пенсионер Айказуни (кресты и полосы) предложил позвонить в органы, на что Амо нервно спросил: «А зачем?»

Жена Амаяка заявила, что это шпионаж. Все напряглись, но после легкого перекрестного допроса выяснили, что она оговорилась, имея в виду всего лишь диверсию. И винила в том химика, специалиста по пластмассам, который снимал у Айказуни комнату, а после анонимных акций Могиляна съехал, обиженный на весь дом. Айказуни поднатужился, но склероз был сильнее: он не помнил не только, куда делся химик, но и забыл даже, как его зовут.

— Он, точно он! — кричала в ажиотаже жена Амо. — Посыпал химическим порошком...

На шум и крики вышел доцент Парсаданов. Он реагировал спокойно. Пригласил свою пышную шевелюру (после ухода жены он за неделю поседет) и бодро заявил, что тут замешана рука космических пришельцев. Если не с Марса, то наверняка с Юпитера или, на худой конец, из соседней галактики. Изучают нас.

Секунду или две все испуганно молчали, потом грянул сумасшедший хохот. Доцент смеялся громче всех. Однако со ступенек вниз не сошел, а на предложение пройтись по снегу покачал пальцем и заявил, что все это антинаучная ерунда и он ей потрафлять не намерен.

Елена Тиграновна фыркнула и ушла со двора. Через минуту она вернулась, сообщив, что снег лежит только у нас. Ни на улице, ни в соседнем дворе нет. Чисто и пусто.

Ошарашенное молчание. Тут Айказуни начал так и этак истолковывать следы, страсти накалились, Амо медленно и со значением принялся закатывать рукава.

Во двор вышел управдом Симонян и, тяжело ступая, прошелся по снегу. Следов необычных он не оставил, только нормальные отпечатки подошв. Кто-то за моей спиной вздохнул. У Симоняна были протезы, в самом начале войны он подорвался на mine.

Симонян молча выслушал всех, кряхтя, присел на скамейку. Нагнулся, сжал в кулаке горсть снега.

— Вот ведь чудеса, — оживленно говорил Айказуни прямо ему в ухо. — Каждый следы по-своему оставляет, прямо хоть рисовывай и на стенку вешай.

— Чудеса, говоришь? — переспросил Симонян, достал зажигалку, оторвал от газеты, что торчала из кармана, кусок и, дождавшись, пока разгорится, осторожно положил в огонь снежный комок.

Снег не растаял, а с тихим шипением быстро испарился, исчез.

— Вот так! — наставительно сказал Симонян, оглядел всех и остановил взгляд на Амаяке.

— Понял! — вскричал Амо и бросился в подъезд.

Он возник на своем балконе и сбросил вниз сухие поленья, заготовленные для шашлыка. Тут же подтащили бумагу, вынесенную мною вчера.

— Зачем это? — растерянно спросил Аршак.

— Затем! — сухо отрезал Симонян.

— Надо же разобраться...

— Пока разберемся, все перегрызутся. Неси коробку, наберем для ученых, — и добавил вполголоса непонятное: — Раз снег на головы наши пошел, значит, пустые времена настают.

Аршак ушел, а между тем жильцы растопили мангал и принялись дружно сбрасывать снег в огонь. Пламя не гасло и не разгоралось, словно снега и не было.

Рядом со мной стояла Елена Тиграновна и смотрела на огонь.

— Жалко, — негромко сказал я, она же равнодушно пожала плечами.

Признаться, на самом деле мне не было жалко. И не страшно, и даже не обидно. Только безразлично. Какое же это чудо, если никто ничего не понимает, ничего ужасного или прекрасного не происходит и одни раздоры. Чудо должно пугать или радовать, но при этом оно сразу же должно заявить о себе: вот оно я — чудо! А здесь... ни с какого боку! Происходит что-то странное, и все. Как в одной из историй, когда закручено хорошо, а раскручивать некуда, все свилось в узел. По спине прошел неприятный холодок.

Вернулся Аршак с коробкой из-под обуви, набил снегом. Коробку Симонян отобрал, сказав, что сам отвезет куда надо.

Снег быстро собрали и истребили. Аршак куда-то пропал. Я заметил, что он некоторое время прохаживался вдоль стены котельной там, где прилип мой снежок.

* * *

Жизнь дома вошла в привычную колею. С небольшими отклонениями. Амаяк растерял свою нагловатость, стал тих и задумчив. Наверно, крупно проворовался, решили соседи, и ждет отсидки. Ануш сделалась необычайно скупа на слова, и это было подлинным чудом. Могилян сгинул. Елена Тиграновна... о ней я уже говорил.

Симонян рассказал, что отвез коробку в какой-то институт, его там внимательно выслушали и обещали разобраться. С концами.

Аршак иногда пытается начать разговор о снеге, но я не поддерживаю. Он обижается, но совершенно напрасно. Единственная причина, из-за которой он мог на меня обидеться, ему пока неизвестна. Мне надо с ним поговорить, но я никак не решусь, вернее, не соберусь. Она считает, что чем раньше, тем лучше, но на этот счет у меня свои соображения.

Он не может понять, почему у них расстроились отношения. Ни разу не видел нас вместе и ничего не подозревает.

Тот взгляд... Именно тогда я понял, что она ему не достанется и что, возможно, я еще не так стар в мои немного за тридцать лет.

Остальное было просто. Одно-два нечаянных слова, два-три ироничных взгляда после слов Аршака... Как только мы стали переглядываться — все, дело сделано! Она предала его взглядом, и у нас появились свои маленькие тайны и свое отношение друг к другу. К тому же преимущество моего возраста в простоте взглядов на предметы для него пока еще загадочные.

Я не усложнял того, что не следовало усложнять, и она была мне благодарна за это. Аршак проиграл, не зная, что идет игра.

Обыграть его не составило труда, вступи даже он в открытый рыцарский поединок за нее по всем правилам нашего не

шибко рыцарского времени. Но и это была бы абсолютно безнадежная битва: его сила и слабость — отражение моих качеств, он был мною в иные времена и другие настроения.

Однажды меня посетила мысль и засела в голове надолго: «А ведь не только она, но и я предал его!» Хоть я и не понимал, в чем заключалось предательство, с этого дня я перестал с кем-либо делиться сомнениями, ну а она любила во мне уверенного, спокойного и несколько холодного мудреца, чуждого метаниям и треволнениям.

И с каждым днем я все больше и больше становился таким. Она настаивает, чтобы я наконец поговорил с ее родителями. Я все откладываю и оттягиваю. Сначала, мол, надо поговорить с Аршаком. Может, я вызывал ее на ссору, вспышку, скандал? Не знаю. Что-то во мне перегорело. Однажды я увидел сон, в котором умирал в большой пустынной квартире и никто не слышал моего стога, а книги молча и пусто смотрели на меня слепыми корешками...

Сон сном, но оставили бы меня в покое с моими книгами! Впрочем, по счетам надо платить. Правда, если счет велик, он превращается уже в проблему не для должника, а кредитора.

Недавно я зашел к Аршаку. Возможно, я начал бы разговор. Не ребенок, поймет. Мне сказали, что он в подвале. Я спустился вниз и застал его за странным занятием. Он сыпал кубики льда из формочек морозильника в большой старый карас, где мать его обычно держала квашеную капусту.

В карасе тихо потрескивал, вспухал и рос снег. Рядом стояла пустая бочка. Судя по всему, он собирался заполнить и ее.

Увидев меня, он смутился, начал хохмить, а потом рассказал, что задумал. И мне стало не по себе.

Он ждал зимы. На соседней улице есть маленький одноэтажный дом. Обыкновенный дом, небольшой, таких много сохранилось по ереванским окраинам, да и в центре немало еще наберется. Несколько деревьев, кусты, от двери до калитки метров десять, узенькая тропинка... Думаю, она ему снится иногда.

Мне снится. Я хорошо помню эту тропинку.

Хочу тут же рассказать ему все, а потом облить бензином снег и поджечь. Но станет ли ему легче, если он узнает? Как нанести ему последний удар? В чем он виноват, неужели только в том, что назвал однажды меня при ней стариком и пробудил демона соперничества?

Молча треплю его по плечу и поднимаюсь вверх, домой. Я растерян и смущен. Не замечаю даже странного выражения лица матери, открывшей мне дверь. Долго стою в прихожей, разглядывая себя в зеркале. Я кажусь себе постаревшим, обрюзгшим. Похож на фотографию отца — довоенное фото, тогда ему было около сорока. «Лучше бы я погиб на войне», — бормочу бессмысленные слова и иду в комнату.

В большой комнате у окна в моем кресле сидит старая, очень старая женщина в темном платье, с толстым посохом в руке. Она смотрит на меня, в складках морщинистого лица ярко блестят поразительно знакомые глаза.

— Вот, бабушка вернулась, — робко говорит за спиной мать.

Я даже не удивляюсь, воспринимая это как должное. У меня в мыслях другое: вот он ждет зимы, чтобы ночью сгрести снег с тропинки у ее дома и накидать свой, особый снег. А утром придет затемно и будет ждать. Он не знает, что хоть до зимы еще осталось полгода, в сердце она наступает раньше.

Он хочет знать, какие следы оставит она...

И это худшая из моих историй.

**ЧЕМ ВЫМОЩЕНА
ДОРОГА В РАЙ ?**

1

Праздник начался утром.

Еще не весь снег растаял в горах, и прохладный ветер иногда становился пронизывающим. Майское нежаркое солнце выползло из-за вершины Шварцхорна и светило в глаза. Канат, протянутый над головами, был неразличим — в синем небе словно без всякой опоры кувыркался и плясал канатоходец. Его красные гетры и зеленый костюм казались вырезанными из цветной бумаги.

К подножию темной громады Шварцхорна светлыми будинами одна за другой тянулись открытые платформы. Оттуда туристы поодиночке и группами добирались сюда, на ровную площадку, зажатую между обрывом и склоном. К склону лепились гостиничные коттеджи и дома жителей долины.

Мимо прошла группа, ее вел юноша в куртке с эмблемой экскурсионной службы. В свое время и мне довелось выслушать обстоятельный рассказ о славных традициях, о том, как вот уже много веков здесь празднуют приход весны; о том, как суровые горцы в те решительные, но скоротечные времена прекращали недозволенную охоту во владениях жестоких баронов и собирались здесь, соревнуясь в гибкости тела,

силе кулака и остроте глаза. И бароны, умерив нрав, снисходили до общего веселья.

Сегодня, как всегда, праздник начался состязанием канатоходцев. Продолжат лучники. На склоне народ уже толпится у большого, слепленного из глины и веток осла. Самые нетерпеливые рвутся перепрыгнуть через осла, не касаясь его руками. Нетерпеливых осаживают и придерживают — всему свое время, туристы только прибывают, зачем же портить людям настроение, не каждый день они могут попасть на «Эзельфест».

Обычно после праздника Эдда уговаривала меня идти на штурм Шварцхорна. Я добирался до снегов — почти середина горы — и безнадежно скисал. Эдда тормозила меня, соблазняла красотами ледяных пещер, сердилась, говорила, что я нарочно, а я отдувался, втягивал в себя заметно разреженный воздух и кивал, соглашаясь. В детстве мне удалили верхушку правого легкого. Горы были не для меня, а я не для гор. Эдда не знала об этом, да так и не узнала.

Четвертый май я приезжаю сюда с надеждой, что она вспомнит о празднике, и я встречу ее, выясню наконец все. У меня было много вопросов, но со временем они растаяли, остался только один: почему она ушла?

Три года, три последних года в поисках меня сопровождал Бомар. В колледже он был самым худым, тогда к нему и прилепилась кличка Пухляш, в насмешку. Но прозвище оказалось пророческим — Пухляш с годами стал тяжел на подъем, появилась одышка, а весу в нем под сто, если не больше. Обычно я вызывал его за неделю до праздника, и он героически сопровождал меня. В этом году не смог. «Заболела мать, — сказал он, глядя мимо экрана, — врачи, анализы...» «Не могу ли я быть полезен? — спросил я. — Как это матушку Бомар угораздило

заболеть?» «Надеюсь, все обойдется», — ответил он. «И я надеюсь, — сказал я. — Непременно наведаюсь к матушке Бомар на знаменитые пироги с голубятиной». «Ты уже восемь лет обещаешь», — со странной интонацией сказал он.

Поэтому сейчас я один. Праздник только начинается, народу еще мало. Сижу на камне и не решаюсь подняться, начать пустое кружение. С Пухляшом было легче. Наверно, в глубине души я побаиваюсь встречи с Эддой. Вдруг не о чем будет говорить? А Пухляш внушал уверенность в том, что все будет хорошо. Он молча топал рядом, односложно отвечал на вопросы, невозмутимо разглядывал встречных и громко сопел, если приходилось идти в гору. После праздника он немногословно прощался и улетал домой.

Надо непременно позвонить матушке Бомар, в самое ближайшее время, а еще лучше — слетать к ней в гости, на пироги.

Снизу, от дороги, послышался тяжелый шелест движков. Низко, чуть не приминяя траву, к нам шла машина. Кто-то из распорядителей побежал навстречу, возмущенно размахивая руками. Во время праздника машинами здесь пользоваться запрещено, а на санитарную платформу она не похожа.

Машина поднялась над дорогой, описала полукруг и с хрустом села на песок и мелкие камни площадки. Я с большим удивлением узнал в ней мой личный «трайджет». Машине полагалось быть в ангаре, а ангар — по ту сторону океана. «Трайджетом» пользуюсь только для протокольных визитов или в экстренных случаях — летит быстро, но энергию жрет неприлично много.

Я подобрал куртку и пошел к машине, соображая, что могло произойти за время моего отсутствия. Слабые точки всего две: реакторные блоки на Эри и опреснительные буи в

Проливе. За опреснители я спокоен, Лапуэнт подвести не мог. Техника старая, но Лапуэнт за нее ручается. С блоками сложнее, копят блоки, чуть-чуть, но копят, дозиметрический контроль уже шевелит бровями и намекает, что пора составлять график демонтажа.

Из машины вылез Апоян, и я пошел быстрее. Если мой заместитель в субботу лично выдирает начальника с отдыха, то дело серьезное. А когда я увидел, как из люка высунулась голова Матиаса, руководителя Конфликтного бюро, то пропустил бегом.

Матиас заметил меня и помахал рукой. Апоян кивнул и полез обратно в кабину, я последовал за ним:

— Что случилось? — спросил я.

— Сейчас, сейчас, — Матиас разогнул один палец, — в первых, необходимо срочно блокировать систему «Медглоуб» хотя бы на сутки.

— Позвольте, Дэниел, — немного растерялся я, — я не имею полномочий на глобальные акции.

— Извините, — перебил Матиас, — необходимо отключить только ваш чифдом. Транспортная сеть уже блокирована, а на «Медглоуб» полномочия уже подтверждены.

— Вы полагаете... эксцесс?

— Боюсь, гораздо хуже, — ответил Матиас и разогнул второй палец, — боюсь, это преступление.

Над океаном я включил комп и перевел на него управление. На прямую связь вышел координатор «Медглоуба». Попросил код полномочий, дождался, пока я вводил брелок-жетон в прорезь компа. А потом сказал, что через несколько минут отключит чифдом от сети. Я спросил, насколько это неприятно. Координатор поднял одно веко и

ответил, что за сутки или даже за неделю больших неприятностей не будет. В больницах и комплексах прекрасно функционируют автономные системы, и если некоторое время они будут лишены текущей информации, то и бог с ней, с информацией. Что же касается неприятностей ординарных, добавил координатор, то он немедленно поставит Совет в известность, и мне надо будет подготовить серьезные мотивировки для Конфликтного бюро.

Тут из-за моей спины выдвинулся Матиас и сообщил, что Бюро в курсе. Тем лучше, отозвался координатор, поговорим на Совете.

Зарябили помехи, «трайджет» шел над грозовым фронтом. Я развернул кресло от пульта. Матиас разложил на коленях планшет и водил пальцем от побережья к побережью. На карте высветились цифры, расстояние, наверно.

— Итак?

Матиас поднял голову.

— Это по делу Чермеца.

— Вот как? — сказал я. — Разве оно не закрыто? Что там было — исчезновение или взрыв?

— И то, и другое, — ответил Матиас. — Ко всему еще обнаружена вторая лаборатория.

— Где? — спросил я. — Где именно? Догадываюсь, что у меня...

— На юге, Грин-бич.

Неприятно. Секретная лаборатория мерзавца оказалась в моем регионе. Нашел уютное местечко! Если то, о чем он истерично кричал на Совете, хотя бы на четверть правда, — мне предстоит скверная работа.

— Плохо, что они успели взорвать лабораторию на Халонге. Сейчас там копаются ребята из Юго-Восточного бюро,

чифдом Нгуен Зы. Пока выносили решение об изоляции, они подняли все на воздух. Исчезли Чермец и его лаборант, Сассекс. Приблизительно в это же время исчез или был похищен экспериментальный корабль. Программа в бортовой комп не была введена, так что они могут вынырнуть где и когда угодно, да и то при большом везении. Но я не верю в такое везение... — Матиас с сомнением покачал головой. — Скорее всего они рассыпались в пыль. В лучшем случае.

— Я знаком с делом в общих чертах. Но в сводке ничего не говорилось о персонале. У него были сообщники?

— Да. Но они себя называли иначе. Впрочем, теперь хватает и других дел. Пока остановим Холлуэя, пока... — Он махнул рукой.

Мы с Апоянном переглянулись. Конфликтное бюро делает всю работу, нам же расхлебывать последствия.

Что ни говори, а этический прогресс хоть и не ползет черепахой, но и стремительным его назвать нельзя. Впрочем, есть чем и гордиться. Отцу было шесть лет, когда демонтировали последнюю боеголовку, а когда я пошел в школу, уже во всем объеме разворачивалась глобальная программа «трех П». Продовольствие, педагогика и порядок. Судя по книгам, фильмам и рассказам мамы Клары, это были веселые и трудные годы взлета надежд, реализации дерзких проектов. Большой передел мира давался нелегко, но миллиарды и миллиарды перестали идти на смертоносный металл, а пошли на школы, больницы, поля. Потом времена безудержного энтузиазма и героической борьбы с противниками нового мироустройства прошли и началось ровное горение. Если бы не Великая Пандемия, унесшая сотни миллионов и последствия которой мы ощущаем до сих пор, рывок был бы стремительнее! Тем не менее наконец мы можем сказать, что

человек, может быть, еще не венец творения, но он уже и не шивый сукин сын. Преступление, причинение зла человеком человеку стали редкостными явлениями. Но тем страшнее и опаснее рецидивы «добрых старых времен», будь они прокляты!

Прошлое дотянулось и до нас с Эддой. Ее дед был археологом, и где-то в Африке он случайно наткнулся во время раскопок на забытый могильник химических отходов. Сам нанюхался этой гадости, а ко всему еще в лагере археологов гостила его семья.

На пятом году семейной жизни характер Эдды стал меняться. Мы знали, что детей нам нельзя иметь, индекс генетического риска на порядок выше допустимого, да и ее здоровье было не идеальное. Эдда хотела взять ребенка, но очередь тянулась годами, да и я как-то вяло реагировал на ее разговоры о приемных детях. Она перестала ходить к психоаналитику, и возможно, именно тогда айсберг семейной жизни, медленно таявший снизу, внезапно перевернулся.

Эдда ушла, не оставив записки, адреса, ничего. Взяла кое-какие вещи. Частные поиски ничего не дали, видимо, сменила личный номер и фамилию. Я мог, конечно, используя свои полномочия, быстро разыскать ее через кредитную сеть, но за такие дела гонят взашей с любой работы.

Через несколько месяцев пришло странное письмо, я с трудом узнал ее почерк, подписи не было...

Апоян ткнул пальцем в экран.

— Берег! Минут через десять — Шибугамо.

Вскоре под нами пронесся залив Фанди. Зеленая тройка с буквой «М» в верхнем левом углу экрана сменилась двойкой, затем единицей. На звуковой мы вошли в коридор, меня сразу же засек диспетчер и пустил вне очереди. У ангаров

«трайджет» развернулся носом к диспетчерской башне, автопилот прощально хрюкнул и отключился.

— Мне надо спешить, — сказал Матиас, — но думаю, что сегодня еще не раз придется вас побеспокоить.

Он соскочил на литое покрытие и быстро пошел к стоянке платформ. Апоян проводил его взглядом и вздохнул.

— Боюсь, — передразнил он Матиаса, — что именно так оно и будет.

2

Моя резиденция занимает весь шестьдесят девятый этаж. Пять залов с терминалами, аппаратные, резервные генераторы и все такое. На семидесятом живут сотрудники Управления, а над ними ничего, кроме оранжереи и неба. Когда наваливалась бессонница, я выходил на смотровую, прижимался лбом к холодному стеклу и стоял, пока стекло не запотевало и буравчики звезд не размывались искрящимися пятнами. Иногда помогало.

Окна в моем кабинете выходят не на леса, как у Апояна, а на город. Нагромождение коробок и башен — словно пьяный архитектор играл с набором строительных блоков и лепил их вместе и порознь, как куда придется. Раздражали нескладные углы и стыки домов, ломаные кривые улиц. Когда истечет срок моего управления, непременно примкну к движению «Зеленое утро». Среди них много симпатичных людей, Пухляш Бомар например. Есть там, правда, и фанатики деурбанизации, но их всерьез не воспринимают. Века кровавых проб и роковых ошибок выработали хоть малень-

кий, но все же иммунитет против великих рывков, грандиозных ускорений и больших прыжков. Чуть не допрыгались! Лесные городки и поселки милее и благостнее уродливых мегаполисов, но последствия массового исхода из городов пока непредсказуемы. Всего два десятилетия, как понятия «голод» и «нищета» во многих регионах отошли к историческим дисциплинам, а абстрактный термин «глобальное братство людей» начал медленно, но верно обрастать плотью. И если сейчас все брызнут по кустам — цивилизация развалится. Может, через пару веков имеет смысл рискнуть, а то слишком все становится одинаковым... Нет, это неправильные мысли, а плохие мысли, как известно, ведут к дурным поступкам.

К концу рабочего дня я так изматывался от лиц, объектов и постоянной готовности к принятию мгновенного и безошибочного решения, что мечтал даже не о хижине в лесу, а о комфортабельном необитаемом острове. Впрочем, необитаемым быть ему недолго, Корнелия найдет меня и там.

В терминальных залах сейчас тихо и пусто — несколько дежурных линий, один тоскующий дежурный и два консультанта.

Но с минуты на минуту воскресная тишина может лопнуть экстренным вызовом Совета, примчится Матиас, войдет Апоян с ворохом материалов по делу Чермеца — сейчас он как раз подбирает их для меня. Если понадобится, я вызову начальников секторов, а те, в свою очередь, — остальных. Случалось нам работать по воскресеньям, редко, но случалось. Мы привыкли работать локоть к локтю, сетевые конференции в нашей работе оказались неэффективны.

Скоро информация дойдет до Совета, меня вызовет неразговорчивый Калчев и скажет: «Здравствуй! Что это ты

безобразничаешь с «Медглоубом»? На обоснование пять минут».

Над столом пыхнул красный огонек прямого вызова, высветился двузначный код Совета.

На меня озабоченно смотрел Калчев.

— Здравствуй, Эннеси! Совет просит оказать полное содействие Матиасу. Можешь использовать все ресурсы. Полномочия неограничены. До завтра!

Я вызвал команду общего сбора, но тут же передумал и решил пока не поднимать людей. Может, все обойдется и региональные службы справятся сами. Хотя вряд ли! Неограниченные полномочия...

Вошел Апоян. Он выложил на стол прозрачную корзину с папками, дисками и отдельно — большой конверт с эмблемой Конфликтного бюро. Сочувственно посмотрел на меня.

— Здесь последние материалы из КБ. Боюсь, дело пахнет кризом.

Я не взмахнул руками и не крикнул: «Только этого мне не хватало!» или другие, приличествующие моменту слова. Мыслишка, плавающая в глубине сознания, всплыла на поверхность и удовлетворенно произнесла: «Ага!»

— Зачем же так сразу — криз... — Я придвинул к себе ближайшую папку. — Делом занимается Конфликтное бюро. Расследование — это компетенция КБ. Принимать решения на нашем уровне будем в соответствии с регламентом Совета...

Я тянул. Саркис понял мое состояние и подыграл.

— Правильно. Матиас — цепкий мужик. Справится. Мы с ним через недельку махнем ко мне в Базмашен, на рыбалку.

Однажды он и меня уговорил махнуть на рыбалку. Рыбалка не состоялась, я самым позорным образом свалился с обрыва и вывихнул ногу. Саркис хотел вправить ее на месте, но я орал и отбивался. Тогда он взвалил меня на спину и шесть километров волок до дома, не останавливаясь. Его жена, ни слова не говоря, вцепилась мне в лодыжку и дернула с вывертом. Потом, когда я пришел в чувство, меня долго поили чаем с медом и домашним вареньем.

Через два года кончится мое управление, и Саркис станет чифом. Заместителем у него будет кто-либо из наших мест или же заместителя направит чифдом Ахаггар-Тибести, сопряженный по конкурсной сетке с нами.

— Что там было с кораблем? — спросил я, перебирая блок-кассеты.

— Воспользовались отсутствием охраны. Корабль — первый из «дыроколов», системы жизнеобеспечения не развернута, испытания намечались на будущий год.

Он скучным голосом рассказывал о том, как чисто символическая охрана пряталась от дождя под навесом, перечислял, что успели смонтировать на корабле, а что нет... А я думал: обидно, просто обидно! Результаты многих лет труда, мучительных поисков, гениальных догадок и смертельно опасных экспериментов грубо и гнусно похищены!

В конце прошлого века в кольцах Сатурна была обнаружена чужая станция-зонд. Была радость — мы не одиноки во Вселенной, и был шок — да, мы не одиноки, но еще неизвестно, чем это чревато для нас. Никто, правда, не ожидал, что первая же пилотируемая экспедиция на Темный (так окрестили зонд) сумеет овладеть управлением этого огромного черного шара и приведет его на окологлунную орбиту. Два десятка лет его разбирали на маленькие кусочки, собрать

обратно так и не удалось, назначение их осталось неясным, но из того, что сумели понять, неожиданно получили гипердвигатель. Человечество, до сих пор с опаской ползающее по Солнечной системе, начало осторожно присматриваться к звездам. Дело оставалось за малым — придумать, на что сгодятся звезды. А теперь вся эта героическая эпопея отодвигается на годы — первый корабль сгинул, и два негодяя, похитивших его, исчезли вместе с ним.

— А вот последние материалы по лаборатории в Гринбич, — сказал Апоян. — Это из папки Матиаса, и тут еще что-то закрытое, — добавил он и вытащил из кучи пакет с эмблемой КБ.

Так, изображение лаборатории, вид сверху, голографический обзор, перечень оборудования, списки сотрудников... Что за черт! Мало того, что они ухитрились в наше время создать секретную лабораторию, так еще и людей набрали! Чем же их соблазнили? А это что? Снимки за номерами с 12 по 45 изъяты (изъяты!), причины излагаются в сопроводительном листе, там же и протокольные отсылки. Где сопроводительный лист?

Я вскрыл пакет и извлек мини-бокс, блокированный замком. Апоян с удивлением посмотрел на меня, а я на него. Бокс я открыл личным ключом и взял бумаги. Прочитал. Потом еще раз начал читать, но на первой же странице меня наконец проняло... Пересохло в горле, защемило сердце, а к затылку словно приложили лед. Я выдвинул верхний ящик и кинул под язык несколько шариков «тонуса».

— Ты... знаком с этими бумагами? — Я никак не мог откашляться и сглатывал после каждого слова.

— Разработка темы? — поднял брови Саркис. — Матиас немного успел рассказать: преступная самонадеянность, обман Совета, недопустимый риск...

Матиас ничего ему не сказал! Скверно. Теперь он со мной нырнет в это варево по самую макушку, но я последний, кто пожелал бы этого. Спрятать бумаги? Глупо. Пощади я Апояна сейчас, он узнает потом все равно. Да и что говорить, неразделенная ответственность — это доблесть, неразделенное знание — трусость.

Я протянул ему листы и отвернулся к окну.

Низкое облако вилось между вершинами домов. Сверху оно было похоже на распотрошенную перину. С крыши Дома Театров снялась пассажирская платформа и нырнула в перину...

Апоян громко сказал несколько непонятных слов, кажется, по-армянски.

Развернув кресло к нему, я молча взял бумаги, вложил в бокс и запер.

— Ладно, — сказал Апоян, — эмоции потом. Все-таки это криз.

— Боюсь, что ты прав. И хорошо, если локальный.

3

Матиас связался со мной в полдень.

— В моем распоряжении несколько минут, — предупредил он, сделал кому-то знак рукой за экран и прибавил звук, — несколько минут, — повторил он.

— Минутами не отделаешься, — сказал Апоян. — Как это вы криз проморгали?

— С нами разговор впереди. Не знаю, сколько поротых задниц я насчитаю, но под розги лягу первым, — без тени

улыбки ответил Матиас. — Сейчас нет времени. Прошу полномочия на кратковременную изоляцию.

— Послушайте, Дэниел, — удивился я, — это же дело вашего Бюро! Что вы с такими проблемами к нам лезете?

— Мы не знаем, скольких придется изолировать, — перебил Матиас.

Апоян присвистнул. Я вспомнил разговор с Калчевым.

— Срок полномочий?

— Сутки, на всякий случай, двое суток. К вечеру, если прояснится, я сам приеду.

И отключился.

Через минуту со мной связался дежурный оператор и сообщил, что Матиас занял шесть линий и требует еще пять. Я подтвердил запрос.

— Как же это называлось? — проговорил вдруг Апоян. — Был термин...

— Не понял?

— Сейчас... Сейчас... Вспомнил, вивисекция! Вот как это называется! Но какие сволочи!..

Мигнул вызов.

— К вам Уэлан, — озабоченно сказал дежурный.

— Давайте.

На экране появилось длинное лицо Уэлана. Прищурив глаза и дергая за рыжий ус, он рычал на кого-то в стороне. Увидев меня, оставил ус в покое.

— Привет, Чиф! Экологи запечатали два блока!

— Поздравляю.

— Если мне сейчас же не дадут десять единиц, я не ручаюсь за остальные блоки. В региональном требуют обоснования, и не на десять, а на шесть. Пока будут тянуть, загадим Эри и все вокруг.

Я поднял глаза на Апояна. Саркис пожал плечами и руками изобразил на голове сомбреро.

— Паникуешь, Юджин?

Как я и рассчитывал, Юджин Уэлан немедленно вспылil и принялся тщательно обкладывать все и вся, начиная с гвоздя, на котором висит кепка регионального диспетчера, затем досталось диспетчеру и так далее, по восходящей. Минуты две он будет извергаться, пока доберется до меня. Я соображал, чем заткнуть прореху в энергобалансе. Все-таки не дотянули до конца сезона. Лихтер с блоками на подходе, но пока разгрузят, пока смонтируют, пока экологи все обнюхают и дадут добро... Десять единиц! Многовато. Шесть даст региональный, а четыре?.. Попросить у Перейры? Мы им и так задолжали. Корнелия на последнем совещании заявила, что ей неудобно смотреть в глаза Шульхеру, экономисту Перейры. Ну ничего, пусть не смотрит.

Уладив проблему с Уэланом, я на несколько секунд расслабился. Саркис молча сидел рядом, потом предложил перекусить. Не успел я подняться с места, как мигнул вызов и на связь вышел Матиас.

— Мы нашли Холлуэя, — сказал он, — нашли и заблокировали. — Он не успел, хотя уже ввел программу в синтезатор. Мы отключили питание, эффекторы развалились ко всем чертям.

— Хорошо. Чем я могу быть полезен?

Вопрос был неуместен, но надо было получить несколько секунд, чтобы перестроиться после Уэлана. Что ему от меня надо? Ущерб оплатят из резерва, а для претензий есть арбитраж. За пять лет управления я уже стал не тот, накопилась усталость. И ошибаться нельзя, и не ошибиться невозможно.

— Затруднение. Нам не выдают Холлуэя, — ответил Матиас после недолгой паузы.

— Вы меня удивляете, Дэниел, — продолжал я свою линию, постепенно входя в рабочее состояние. — Что же, мне вместо вас хватать его? Кто его не выдает? Если у него... как их... сообщники, то примените силу. В разумных пределах. Полномочия у вас есть.

Матиас молча смотрел на меня, и это мне не нравилось.

— Боюсь, что здесь я не смогу применить силу, — медленно произнес он, — впрочем, посмотрите сами.

Они развернули объектив. Я увидел большое здание. Два полукружия охватывали многоэтажный конус в центре. Перед домом плотной толпой стояли люди в белых халатах. Непонятно, что там происходит. В окнах было заметно движение, из некоторых летели вниз какие-то предметы. Присмотревшись, я обнаружил, что здание оцеплено платформами Конфликтного бюро, над крышей тоже висели платформы.

— Что там у вас творится? — спросил я. — Дайте ближе!

Изображение дрогнуло и поплыло на меня. Я вдруг сообразил, заметив эмблему над воротами, что это Онкологический центр в Калгари и что люди в белых халатах — врачи.

— Он выдал себя за больного, — заговорил Матиас. — В приемной оглушил врача и прорвался к компьютерному залу фармакологического синтезатора. Дежурный к тому времени очнулся и поднял тревогу, кто-то сообразил позвонить в Бюро, я дал команду отключить их от подстанции. Он все же ввел рецепт-код в машину, но она не успела его переварить. Правда, к тому времени они уже были отключены от «Медглоуба». Если бы он успел получить препарат — проблема стояла бы неизмеримо сложнее. А может, и наоборот, проблемы не было. Впрочем, это ваши прерогативы.

Объектив пошел наверх, в окна показались лица. То, что это больные, я понял сразу — изможденные, землистые лица, у некоторых глаза казались неправдоподобно большими, настолько было велико истощение: кожа, обтягивающая лицевые кости, тоньше бумаги... Дали максимальное увеличение — теперь чуть ли не мне в лицо летели брызги слюны из перекошенных в крике ртов. Они кричали, метали вниз обломки аппаратуры, разбитые стулья, а потом чудовищными птицами медленно полетели вниз какие-то тряпки...

— Он вырвался из рук моих ребят и ушел по транспортному тоннелю в больничный сектор, — продолжал Матиас. — А потом выступил по внутренней связи, и через десять минут онкоцентр превратился в сумасшедший дом. Представляете, они почти все на постельном режиме, и такая вспышка! Вышибли персонал и моих людей в два счета. Не могли же мы к ним применить силу! Пытались втолковать, но... Проклятие!

Тяжелый предмет, вылетевший из окна, задел кого-то, беднягу оттащили в сторону. В одном из окон появился белый рулон, его встряхнули — развернувшись, он повис, слабо развеваясь на ветру. На нем черной краской было выведено «Убийцы!» и «Здоровье сейчас!». Из других окон тоже вывели простыни с такими же надписями.

На экране снова появился Матиас. Он был бледен.

— Диск у меня. Вот он. Привез его сам.

— Спасибо, Дэниел. Что с Холлуэем?

— Не знаю, пока не знаю. Уйти он не сможет.

— Как он сумел выкрасть диск? Впрочем, это дело третьей комиссии.

Матиас вздохнул, потом сказал, что не уверен, следует ли передавать дело Холлуэя в комиссию. Хотя рецепт-код и был

введен, последствия обратимы. А то, что он взбунтовал больных, свидетельствует скорее о его неумолимости, чем о преступном умысле. «В конце концов, — добавил он после заминки, — неизвестно, поступил бы я сам на его месте лучшим образом, если бы у меня, как у Холлуэя в прошлом году, скончалась жена от саркомы. Надо учесть, что и мать Холлуэя умерла от рака желудка. Детей он не имел, а жена его...»

— Вы так защищаете его, словно это ваш друг, — заметил я.

— А он и есть мой друг, — с некоторым удивлением ответил Матиас. — Разве вы не помните? Рэймонд Холлуэй, мой третий заместитель...

Я молчал.

— В конце концов я выполняю свой долг, — продолжал Матиас, — а если Рэймонд пошел на преступление, то, очевидно, полагая, что исполняет свой. И я не знаю...

Он прервал себя, глянул вбок, поднял брови и, сказав «хорошо», повернулся ко мне.

— Извините, Эннеси, удалось связаться с Холлуэем.

— Подключите и меня.

«Дэниел, ты меня слышишь?.. Я на самом верху... Ты слышишь?..»

Окна и этажи слились в полосу, объектив дернулся вверх, к крыше. Там, у самой кромки, стоял высокий худой человек, державшей в руке коробку транслятора.

«Дэниел, ты меня слышишь? — продолжал звенящий от напряжения голос. — Ты меня слышишь?..» «Я вижу и слышу тебя, Рэймонд, — ответил голос Матиаса, — но мне хотелось бы поговорить с тобой в более подходящей обстановке». «Дэниел, будь ты проклят, Дэниел!»

Лица Холлуэя не было видно, солнце за его спиной било в объектив. Его темная фигура выпрямилась, он отшвырнул коробку транслятора и, широко раскинув руки, качнулся вперед...

Я закрыл глаза.

4

Десятый час, сумерки сгущаются в вечер. Несколько раз ко мне как бы случайно заглядывал Апоян. Убедившись, что я все еще здесь, исчезал.

Матиас весь день наводил порядок в Онкологическом центре. Вернувшись, отдал диск, вручил письменный отчет и только после этого вдруг сорвался, швырнул бумаги на пол и потребовал немедленной своей отставки. Саркис увел его к себе.

Я листал дело Чермеца, пытаюсь размотать чудовищный клубок проблем, разбухающий с каждым часом. Ничего не подделаешь — любой криз, любой этический кризис вырастет бледной поганкой на хорошо унавоженной веками почве гордыни, самолюбия, неумеренного тщеславия. И не преступный умысел движет инспираторами этих кризисов, а самые что ни на есть благие намерения.

Утром меня поднимет вызов Калчева или самого Рао. Они предложат отдать дело в Совет, я, естественно, откажусь. На то и выбран чифом, чтобы принимать решения и отвечать за них, а не перекладывать на чужие плечи. Выше меня только Совет. Боюсь, и ему скоро придется несладко. После эксцесса Холлуэя дело усложнилось.

Итак, Чермец и Сассекс. Десять лет назад они пошли на преступление — первое в ряду многих. Не то уговорили, не то подкупили или обманули, словом, вовлекли в преступный сговор врача из родильного отделения. Мне известны редкие случаи недосмотра, когда в горных или отдаленных районах пытаются завести детей, не пройдя генетического контроля или даже вопреки его результатам. Урок Великой Пандемии не всем пошел на пользу. Вот из-за безответственности родителей и рождались уроды. «Живое мясо», как выразился в протоколе один из экспертов. Последние двадцать лет практически безошибочно определяют, родится ли здоровый ребенок, с допустимыми отклонениями или же уродец без малейших шансов на достойное развитие. Но бывают просчеты, они просто неизбежны. Безответственный врач согласился не подвергать эвтаназии плоды. На следствии он хныкал, что, мол, не хотел быть убийцей, но его жалкие доводы были отвергнуты. Чермец же поставил серию экспериментов над этим... материалом. Преступление? Да, но еще не криз. Помнится, тогда возникла небольшая проблема, как поступить с уцелевшими существами? Никакого разума, зачатки рефлексов...

Я был на заседании Совета, когда разбиралось это дело. Свои преступления Чермец оправдывал благими намерениями, поскольку якобы удалось или вот-вот удастся получить универсальное средство от злокачественных опухолей. «Рак побежден!» — кричал он перед лицом Совета и не оправдывался, а гордился своим деянием, гордился откровенно и нагло. Он говорил, что готов принести себя в жертву условностям всемирной этики и согласен с любым решением Совета. И еще он вел весьма недостойные речи, намекая на то, что избранные все равно воспользуются его открытием. Со-

вет усмотрел в этом оскорбление достоинства избранных представителей и изъял его слова из протокола.

А потом странный побег Чермеца и Сассекса, непонятный взрыв лаборатории, загадочная гибель почти всех его сообщников во время пожара в следственном изоляторе. Диск с записью программы синтеза код-рецепта был найден вроде бы случайно в другой, глубоко законспирированной лаборатории, где Чермец и проводил свои каннибальские эксперименты.

И преступление породило преступление — заместитель Матиаса крадет диск и пытается ввести его в ближайшую фармацевтическую систему, а когда ему это не удастся, в отчаянии кончает с собой.

Диск теперь находится у меня. Он лежит в нижнем ящике стола рядом с прошением Матиаса об отставке. Насчет диска надо быстро принимать решение. Если же у меня не хватит решимости, то либо я передам дело Совету, либо объявлю референдум. Но тогда у меня не будет морального права оставаться управителем.

Дверь тихо пошла в сторону. Почему-то я решил, что это Корнелия. Но в проеме показалась фигура Апояна, за ним горбился Матиас.

— К вам можно, чиф? — спросил Саркис.

— Входите.

Я включил верхний свет и на миг зажмурился. После полумрака заболели глаза.

— С вами хотел связаться Соколов, но я попросил перенести разговор на завтра. Вроде ничего срочного.

— Спасибо, Саркис!

Апоян сел у окна, Матиас тяжело уложил свое тело в кресло напротив и словно задремал.

— Еще хотели связаться двое: ваш друг Бомар и Корнелия, — добавил Апоян, усаживаясь поудобнее. — По-моему, Корнелия жаждет общения, но я рискнул сказать, что вы сегодня в цейтноте.

— Да-а... Ну ладно. Ситуация прояснилась, действительно криз, к тому же осложненный. Завтра — а самое позднее послезавтра — сводка пойдет в «Новости». Дольше придерживать не сможем. К этому времени мое решение должно пройти обсуждение Совета, и если Совет сочтет его исчерпывающим, криз будет снят.

Я на всякий случай трижды постучал ногтем по столу.

— Фундаменталисты опять поднимут головы, — равнодушно сказал Матиас, не раскрывая глаз.

— Бог с ними, хватает своих забот. К тому же какие именно фундаменталисты? Христианские, мусульманские, буддистские или эти, новые, как их... Впрочем, не важно. Когда вводили генетический контроль, у них была пресса, телевидение, сеть, а главное — лидеры, среди которых имелись даже члены Совета. Если бы не Пандемия тридцать четвертого года, они бы и сейчас кричали о евгенике, расизме и требовали отмены контроля. Могли бы и развалить ненароком глобальную стабильность. Но сейчас даже самые твердоголовые сообразили, что речь шла не просто о больных или о людях с врожденными пороками, а о страшной патологии... Интересно, зачем я это вам рассказываю?

Матиас промолчал, а Саркис улыбнулся.

— Тянете время, чиф, — сказал он. — И это правильно. Но, по-моему, вы усложняете. Имеет место классическая ситуация — «дар дьявола». Несоответствие товара и цены, которую придется за него выложить. Еще одно звено из вечной цепи целей и средств. Самое простое решение — отвер-

гнуть результаты преступных экспериментов. Раз стало известно, что лекарство существует, а это, кстати, еще только слова Чермеца, так мы его получим сами.

— Знать, что оно существует, все равно что иметь его, — пробормотал Матиас.

— Не спешите, Дэниел, — с досадой поморщился Саркис. — Ни одна этическая проблема не может быть корректно решена без нарушения этических аксиом. Вопрос сейчас ставится так: если мы принимаем «дар», то тем поощряем других авантюристов, полных благих намерений. Столько лет старались, вытягивали людей из болота локальных предрассудков, асоциальности, неэтичности, наконец! И вот стоило появиться одному действительно серьезному преступнику, как за ним уже вздымается волна, и Холлуэй ее провозвестник. Кстати, кто может поручиться, что следующие «благодетели» не начнут экспериментировать на вполне здоровых людях?

— Пробный камень, — совсем неслышно сказал Матиас.

— Именно! Диск с программой — пробный камень нашей этической зрелости. Будущих медиков учат на примерах героических классиков. Означенные классики в свое время с риском для жизни раскапывали могилы и резали мертвецов, чтобы проникнуть в тайны организма. Сейчас любой студент потрошит ваших родственников в морге для тренировки, и никакого риска. Для студента, разумеется. Я утрирую, но дело не в этом. Человек с благими намерениями шел наперекор этике своего времени, и потомки объявили его героем. Пусть в таких случаях невозможно снятие кризиса, да что там говорить, такие кризисы — эмбрионы грядущих сдвигов в самой этике. Но какой могучий соблазн для тех, кто готов идти на все ради своих амбиций! Завтра мы можем вступить в кон-

такт с иным разумом... Да черт с ним, с иным! Что мы скажем нашим детям сегодня?

— Рэймонд уже никогда ничего не скажет, — неожиданно громко сказал Матиас. — Ладно, я пошел спать.

Он, кряхтя, поднялся и вышел.

Я прислушивался к монологу Саркиса. Действительно, шлейф этических кризисов тянется за медициной с незапамятных времен. Не так давно она переварила, не отвергнув данные по предельным параметрам функционирования человеческого организма, сведения, полученные варварским путем. Стыдливо усвоили эти знания, решив, что жертвы все равно не воскреснут, а информации пропадать не следует. Забыты Менгеле, Мюнх, Исии, а ведь это всего лишь прошлый, двадцатый век! Если копнуть глубже, всплывут такие кошмарные преступления во имя благих целей, что Чермец покажется младенцем. Да что медицина! Что там говорилось учителем насчет тех, кто тщательно, любовно сберегает свое прошлое, с умилением разглядывая буколические картинки полузабытых времен? Без истории мы ничто, без памяти о прошлом не найти дороги в будущее — достойный лозунг, что и говорить! Но история — это не только громовые слова и благородные жесты, не только беспримерные подвиги и величайшие проявления человечности в человеке. Это века и века беспросветной тьмы, подлости и обмана, насилия и жестокости, коварства людей и цинизма власти, копошение в грязи и потная кутерьма... Помня все — и лучшее, и скверну, забываем, что из прошлого просачивается тихо, каплями, каплями, каплями гной. От отца к сыну, от человека к человеку медленно и незаметно злоба и зависть, корысть и ложь... Как поставить заслон, как не допустить, чтобы с вечными ценностями не просочилась хотя бы одна капля гноя, — под

силу ли такая задача? Если нет, тогда удел человека — позор и грязь во веки веков, яд поразит организм, и тщетно отсе-кать орган за органом. Все начнется сначала, и снова будет горек плод трудов наших...

Тряхнул головой, и образ учителя Дороха, повторяющего изо дня в день эти словам нам, ученикам подготовительного класса, исчез.

Ну так что, отвергнуть проклятый «дар»? Легко сказать...

Саркис смотрел в окно. «А ведь ему через год будет ров-но пятьдесят, — подумал я. — Скоро станет дедом. На вы-ходные зачастит к внукам...»

Тихо звякнул вызов. Апоян виновато развел руками. Я включил личный доступ и тихо застонал — на меня уставилась своими глазищами Корнелия.

Мне стало плохо. Мне стало хорошо. С Корнелией я мог быть грубым, наговорить несправедливой ерунды, даже вспылить. Одним словом, всячески нарушать установления Большого Этического Конкордата, что непозволительно никому, тем более мне. Но природа человеческая восхитительно несовершенна, и слава богу! Да и Конкордат пока еще в стадии разработки, пройдут годы, если не десятилетия, пока он реализуется в глобальном объеме. Однажды Корнелия откровенно заявила, что прекрасно понимает, как неэтично влюбляться в своего начальника, как вдвойне неэтично осаж-дать по всем правилам женского искусства мужа, пусть быв-шего, но все-таки мужа своей подруги, но ей плевать на этику, когда она видит меня. Как-то на собрании заведующих отде-лами она во всеуслышание спросила, собираюсь ли я на-конец подкатиться к ней с непристойными домогательствами, а если нет, то почему? И хоть бы кто крякнул или даже улыб-нулся! Она настолько приучила всех к мысли, что рано или

поздно я окажусь в сетях, что не обратили внимания — это была ее охота, как сказал бы...

— Чиф, ты плохо выглядишь!

— Корнелия, ну что ты от меня хочешь, Корнелия? Я просил не доставать меня хотя бы раз в неделю.

— Посмотри мне в глаза, нет, ты мне в глаза посмотри... Вот так! Если тебе плохо, то я сейчас приду.

Только этого не хватало! Во мне поднялась сладкая тоскливая обреченность и захлестнула с головой, но через миг я был собран и зол.

— У вас есть что-либо конкретное ко мне, уважаемая Корнелия Бургеле?

— Ничего служебного, уважаемый чиф Оливер Эннеси. Ты сердисься, значит, ты здоров. До завтра.

И отключилась.

Апоян поднялся с места и вопросительно посмотрел на меня.

— Просмотрю еще раз сегодняшнюю запись, — сказал Саркис, — где-то здесь материалы по онкоцентру.

— Вот они. А я немного прогуляюсь по смотровой.

К лифтам мы шли молча. Когда я приму решение, он узнает первым. Но не сейчас. Торопиться нельзя. Сам ничего пока не знаю.

Саркис попрощался и вышел на своем этаже.

На смотровой никого не было. Обычно в это время свободной скамейки не найдешь, парочки со всего здания ждут полночного фейерверка над Домом Театров, воркуют и тихо обжимаются. Но в воскресенье здесь пусто: все набегались и нагулялись, начался туристический сезон.

Пора принимать решение. Конечно, один раз за все время управления я имею право на крайнюю меру, то есть могу объявить референдум, минуя Совет. Но если «дар» будет отвергнут, не станет ли это насилием здорового большинства над больным меньшинством? Вполне возможно, что объединенный разум человечества брезгливо плюнет на замаранный кровью и подлостью «дар». Это так красиво, эффективно — взять и отказаться! И вполне в духе Конкордата. Совет, если я не решусь и передам ему дело, может тоже отвергнуть. Принципы, конечно, не дороже людей, но кто знает, сколько найдется в Совете красноречивых управителей, решивших выдвинуть свою кандидатуру на второй срок?

Принять «дар», ввести программу в фармацевтические синтезаторы и напомнить всем почти забытое «победителей не судят» — девиз подонков и вождей. Снова воскреснут глубоко затаенные амбиции, и кто-то очередной возьмется за скальпель или разрядник с самыми благими намерениями.

Скудный выбор: либо этическая ретардация, шаг назад, торможение, либо же насилие, чреватое непредсказуемым кризисом. Интересно, не возникнет ли тупик из-за моего благого намерения принять всю полноту ответственности, не делясь ею ни с кем?

Слишком долго и слишком успешно я подавлял эмоции при решении важных вопросов — это, кстати, тоже одно из установлений Конкордата. Но не есть ли этика без эмоций — извращение? Крамольные мысли, неподобающие управителю, но я видел их лица, видел глаза больных...

Есть варианты сомнительных решений. Например, код-рецепт вводится в систему, лекарство синтезируется, но каждый, кто захочет воспользоваться им, должен обязательно ознакомиться в общих чертах с делом Чермеца. Знать, какой

ценой оно досталось. Потом решать, вправе ли он пользоваться им.

Но это вариант для дураков. Я знаю, что такое психика больного человека, что такое страдания сына, когда на его руках умирает неизлечимо больной отец. Да кто больных спрашивать-то будет? Врач пропишет, больной примет — и весь разговор! Может, потом, после выздоровления, рассказать о том, как получено лекарство, а это, в свою очередь, вызовет такой мощный этический потенциал, что вполне можно пренебречь риском появления пары-тройки новых авантюристов.

Разумеется, я прекрасно понимал, что все эти рассуждения просто оттягивают время. Решение было мной принято, когда я увидел их лица, и грех на мне, что я не успел остановить Матиаса, а Матиас не остановил Холлуэя.

Решение принято, и да будет так! Но одна мысль ехидно копошилась в голове, и не было у меня ответа: ну почему эти мерзавцы сами не ввели программу? Неужели у них были и другие намерения, более коварные? Черт, если бы несчастный Холлуэй успел задействовать синтезаторы, у меня сейчас не ломило бы так в затылке.

Над Домом Театров беззвучно и высоко поднялись разноцветные огни.

5

Мимо скамейки прошелестел манипулятор, убирая обрывки, щепки, мелкий мусор. В листве над головой захлопали крылья, с дерева снялась птица и перелетела через

оранжерею. Из полутьмы выдвинулась моечная машина, подкатила к стеклу и пошла по периметру, оставляя за собой быстро сохнувший след.

«Надо непременно навестить Бомаров, — подумал я. — Сколько лет прошло! Пухляш может обидеться. Хотя не могу представить себе Пухляша, обиженного на кого-либо. Интересно, цел ли штурвал на чердаке их дома? По семейным преданиям, его привез некто Клеман Бомар, плававший чуть ли не с самим Морганом или еще с кем-то из знаменитых пиратов».

Я убежал к Бомарам, спасаясь от удушливой заботы мамы Клары. Она дрожала надо мной, будь ее воля, заперла бы навсегда в доме. Естественно, я тяготился этим, бунтовал, сбегал при удобном случае к Бомарам, а потом мы с Пухляшом топали на ферму Ганко. Эдда выносила нам бутерброды, и мы втроем шли на пруд или к скалам.

Много лет спустя, после смерти отца и гибели мамы Клары в авиакатастрофе, я перебирал бумаги, письма, счета — фамильный архив, и наткнулся на заклеенный пакет с грифом генконтроля, почему-то оказавшийся между страницами книги расходов за сорок шестой год. Вскрыл — и тогда мне все стало ясно: и причины истерической заботы мамы Клары, и непонятная уступчивость отца, человека сурового и прямого.

Поздно. Пора спать. Завтра меня ждут мелкие заботы — прелюдия большого скандала. Может, разрубить узел и прямо сейчас ввести программу в «Медглоуб» со своего терминала. Но странно, почему, почему Холлуэй не воспользовался своим? Не смог или не захотел? Неужели он вырвал диск прямо из рук Матиаса и, не соображая ничего, рванулся в Центр? Непонятно...

В коридоре лампы светили через одну. Все равно после темноты смотровой свет неприятно резал глаза. Что-то неладно в последнее время со зрением, стоит немного понервничать, как перепады освещения отзываются болью в темени.

У входа в кабинет я замер и с недоумением прислушался: сбоку от двери пробивалась тонкая световая черта, а изнутри доносились приглушенные звуки ударов металла о металл. Между тем, уходя, я выключил свет и не помню, чтобы оставил включенным новостной канал.

Дверь отошла беззвучно, и я вошел.

Сейф был распахнут, а содержимое валялось на полу бесформенной кучей: бумаги, карточки допусков, и все такие... В нутро сейфа по пояс влез человек в спортивном облегающем костюме. Он и гремел внутри, пытаясь, очевидно, открыть внутренний бокс. Бессмысленное занятие. Да и что он там искал — наличные деньги? Глупо!

И тут же я узнал потрошителя сейфа. Впрочем, трудно было не узнать. Вот он обернулся на мое покашливание, и я увидел его круглое лицо с очками на толстом носу, щетинистые усы...

Он с кряхтением распрямил спину и спокойно наблюдал, как я прохожу к своему месту, сажусь и соединяю пальцы на колене.

— Здравствуй, Эннеси, — говорит он и, посопев: — Ты хорошо выглядишь.

— Здравствуй и ты, Бомар, — отвечаю я. — Тоже неплохо выглядишь, Пухляш. Я бы даже сказал, превосходно.

Он бросает на пол металлический стержень со сплюснутым и раздвоенным концом, подходит к моему столу и садится в кресло напротив. Хлопает, вспомнив что-то, себя по лбу, лезет за пазуху и извлекает небольшой предмет. Осто-

рожно нажимает на выступ сбоку. Из предмета выдвигается короткая трубка. Пухляш бережно кладет ее на стол перед собой и поднимает на меня подслеповатые глаза.

— Поговорим? — спрашивает он.

— Поговорим, — соглашаюсь я, недоумеваю.

— Значит, так, — произносит он после недолгой паузы. — Ты мне сейчас отдашь диск Чермеца или же сам введешь его... — Он тычет пальцем в терминал, а до меня начинает медленно доходить идиотизм ситуации.

— Ничего не понимаю, — говорю я.

Но это не так, все прекрасно понимаю, мои пальцы начинают дрожать: на Холлуэе не оборвалась цепь благодетелей. «Хоть бы это все оказалось шуткой, розыграшем», — взмолился я.

— Вот это, — он показывает глазами на предмет с трубкой, — нейронная глушилка. Если не отдашь диск, буду вынужден прибегнуть к ней.

Я молчу. Он тоже. Сказать, что шел сюда единственно для того, чтобы ввести программу? Или молча подойти к терминалу, вставить диск, набрать код «Медглоуба», а потом указать гостю на дверь. И забыть Пухляша навсегда. Но кто поручится, что Бомар сочтет себя неправым? Отнюдь! Он — победитель и в следующий раз опять вломится ко мне с нейронным парализатором во имя очередного благого намерения.

Злость уступила место любопытству: неужели он действительно будет меня... пытаться ради всеобщего блага?

«А ведь будет», — подумал я, увидев его глаза. Пустые...

— Послушай, — миролюбиво спрашиваю я, — с чего ты решил, что диск у меня, а не в Совете? Откуда ты вообще узнал про код-рецепт? В «Новостях» еще ничего не было.

Он сопит, снимает очки и кулаком трет глаза. Если быстро перегнуться, то можно схватить глушилку. Интересно, где он ее взял, они же все номерные? Нет, он определенно болен, что-то с головой, возможно, это смягчающее обстоятельство, только надо еще дожить до следствия.

— Объясни, что тебя сюда привело? — Я стараюсь не смотреть прямо на него. — Любую проблему можно спокойно решить.

Если он сейчас потянется к глушилке, запущу в него диктофоном, а там видно будет. Но он сидит молча, неподвижно, а по лицу ползет странная гримаса. Когда я понимаю, что это улыбка, мне становится жутко — улыбающегося Пухляша я не видел лет двадцать, если не больше.

— Ты уверен, что тебе понравится объяснение? — спрашивает он.

— Откуда я могу знать, если я его еще не услышал.

— Сейчас услышишь.

Он лезет в карман и достает несколько мятых листов бумаги в прозрачной обертке. Кидает через стол.

— Сначала прочти это.

Делать мне нечего, как читать очередное безумное воззвание. Я, не глядя, возвращаю. Пакет падает рядом с креслом на пол. Но он не нагибается за ним.

— Напрасно, — говорит он, — напрасно ты бросаешься письмом. Тебя больше не интересует судьба Эдды?

Если он нашел ее и собирается вести торг, тогда он не болен, а просто подл. Я положил руки на стол, коробка диктофона теперь в нескольких сантиметрах от правой ладони.

— Она умерла, Оливер! — тихо говорит он. — Умерла четыре года назад.

Он берет глушилку, а я сижу и смотрю на него.

Он взял глушилку, сложил телескопический ствол, сунул за пазуху и откинулся в кресле.

— Ты очень большой человек, Оливер, и за четыре года не нашел времени навестить меня, наш дом. Ты звонил мне, когда тебе было плохо. Раз в год, в мае. А может, ты боялся встретить Эдду один? Но ты ни разу не позвонил и не спросил, а мне какво? Ты всегда был первым, но пришла она все-таки ко мне.

«Отчего она умерла?» — хотел спросить я, но не смог. Бомар опять снял очки и протер глаза пальцем.

— Она умерла после родов! — пронзительно выкрикнул он. — Ребенок родился мертвым, девочка! Твой ребенок. Ей нельзя было рожать, и она умерла! Виноват ты, только ты!

«Он лжет, — сообразил я, и оцепенение сошло с меня. — Ну конечно же, лжет. Это не может быть правдой и не должно быть правдой. Придумал сейчас, сию минуту».

— Ты восхитительно спокоен. Тебя смерть Эдды не трогает, ведь правда? Тебе неинтересно, почему она пришла к нам, почему смертельно рискнула? Твои великие заботы о всеобщем благе превыше всего! И ребенка ты не захотел взять, чтобы не отвлекал от управления. Чиф Оливер Эннеси — как это звучит! Или ты боялся быть плохим отцом?

«Надо, чтобы он замолчал. Это самая чудовищная ложь на свете, но надо, чтобы он замолчал. Я был бы хорошим отцом. Даже слишком хорошим. Я знаю, что это такое, и каким непомерным грузом ложится на приемного ребенка неистовая любовь таких родителей, и как они во имя любви идут на все и не могут остановиться...»

— Ты знал обо всем четыре года и молчал? — холодно спросил я.

— Как видишь, — ответил он, на секунду замаявшись.

— Bravo! Ты истинный друг, Пухляш! Что еще скажешь?

— Ты... не веришь?

— Чему верить? Тому, что ты сказал сейчас, или тому, о чем ты четыре года...

— Молчал.

— Что?

— Молчал. Говорил только ты, изливал душу, рассуждал о женщинах вообще и о загадках их психики. Ты говорил не со мной, а в меня. Если бы ты хоть раз приехал к нам, то узнал бы все.

— Так ты, дерьмо собачье, мстил мне четыре года из-за того, что я не приезжал в гости?

Бомар заскрежетал, и я содрогнулся. Смех? Нет, он заплакал. Все ложь. Больной человек. А я теряю над собой контроль, чуть ему не поверил.

— Ты отнял у меня Эдду, — сипло проговорил он. — Тогда, в колледже, и потом... Если бы не ты!.. Отнял у меня Эдду, а теперь отнимаешь мать. У нее саркома.

Он снял очки и положил на стол.

Матушка Бомар... На чердаке у них всегда было тепло, сухо. Я стоял у штурвала и вглядывался в заснеженное окошко, а Пухляш валялся в гамаке с видео на коленях. Штурвал с тугим скрипом вращался на железном шкворне, вбитом в темное дерево, от скрипа дергался и настороженно замирал паук, раскинувший сеть в углу. Паука звали Большим Серым Охотником. Время от времени я ловил мух и забрасывал ему в паутину. Эдда паука терпеть не могла, и когда мы разрешали ей подняться наверх, все норовила запустить в него туфлей. Туфлю мы отбирали, а Эдду спускали по лестнице. От крика и визгов содрогались крепкие стены дома Бомаров. А потом аромат пирогов с голубятиной восходил к чердаку, и

даже Пухляш оживлялся. С детьми, своими и чужими, у Бомаров было просто: их не заласкивали и не шпыняли — с ними считались. У них было хорошо, особенно в великие дни пирогов с голубятиной. Прибегал кто-нибудь из Ганко тащить Эдду домой — и застревал. Приходила заплаканная мама Клара и пыталась немедленно увести меня. Но матушка Бомар железной рукой усаживала и ее за необъятный стол. Потом собирались еще люди, Бомар-старший извлекал бутыл с краником у основания, начинались длинные разговоры, а кончалось пением или жуткими историями об Одноногом Дровосеке, о гризли-оборотне, о Поле Баньяне... Даже мама Клара веселела, а однажды спела балладу, удивив и немного обидев меня, — дома она была другая.

Почему же Пухляш сразу не сказал о матери? Это ведь меняет дело. Или нет? Ну, встретились старые знакомые, остро поговорили, но ничего преступного совершено не было. Сейф — пустяки. Правда, глушилка — это уже чуть больше, чем острый разговор.

— Почему ты сразу не сказал о матери?

Бомар пожал плечами.

— Что бы это изменило?

Он был прав, и я промолчал. Личные обстоятельства и мотивы не должны влиять на принятие решения. Совесть чифа должна быть чиста, но как быть, если ее лилейность оплачена кровью? Впрочем, решение уже принято, и все его дикие выходки из-за помрачения ума.

И насчет Эдды, естественно, вранье. Я потянул нижний ящик стола — вот бумага Матиаса. Диска не было!

Так. Для чего он устраивал здесь театр? Зачем ломал сейф, если диск у него? А может, он пришел не за ним? Странно.

— Мы посадили в ее изголовье саженец, — сказал он. — Она просила тебе ничего не говорить, пока не кончится срок управления. Тропинка к пруду заросла, но за могилой я присматриваю.

Надев очки, он встал. По его лицу вдруг прошла судорога, взгляд изменился, он странно посмотрел на меня и... захихикал.

— Они хотели, чтобы я заставил тебя уничтожить диск, но я их перехитрил! Они дали мне вот это, — он похлопал по глушилке, — и велели рассказать тебе кое-что. Но я их всех перехитрил! Ведь ты не допустишь, чтобы моя мать умерла!

Он возбужденно потирал руки. Какое-то безумие. Диск, безусловно, у него. Что ж, пусть вводит сам, если так приперло, я не против. Какое имеет значение, он или кто другой... Но как я устал!

— Если бы я отказался, они послали бы другого. Но я их убедил, что лучше меня никто не сможет.

— Уходи, Пухляш, — сказал я. — Ты получил, что хотел, вот и уходи.

— Уйду, сейчас уйду. Уже ушел, — замахал руками Пухляш, затем помрачнел. — Нет, пока ты при мне не введешь код, не уйду!

Он все же болен. Надо с ним поаккуратнее.

— Я тебя когда-либо обманывал, Бомар?

— Нет, но...

— Тогда в чем же дело? Диск у тебя, так что все в порядке, не правда ли?

— Прошу тебя, — тихо сказал он, — введи программу при мне. Или хотя бы покажи ее.

«А если он говорит правду, — мелькнула мысль, и я похолодел. — Кто тогда взял диск? Может, пока он морочит мне голову, некто уже крадется к терминалам? И вот еще вопрос...»

— Постой, ты говорил, что тебя послали. Кто тебя послал? Кого ты перехитрил?

Он снова захихикал, но я успел заметить настороженный и немного растерянный взгляд. Он наморщил лоб и собрался что-то сказать, но в тот момент раскрылась дверь и в проеме показалась фигура Апояна.

— Не помешаю?

С грохотом упало кресло. Бомар вскочил, судорожно дернулся корпусом и, откинувшись спиной на стол, сунул руку за пазуху. Я же подался вперед, схватил его за волосы и дернул к себе. Пухляш болезненно вскрикнул и выронил глушилку.

Апоян среагировал мгновенно. Он подскочил к Бомару и, отпихнув ногой парализатор, вывернул ему руки.

Бомар снова дернулся, я выпустил его волосы. Он ударился головой об стол, сказал «больно» и потерял сознание. Апоян с сомнением посмотрел на обмякшее тело, перетащил его в кресло и сказал:

— Кажется, у Матиаса прибавилось работы.

— Поищи, у него должен быть диск Чермеца.

— Нет.

— Не понял, — удивился я.

— У него нет диска. Диск — вот он.

И с этими словами он достал его из кармана.

— Полчаса назад я ввел ее в «Медглоуб».

6

Заседание Совета дважды переносили.

В представительский ярус набились операторы региональных сводок, журналисты, делегаты общественных конгломератов и просто любопытствующие, которым удалось проникнуть в здание.

Мы с Апяном прошли сквозь толчею и поднялись на галерею. Здесь никого не было. Я сел на диван и привалился к мягкой спинке. Саркис сел рядом.

— Экспертная комиссия к единому мнению не пришла, — сказал он. — Теперь подведение итогов вынесут на Совет. Чиф Соколов ругался и предлагал ставить вопрос о компетенции комиссии.

Я вздохнул, но ничего не сказал. Заместители знают все, у них отработанная система личных контактов.

— Матиас хотел встретиться с вами, но я просил не трогать до Совета.

— Что у него?

— Бомар.

— Хорошо, после Совета поговорю с ним. Хотя нет, сначала повидеюсь... Не выяснили, в какой больнице лежит мать Бомара?

— Она скончалась в прошлом году. Инсульт.

Секунду-две я ничего не понимал. Потом дошло.

— И в этом солгал!

— Нет, здесь сложнее. Матиас полагает, что в его деле замешаны фундаменталисты. Кое-кого задержали.

— Даже так!

— Не знаю. В общем, если подтвердится, им на сей раз не отвертеться. Манипулирование сознанием и так далее. Хотели уничтожить диск любой ценой. Фанатики.

— Понятно... Нет, непонятно! Бомар сказал, что перехитрил их, требовал ввести диск при нем.

— Матиас утверждает, что они использовали многоуровневый гипноз. Ему внушили, что программа представляет смертельную опасность для человечества. Второй уровень — его мать больна, и только новое лекарство поможет. Третий — он всех перехитрит. Четвертый — как только диск оказывается в пределах досягаемости, уничтожить любой ценой.

— Сложно, слишком сложно.

— Да, это смущает. Если это фундаменталисты, то что им стоило организовать налет на резиденцию? Несколько человек с глушилками, и все! Матиас не хотел мне говорить, но я догадываюсь, чего он боится. Возможно, кто-то в Совете ведет тонкую игру, возможно, опять корпорациям захотелось больших денег...

— О господи! Только этого нам не хватало!

— Чего нам всегда хватало, так это честолюбцев, — вздохнул Апоян.

Да, круги по воде идут, а волны мутны. Мог быть и пятый уровень — Пухляш как бы уничтожает диск, а на самом деле вручает его... кому? Вот и подозрительность в гости к нам пожаловала! Но сейчас мне все это было несколько безразлично.

— А как насчет Эдды? — спросил я. — Что-нибудь выяснилось?

Он покачал головой.

— Нет. Никаких следов. Очень странно. Мы задействовали все линии сети, впустую.

— Ладно, Саркис, оставим это. Кстати, спасибо, что зашел ко мне вчера ночью.

— Не за что, чиф. Собственно говоря, меня просила заглянуть к вам Корнелия. Предчувствия... Вас не было. Я

взял диск. Потом она связалась снова и опять попросила зайти.

Апоян встал, глянул вниз, в Круглый зал, и качнул головой — пора идти. Члены Совета и представители регионов постепенно заполняли ряды.

Мы спустились вниз. У входа меня перехватил чиф Соколов.

— Ну, ребята, навязали вы узлов, — сказал он сочувственно, а Саркиса даже легонько хлопнул по плечу. — Когда развяжете, приезжайте ко мне на недельку. В баньке попаримся, на охоту ходим, собак у нас двухголовых развелось, ужас.

Соколов говорил весело, но в глазах я видел тревогу. Я хотел ответить ему что-то, но он не стал ждать, кивнул еще раз ободряюще и вошел в зал.

Меня провожали взглядами, не скажу, чтобы это было приятно.

— Вы становитесь популярным, чиф, — вполголоса сказал Апоян, садясь в кресло рядом.

— Твоими заботами, — ответил я.

— Можешь подавать на конкурс постоянного члена Совета, — шепнул он.

— Сейчас, только вот шнурки подвяжу и побегу записываться!

Так мы перебрасывались словечками, наконец табло полыхнуло зеленым «кворум», и Рао дал слово председателю экспертной комиссии.

Я уже был в курсе проблемы. После того как «Медглоуб» проглотил код-рецепт, выяснилось, что переварить его не просто. Обычно на синтез новых препаратов уходит до смешного мало времени, фармацевтические комплексы отработывают проверочный цикл по ускоренной программе,

и препараты идут в сеть. А сейчас, впервые за многие годы, система заблокировала синтез, и не этические соображения были тому причиной, а голый и сухой экономический расчет.

Председатель экспертной комиссии включил демонстрационный экран.

— Для минимального насыщения препаратом всех больниц требуется полный шестилетний энергоресурс. Для выделения одной единицы препарата необходима переработка коры надпочечников более чем тысячи макак-резусов. Применение клон-мультипликаторов и поэтапный синтез при трехпроцентном выходе условно пригодного сырья...

Он говорил, демонстрировал снимки, графики, сыпал терминами, а я ждал, когда он заговорит о главном. Энергобаланс летит к черту — ну и черт с ним! Сто, двести, триста термоядерных блоков задействуем любой ценой, но чем платить за время?

— ...таким образом, — продолжал председатель, — при самой агрессивной стратегии монтажа станций насыщение препаратом возможно через семь-восемь лет. Если лимитировать все сервисные программы и законсервировать проект «Атлантида», то без особого ущерба можно синтезировать пятьсот единиц в первый год, затем столько же каждый месяц второго года и до двухсот единиц в день к концу четвертого года. Для полного излечения в зависимости от состояния больного требуется, по предварительным подсчетам, от ста до ста пятидесяти единиц. Здесь мнения членов комиссии разошлись... — Председатель сделал паузу и выключил экран.

— Принята рекомендация начать производство немедленно. Вариант, при котором синтез препарата предлагалось

начать только при создании полной энергетической базы, отклонен. Относительно критериев распределения единогласия достичь не удалось. На рассмотрение Совета выносятся частные суждения, а не согласованные варианты.

Мне показалось, что кто-то сзади удовлетворенно хмыкнул. Председатель подошел к Рао и что-то сказал ему, положив на стол материалы комиссии.

— Пусть меня назовут последним дураком, если не созрел Большой криз, — прошептал я Апояну.

— Да-а, — покачал головой Саркис, — на проблеме распределения спотыкались многие строители единого мира.

— Утешил! И все-таки один криз всегда тянет за собой другой. Как там у вас говорится о множественности несчастных случаев?

— Не у нас, а говорится так: «Беда не приходит одна».

«Да, именно, — подумал я, — не приходит одна. Проблема цепляет проблему, а наши бедные мозги трещат, пытаюсь непротиворечиво решить их все сразу. И попробуй не реши, не учти все последствия. Незамеченная мелочь вдруг чудовищно вспухает, и идут от нее новые метастазы проблем и кризисов».

На табло вспыхнуло: «Эксперт Шерпак». С места поднялся коренастый угловатый мужчина с неопрятными волосами.

— Мне кажется, чифдом Эннеси не имел права принимать решение, касающееся всего человечества. Это нарушение прерогатив Совета. Что касается препарата, то на первом этапе производства необходимо установить критерии предпочтительности. Одним из критериев может быть социальная ценность человека — работоспособность, талант, интеллек-

туальный индекс. Это неприятно, но неизбежно. Лучше спасти немногих, чем никого. Тем же, кто может приобрести лекарство за большие деньги, приоритет, его средства пойдут на ускорение производства.

Он сел. Вскочил чиф Маури.

— Позвольте! — чуть не закричал он. — Вы что же предлагаете: давать жить «лучшим» за счет «худших»? Создавать новую элиту? Нас и так упрекают за программу «Тысяча на миллион»! Мало того что и Эннеси, и Апоян совершили непростительную оплошность, не уничтожив программу, вы еще предлагаете усугубить кризис! Какая, к черту, социальная ценность?! Давать лекарство тем, кто в нем больше всего нуждается сейчас, сию минуту, кому сейчас хуже всех, а не делить людей на ценных или неценных! Так ведь можно договориться до того, чтобы припрятать запасец препарата на всякий случай, вдруг с членом Совета что случится!

Маури отыскал меня взглядом, укоризненно покачал головой и сел. Табло пригласило выступить эксперта Штайнбринка. На противоположной стороне зала кто-то уронил папку, зашелестели бумаги. Поднялся высокий брюнет и негромко заговорил:

— К глубокому сожалению, эксперт Шерпак не одинок, его точку зрения разделяют некоторые члены комиссии. Я представляю иную позицию. Предлагается некоторое время — год-два — вести накопление препарата с одновременным наращиванием энерго мощностей. Затем распределение начать с тяжелобольных. В этом варианте острота проблемы будет смягчена. Что же касается предположения чифа Эннеси о возможности роста этического потенциала, то оно представляется некомпетентным.

В зале зашевелились. Обвинение в некомпетентности могло обидеть кого угодно. Только не меня. Пока это все эмоции. Когда Совет вынесет решение, тогда и поговорим.

Слово взял постоянный член Совета Павлюк.

— Эксперт Шерпак не прав. Любой член общества должен быть уверен в том, что по сумме личных качеств он равен остальным. Иначе общество превращается в стадо или в стаю. И еще. Тут сочли должным ругнуть Эннеси и Апояна. Об этом еще скажут много, но я считаю, что им должна быть вынесена благодарность за доблестную ответственность. Не их вина, что все последствия не были учтены.

— Вы их никогда не учтете! — крикнули с места.

Поднялась седовласая женщина.

— Лооз, делегат движения «Новый человек». Что вы тут говорите о последствиях?! Вы их не можете учесть, поскольку любая этическая дилемма неразрешима. Только формирование новой личности, новых этических отношений выведет нас из тупика личной ответственности. Сейчас каждый отвечает за себя. Тогда как принципы Дидаскала...

В зале поднялся шум. Работа Совета вступила во вторую фазу — началась неуправляемая дискуссия. Сталкивались и вышибали искры аппробативные теории, ситуативная этика разбивалась об этику эволюционную, а самое интересное, после того как желающие выговорятся и выкричатся, родится формулировка или рекомендация, удивительно точная и продуманная. Эксперты и советники, колдующие над словами, выяснят мнения всех влиятельных лиц и учтут их. Корпоративный разум — великая вещь! Но как совместить его с личной ответственностью?

Опять заспорили о Дидаскале. Спорили уже десять лет и будут спорить долго. Человек, о котором известно только,

что он назвал себя Дидаскалом, прибил к дверям Института педагогики знаменитые принципы и облил себя горячей смесью. Самосожжение Дидаскала вызвало большой скандал и привело к отставке чифа Краузе, а Михаэлерплац в Вене стал местом паломничества сторонников немедленно возникшего движения за новую систему воспитания.

Апоян дернул меня за рукав и показал глазами на проход. Я обернулся. В дверях стояла Корнелия и что-то говорила распорядителю. «Я сейчас», — шепнул Саркис и пошел к ней. Ну вот, опять что-то случилось!

Мне стало не по себе. При всей своей экстравагантности Корнелия не прорвалась бы на заседание Совета без особой причины. Она могла вызвать меня к экрану. Но если она вылетела сразу же за нами, значит, дело плохо.

Моя рука оказалась в горячей ладони. Рядом сидела Корнелия, лицо ее было серьезно. Она выпустила мою руку, мотнула головой в сторону двери и пошла к выходу. До перерыва всего полчаса. Неужели так срочно?

Мы вышли на ярус. Корнелия пошла вперед, я следовал за ней. Она вошла в кабину связи. Диспетчера не было — она сама набрала код.

— Здравствуй, Эннеси, — наконец сказала она.

— И ты здравствуй, Корнелия! — ответил я.

— У нас неприятности. Не волнуйся, это не криз, — поспешила добавить она, заметив мое движение к выходу. — Саркис уже вылетел, Матиас... А, вот он!

На экране появился Матиас, осунувшийся, с кругами под глазами. Сегодня утром он разорвал свое прошение об отставке и извинился за срыв.

— Прошу полномочий на силовой контроль.

— Выкладывай сразу, что там у вас?

— У меня, — он потер виски, — у меня ничего. А вот у вас не очень хорошо. Посмотрите...

Возникло изображение площади перед домом, где размещалась моя резиденция. Площадь была заполнена людьми, с соседних улиц подходили еще и еще. Они смотрели на окна верхних этажей, судя по всему, молча. Толпа густела.

— У нас пожар? — спросил я Корнелию.

— Нет, — ответил за нее Матиас. — Они начали собираться с утра. Просто стоят и смотрят на ваши окна. Родственники больных. Мы пытались объяснить, что дело передано в Совет и по вечерней сводке новостей они все узнают, но они стоят, молчат и смотрят.

— Зачем вам контроль?

— В других местах они не стоят и не молчат.

На этот раз камера, судя по всему, находилась на борту платформы, изображение дергалось.

— Фармакологический центр в Эймери, — пояснил Матиас.

Сверху сооружения Центра казались нагромождением шаров и кубов, оплетенных серебристой паутиной. Центр опоясывала неровная шевелящаяся лента. Платформа пошла вниз, стали видны отдельные фигурки, «лента» оказалась скопищем людей. У некоторых в руках я разглядел плакаты со знакомым «Здоровье — сейчас!».

— Если они попадут на территорию комплекса, возможны несчастные случаи. Нужен контроль.

— Хорошо, — сказал я. — Свяжитесь с дежурным. К моему коду добавить сто три.

Матиас отключился. Я повернулся к Корнелии. Лицо ее было спокойным, глаза опущены. Да, опущены! Никогда не видел ее такой.

— Странно, как они узнали все до сводки?

— Слухи распространяются быстрее сводок, Оливер, а еще быстрее — надежда.

Надежда... Если бы они знали, какая идет мучительная переборка вариантов из-за каждой единицы энергоресурсов! Всемирная экономика — тонкий механизм, вывести из равновесия региональные группы интересов легко, а вот восстановить... Но могут ли больные ждать? Плюс сто три — контроль. Вчера звонил Калчев. Неограниченные полномочия — личный код плюс код Совета плюс триста семнадцать.

Я набрал код.

На ярусе мягко зашелестели двери, гул голосов ворвался в кабину. Перерыв.

Меня остановил чиф Баррето.

— Совет выслушает вас на вечернем заседании, — сказал он и подмигнул. — Держитесь, крик будет большой! Молодцы!

Я проводил его взглядом.

— О чем задумался, — дернула меня за рукав Корнелия, — молодец?

— Молодец, — согласился я. — И даже более того...

Я осекся.

— У нас есть пять часов, — сказал я Корнелии, — можем провести их вместе.

«И даже более того, — чуть не сорвалось у меня с языка. — Знала бы ты, — хотел сказать я, — что сделал сейчас «молодец». Воспользовался тем, что за общей суматохой мне оставили неограниченные полномочия, и разблокировал программу, введя только минимальную систему приоритетов. И пока мы сейчас разговариваем, идет большая перестройка «Медглоуба», а потом будут задействованы промышленные системы, и где-то че-

рез сутки одна за другой отключатся десятки сервисных программ. Когда поймут, в чем дело, обратного хода не будет. Ничего, обойдемся несколько лет самым необходимым, без деликатесов не умрем, и звезды подождут. Я видел их глаза...» Она крепко взяла меня за локоть.

— Махнем на Шварцхорн, там есть такое местечко! Заодно перекусим. Час туда, час обратно. А вечером получишь все, что тебе причитается! Я имею в виду, от Совета!

Корнелия улыбнулась. Я тоже.

— Ну что же, давай на Шварцхорн.

Праздник кончился вчера.

По полю шелестели гонимые ветром обрывки упаковок, бумажные стаканчики, разноцветные ленты. У глиняного осла копошилась детвора. Вырытые столбы лежали на земле, рядом уложены бухты канатов. Разбитые мишени белели на склонах.

Я сидел на камне у обрыва. Рядом, на моей куртке, сидела Корнелия и смотрела на сверкающую льдом вершину Шварцхорна. Мы сидели молча — все, что мог сейчас сказать, будет ложью, а что хотел сказать — пока не мог.

Вечером Совет примет решение. Но до того я все им расскажу. И возможно, в этот же вечер мы увидим, как один за другим гаснут огни промышленных комплексов, увеселительных каскадов и экспериментальных площадок. Так или иначе, дело сделано, и все, что обрушится на мою голову, заслуженно. Личная ответственность — да! Но где ей предел? Может, действительно необходима новая этика, а глобальная экономика требует иной системы воспитания? Почти все ругали нас за ввод программы, отмечая, правда, что на нашем месте, возможно, поступили бы так же. Но ведь и фун-

даменталисты ополчились на код-рецепт! Ну, у них свои зоны, они бьются против унификации мира, против повсеместного распространения достижений науки. Но если разум и фанатизм приходят в чем-то к согласию, то не здесь ли слабое место разума?

Мне ни о чем не хотелось думать. Сделанное — сделано! Надежда не умрет в глазах людей, пусть даже придется немного затянуть пояса.

Я сидел и смотрел. Рядом со мной — прекрасная женщина, и от нее исходит уютное тепло. Что еще человеку надо?

Дети подложили под глиняную скульптуру доски, палки, подтолкнули и, весело крича, покатали в нашу сторону. Вихрастый мальчишка вскочил на спину осла, радостно заорал и тут же спрыгнул. У края обрыва доски уперлись в камень, от криков зазвенело в ушах...

Дети ухватились за доски, раскатали — глиняный осел медленно перевалил вниз и закувыркался, разваливаясь на куски, дробясь, рассыпаясь...

1986 г.

ПРОЩАЙ, СЕНТЯБРЬ!

Каждое утро в мое окно стучится нечто.

Здесь очень богатая фауна. Я пока еще не разобрался, что именно летает, а что ползает. Живность мелкая и для меня безобидная: жуют непрестанно трубчатые мхи и время от времени для разнообразия — друг друга.

Нечто у моего окна — желтый пушистый шар с клювом. Лежище этих шаров я недавно обнаружил у излучины реки. Они ворочались, закапываясь в песок, елозили клювами по гальке и забавно покрывали. Большие цыплята, размером с футбольный мяч. То ли прыгают, то ли летают. Крыльев и ног не заметил. Впрочем, не приглядывался. Биологические исследования не входят в мои обязанности.

У меня нет обязанностей.

Сегодня триста шестьдесят пятый день моего пребывания на Багряной. Дни недели несущественны, захочу, и будет вечный понедельник. Время года здесь только одно — лето. Не слишком жаркое, не очень сухое, но лето, только лето... Оранжевые восходы, фиолетовые закаты, и все оттенки красного — днем.

Заурядная кислородная планета. Таких в Рубрикаторе сотни. Четвертая в системе красного гиганта. Два материка. Орбитальных ретрансляторов — два. Информационных буев — двадцать четыре. Людей — один.

* * *

Год назад, и может, в этот самый час, я стоял на балконе, высоко, и прохладный ветер с севера тянул долгое тоскливое у-у-у... Будь я волком, то затаил бы в полнолуние ветру вслед: у-у-у...

Но тогда, как и сейчас, был день. Там, на Земле, в своей квартире, я вспоминал, перетряхивал память до самых захлавленных уголков, высчитывал ошибки, действительные или мнимые, возвращал на хорошо унавоженной почве сомнений дерево вариантов каждого поступка и гадал, который из них ключевой.

И когда замигал наружный вызов, я отключил его. Через минуту он снова замигал. Это могла быть Лиза, но именно ее я не хотел сейчас видеть. И трижды именно, если это кто-либо из Десятки. Кончилась Десятка, кончился Учитель, попросим учителя Шамиссо отчитаться в своей бездарной деятельности и посмотрим, как он будет ворочаться на раскаленной плите.

Сигнал непрерывно мигал, с той стороны двери усердно прорывались ко мне. Может, по делу? Хотя какие могут быть дела у бывшего учителя! Скорее всего нашлась соболезнающая душа.

Снова сигнал. Пусть мне будет хуже, решил я и разблокировал вход.

— Итак, это вы! — сказал вместо приветствия высокий мужчина с длинными висячими усами. — А я — Клецанда из Общественного контроля. Вы не будете возражать, если мы займемся вашим делом? Разумеется, найдем хорошего протектора, поднимем все архивы. Вы меня слышите?

Я его слышал. Для начала совсем неплохо. Новое состояние порождает новые ситуации. Вот уже энтузиасты из ОК проявляют заботу. Ненавязчиво и скромно.

— Если вам трудно решить сейчас, мы свяжемся позже, — продолжал Клецанда.

Он посмотрел на меня и значительно поднял палец.

— Я хотел бы пригласить наших экспертов. Ваше дело будет прекрасным казусом для дискуссии, может, и всеобщей...

Только этого мне не хватало! Молодцев из ОК далеко занесло, но я им в эти дали не попутчик.

— Не могу принять вашей заботы, — ответил я гостю и посмотрел на дверь, давая понять, что разговор окончен. — Тем более что сейчас, приношу извинения, не имею намерения принимать у себя кого-либо.

Вчера я еще не мог вообразить, что буду в состоянии грубо оборвать человека, не закончившего разговор. Но Клецанда, вместо того чтобы холодно откланяться, только улыбнулся и после секундной заминки сказал:

— В таком случае позволю себе пригласить вас к нам. Приношу извинения.

Он поднял руку и разжал ладонь. Небольшой граненый хрустальный шарик завертелся перед моими глазами. Я удивился, но тут же сообразил, что это компактный гипнарк. Поплыли радужные пятна, шарик вдруг превратился в голубую ослепительную звезду, свет обрел звук...

Очнулся я в помещении с выключенными окнами. Связь не работала. Выход заблокирован. Ноги ватные, и стены расплываются, как после долгого процедурного сна. Минут через десять я пришел в норму. Я не знал, вернее, не мог сообразить, где я нахожусь, но при любых обстоятельствах собирался выбраться отсюда как можно скорее. И выяснить, кто и по какой причине меня изолировал. Что еще скажет Совет Попечителей, узнав о насилии над бывшим учителем?! Ничего, я продержусь. А вот что сейчас творится с Мурадом?..

* * *

Шестьдесят два года — почти старость. А полвека назад мой Учитель назвал меня Вторым. Он долго колебался, и если не болезнь Виктора, то вряд ли выбор остановился бы на мне. Добрый Учитель, ему казалось, что мне не хватает уверенности. Все-таки он назвал меня. А Первым, и без всяких оговорок, шел Леон, краса и гордость Десятки. Он получил мандат в одну из австралийских школ, мы изредка встречались на каникулярных сборах. Но после выпуска своей Десятки он ушел к освоенцам и, кажется, участвовал в четвертом десанте на Горизонт. В наставниках не остался.

Какое это было время! Долгая и многотрудная история освоения Марса, полная мытарств и трагедий, подошла к своему блестящему финалу — был сооружен и наконец-то задействован экваториальный фазоинвертор. Дальний космос стал ближним. И такое началось, такие открылись перспективы для многих из нас!.. Я даже начисто забыл, что являюсь Вторым, и очень удивился, когда меня сняли с рейса и вызвали в управление.

В приемной встретил сам начальник управления.

Он странно оглядел меня, провел в кабинет, усадил в кресло и вручил розовый бланк вызова на комиссию. Через много лет я понял, что значил его взгляд. Он уже тогда смотрел на меня как на Учителя.

После полугодового карантина я вошел в основную группу базмашенской школы 221. Физподготовку я любил, раза два даже брал призы на стендах и поэтому первого года не боялся. И напрасно! Нас гоняли похуже, чем на всех штурманских курсах, вместе взятых. Если у кого-то было особое мнение о своих способностях, то оно выветрилось через неделю, после канатных пятнашек, бега с

подвязками и мокрых простыней. Ровно год шлифовали нашу мускулатуру и психику. Тесты и кроссы, гокинг и нервные бревна, батут и колодец...

Главное началось потом! Первый год обучения мы долго вспоминали, расслабленно улыбаясь. Теперь уже шел не прыг и скок, а усиленный курс всех наук, в компакте, конечно, при этом никакой гипнопедии или нейродопинга. Десять часов в неделю, двадцать часов в неделю, а к концу второго года — десять часов каждый день. Лучшие обучающие системы, отменные Наставники, консультации ведущих мотиваторов, экзамены шесть раз в году, две недели отдыха, и опять занятия, экзамены, лавина информации, мозг распирает, а попробуй не перевари или забудь, попробуй на экзамене не ответить на блиц-опрос по совершенно другой теме...

Пять лет в школе стоили тридцати до нее. Ко дню Клятвы многие из нас уже перешагнули рубеж тридцати пяти лет. Затем год общения, год стажировки, коррекция и гармонизация педагогической премудрости. Наконец, я получил свою Десятку. Первую и, конечно, единственную. Пятнадцать лет вместе. Пятнадцать лет... впустую!

Когда я впервые увидел этих годовалых несмышленишек, вокруг которых вертелись, не находя места, родители, меня распирало от гордости. Я чувствовал себя Творцом, замесившим круто глину. Кого я вылеплю, тот и выйдет в мир.

Девочки заговорили чуть раньше, зато мальчиков потом невозможно было остановить. Лена, Аршак, Сима, Гриша, Саркис, Ирма, Мурад... Наш дом выбрали на родительском собрании за год до моего назначения. Он стоял на берегу речки, линию обеспечения провели от Базмашена. Неглубокое ущелье, а за ним начинался заповедник столбчатых базальтов. Прекрасные места!

Родительские комнаты занимали третий этаж, все остальные были в нашем распоряжении. Первые два года прошли нетрудно. Большая часть нагрузки легла на родителей. Но вот дети стали задавать вопросы, и от контроля и коррекции надо было переходить к активному воздействию. И тогда началась моя работа. На каждый вопрос своевременно ответить, учесть последствия ответа, любой поступок мгновенно экстраполировать, направить активность, сместить активность, элиминировать активность, формировать начальные структуры — и все осторожно, без нажима, весело и серьезно, чередуя игры и занятия. Сотая часть всего, чем мне приходилось заниматься...

Все головоломные переплетения нелинейных барьеров на Гиперборее и все бездонные каверны Горизонта были сущей ерундой по сравнению с детской психикой. Безупречная радость и чудовищная ответственность Творца, ежедневные, ежечасные приключения и испытания духа, знаний, личности — вот это была работа!

Но что и в какой момент я проглядел?

Кнарлик отобрала у Мурада игрушку, начинается веселая возня, но Мурад потом отказывается взять ее обратно. Что это было, не признак ли чрезмерной гордости? А в первый год знаний он сам лишил себя воскресной рыбалки из-за нерешенной задачи — требовательность или первый росток асоциальности? Не заметил тогда, а теперь буду вспоминать день за днем, искать в памяти слова и поступки, могущие оказаться ошибочными, — вот это воздаяние за плохую работу.

Линопласт слегка пружинит под ногами. Я иду от стола к окну, возвращаюсь к столу, снова иду к окну, задерживаюсь у него.

Горы почти не видны, их затянуло сиреневой дымкой. Но до сумерек еще далеко. Кажется — еще немного, и нач-

нутя дожди, лето кончится. Но осень здесь никогда не наступит.

Шар-цыпленок сегодня скучен.

Неделю назад он увязался за мной и допрыгал от отмели сюда. Скребся клювом в дверь, затем облюбовал окно, и каждое утро барабанил в него. Сейчас он вяло копошится под окнами, ковыряется во мхах.

Со стороны реки ветер несет какой-то желтоватый пух.

В соседнем помещении вдоль стены лежат ящики. Почти до потолка. Это мой архив, извлеченный из глубин Центрального Свода. Записи, наблюдения, видеотека, сочинения, рисунки, результаты контрольных замеров... Один из ящиков набит картинами Гриши. В девять лет он до самозабвения увлекся акварелью, через год внезапно переключился на биомоделирование и начисто забыл про краски. В другом ящике среди прочего лежит матерчатый пес с разными ушами — его сшила Ирма в три, нет, в три с половиной года.

Ящики постепенно опорожняются, приходится наращивать полки: видеоблоки — отдельно, журналы наблюдения — отдельно, дневники, мои дневники — на другую полку. Это все холст, грунт, первые мазки, а потом все должно сложиться в единую картину, имя которой — Белая Книга.

Скоро я начну складывать осколки воедино, а пока кружу по комнате, как тогда, год назад...

Я кружил по комнате, стряхивая с себя остатки гипнаркического беспамьятства. Когда я окончательно пришел в норму, входная панель отошла в сторону и объявился Клецанда в сопровождении двух молодых людей.

— Что все это означает? — спросил я, заложив руки за спину.

Клецанда не обиделся.

— Видите ли, — доброжелательно сказал он, — нам обязательно нужно побеседовать с вами.

— С каких пор Общественный контроль взял на себя функции Совета Попечителей?

— Хорошо. С этого и начнем. — Он кивнул сопровождающим, и те вышли.

Тут я понял, что они были вроде... как их... да, телохранителей. На всякий случай.

Мне стало смешно. Мальчишкам лет за тридцать. Клецанда, пожалуй, мой ровесник. Но если бы я позорно сорвался в истерику, то мог их телам нанести некоторый ущерб. Троиш со мной не справиться.

— Вы только выслушайте меня, а выводы делайте сами, и не обязательно сейчас. — Клецанда потрогал свои усы и продолжил: — Виновный должен быть наказан и будет наказан. Прекрасно! Но остальные, остальные!.. Я преклоняюсь перед Дидаскалом! Я преклоняюсь перед Учителями, сделавшими наш мир прекрасным и справедливым, насколько это сейчас возможно. Но, клянусь памятью первых Учителей, система образования себя исчерпала! Где же логика? Простая логика отношений требует, чтобы и Десятку, в которую вы входили, лишили полного доверия, а значит, вина ложится и на вашего Учителя, и на его Десятку, и на его Учителя, и так далее... Вы не находите?

— Не нахожу.

— Да? Но вы обратили внимание на то, что от здравого смысла до абсурда мы совершили путь всего в один шаг? Три века демонтажа традиционной семьи...

— А ведь вы не из Общественного контроля, — перебил я, с бесцеремонным любопытством разглядывая Клецанду, — вы «персоналист»!

— Рад за вас, — быстро ответил он, — это упрощает дело!

Минуту или две мы молча смотрели друг на друга. Мне наконец воочию довелось увидеть «персоналиста». Не героя анекдотов курсантских времен, не сотую долю процента социографических справок (мелким шрифтом в специальном приложении для научных библиотек), а живого, натурального «персоналиста». Их на Земле и в радиусе обитания наберется разве что несколько сотен, ну, может быть, чуть больше тысячи. Даже не горсть, даже не капля. Но все-таки нормальные, полноценные люди, которые в какой-то момент отрекались от Десятки и Учителя, публично снимали с себя разделенную ответственность и отвечали только сами за себя. Общество могло позволить себе такое отклонение, да оно не обращало на них почти никакого внимания. Дети, правда, иногда задавали вопросы — до них доходили всякие слухи о неких отщепенцах, но слухи эти ютились где-то между жутковатыми сказками и ночными историями.

— Вы нам нужны, — заявил Клецанда. — Пора наконец показать всем, какие идеи мы можем предложить миру. Разумеется, до референдума дело не дойдет, но дискуссию мы затеем славную. К тому же совершенно безразлично, чем она кончится. Важен прецедент, понимаете? Если вы опротестуете...

Он говорил, уговаривал меня, а я молча смотрел, как он размахивает руками. Вдруг мне показалось, что он разыгрывает маленький спектакль, а сам наблюдает со стороны и ждет моих реплик. Когда я окончательно уверился в этом, он на полуслове оборвал себя, улыбнулся и тихо сказал:

— Только не подумайте, что я подкапываюсь под основы бытия. Не зову вас в наши ряды. Хотя стоило бы попытаться. Скорее всего вы никогда не будете с нами, но рано или поздно

к вам придет мысль, возникнет сомнение: а все ли возможности старой этики мы перепробовали, прежде чем ее сломать?

Мне стало скучно. И стыдно. Стыдно за его Учителя, пусть даже Клецанда и отрекся от него.

— Вам, наверно, трудно давалась История Разума? — участливо спросил я. — Могу порекомендовать отличный восстановительный курс.

— Благодарю, — спокойно ответил Клецанда. — Непременно воспользуюсь вашей рекомендацией. Но если вы считаете, что за какие-то тысячелетия индивидуальная ответственность исчерпала себя...

Не дослушав, я подошел к нему, взял за локти и, легко приподняв, отодвинул от входа.

— Сейчас я уйду, а если ваши авантюристы попробуют меня задержать... Словом, не советую!

— Куда же вы? — удивленно развел руками Клецанда. — Напротив, это я уйду. Вам совершенно незачем уходить. Вы что же, свою квартиру не узнаете? Впрочем, мы перенесли мебель в соседнюю комнату. Беспокоились за вас. Извините.

И вышел.

После гипнарка с координацией плоховато, но хорош же я! Заперли, заточили, ах, ах! Не узнать свое жилье?! Вон на стене напротив висит маленькая картина Бояджяна: по степи мчатся, словно волны, всадники на коротконогих лошадах, а над степью тяжелые полосы облаков...

Включив окно, я несколько секунд смотрел на зеленое кольцо парка. Его наискось пересекал гребной канал, с высоты казавшийся темной трещиной.

На седьмой год мы переехали в Базмашен, в учебный центр. Родители остались в доме, место им нравилось. Встре-

чались с ними раз в неделю. Дети врываются ко мне в любое время суток и по страшному секрету, разумеется, сообщали, что они придумали для воскресного подарка и почему для него необходимо сию секунду и откуда угодно достать три килограмма лимонных ягод, двести метров нитинола, ореховую тянучку, губчатую платину и все такое...

Мурад, Семен и Лена дружили с соседней Десяткой. У остальных тоже было немало друзей по школьному городку. У меня прибавилось забот. Много сил и времени отнимало планирование: надо было срочно выяснять, кто из Учителей наиболее силен в прекрасном чтении, кто в биофизике, идти ли к ним на урок или приглашать их Десятку к нам. При этом ломая голову, увеличивать ли частоту таких посещений до двух раз в неделю или, наоборот, пора на некоторое время локализовать учебный процесс.

Голова пухнет от массы сопутствующих дел, а тут вдруг вылезает, скажем, Аршак с проблемами энформных логик, а ты сразу и не сообразишь, за что хвататься. Матричную историю и математическую философию в Школе я вытягивал на пределе своих возможностей.

Какое это было время! На сентябрьских торжествах я познакомился с Лизой. До моего Выпуска оставалось четыре года, а ее — три. Поначалу все было хорошо, но через год я вернул ей Слово, потом у нас наладилось, потом опять мы запутались... Так, в общем, до сих пор ни я, ни она не разобрались, что кому надо. Каждый остался при своем Слове, с ним, наверно, и успокоимся. Не судьба.

В последние годы, правда, отношения наши упростились, и Лиза несколько приутихла, и я расслабился, но прошлых лет растаял след. Где ты, школьный городок? Где ты, сентябрь?..

В десятилетнем возрасте у детей обострилось критическое осмысление мира. Ничего на веру не принимается, аксиомы и авторитеты пробуются на зуб, идет вторая волна вопросов. И среди них многократно и в самых забавных вариациях: неужели Учителю так трудно за всю свою жизнь воспитать только десять человек?

Рано или поздно задается этот вопрос. Потом еще и еще раз. Главное, почувствовать момент, когда наступила пора рассказа об учителях. Почему ими гордится человечество, какая лежит на них чудовищная ответственность за все и вся, почему последнее слово всегда остается за Учителем и почему за радостью мира иногда скрывается невидимая никому усталая печаль Учителя.

С этого начинается введение к курсу Истории Разума и продолжается до самого конца. В это же время Учитель начинает приглядываться к своим ученикам, чтобы за оставшиеся до выпуска годы успеть подготовить Первого и Второго, возможных кандидатов в учителя. Сколько их отсеялось, а сколько отвели себя сами! Это не делало чести их Учителю, но это было честно. Учитель — не разработчик, не мастер и даже не мотиватор. Он не имеет права ошибаться. Если ошибся — не Учитель! Как я...

Из-за пустяковой, возможно, ошибки такой позорный финал! Нет, у нас не бывает пустяковых ошибок, любая ошибка — конец! Но где, когда? Вывернуть Вселенную наизнанку, пустить время вспять, секунда за секундой просмотреть все сначала, найти несправедное слово, неверное действие...

Кончено, бывший!.. Теперь уже просто — учитель. Сколько «бывших» наберется на наш век? Пять или шесть, хоть отсчет веди! «Это был восьмой год от провала бывшего Учителя Шамиссо», — скажут историки, а курсанты будут понимающе кивать. Позорная точка отсчета!

И бедной усеченной Десятке переломан хребет бережным, неназойливым вниманием. Вежливые просьбы о внеочередном контрольном замере, мало ли что всплывет еще! Долгие месяцы, если не годы, будет восстанавливаться спокойная уверенность в себе. Бедный Мурад...

Закат на Багряной красив. Горизонт расслаивается на синие и красные полосы, медленно наливается фиолетовым небо, а в нем время от времени расцветают стрелчатые цветы метеорных дождей.

Перенося ящик из соседнего помещения, я задел боком терминальный выступ стола и чуть не выронил груз. Подхватывая его, случайно задел скобу фиксатора. И, разумеется, скоба осталась дурацким кольцом на моем пальце, а ящик немедленно распался на тонкие полоски. На пол со стуком посыпались видеоблоки, у некоторых отвалились крышки, и тонкие радужные диски разлетелись по комнате. Я постоял над безобразной кучей, затем махнул рукой и сел прямо на линоласт, посреди развала, собирая блоки по годам и разглядывая пометки на дисках.

С видеоблоками я возился долго и отсидел ногу. Чтобы размяться, решил пройтись, обойти территорию.

Снаружи было не очень темно, что-то вроде земных сумерек. Но темнее здесь не бывает.

Под окном зарылся в мох по самый клюв шар-цыпленок. Мне показалось, что он стал чуть больше. Может, это другой цыпленок? Хотя нет, вот темное пятнышко на клюве.

Я пошел по тропинке к кубу синтезатора, от него к реактору, хотел спуститься к реке, но посмотрел на часы и передумал.

Сегодня я надел часы. Сегодня день связи.

Код вызова я оставил только Лизе. Потом, когда-нибудь, я попрошу ее дать код Десятке... вернее — девятке.

За семь минут до связи я был уже за столом. Перевел дыхание, быстро сварил кофе и успел сделать несколько глотков.

Сигнал вызова я заглушил до предела и поэтому его не услышал. Вспыхнул экран, на нем появился юноша с эмблемой прямой связи на рукаве.

— Здравствуйте, — сказал он и замялся. На секунду, не больше. — Вы просили связь на полчаса. Если вам понадобится, можно будет продлить.

— Спасибо, думаю, что не понадобится, — ответил я совершенно искренне.

Каждая секунда прямой связи съедала уйму энергии, а я и так вечный должник.

Юноша исчез. На экране возникла Лиза. Она крепко зажмурила глаза и причмокнула. Наше приветствие.

— Я долго думала, что тебе сказать вначале, но ничего лучше «ну, как ты?» не придумала. Спросить?

— Спроси.

— Ну, как ты?

— Как видишь! — Я бодро выпятил грудь и для убедительности стукнул по ней кулаком.

— А ты не поседел...

— Не поседел или даже не поседел? — переспросил я и тут же мысленно обругал себя — и сейчас не смог удержаться. Ну почему каждый разговор с ней начинается и кончается выяснением, кто и что имел в виду и почему имел... Куда деваются чуткость, такт и понимание? Почему исчезает почти рефлекторное умение вести отменную беседу почти с любым собеседником? Очевидно, она не входила в эту категорию «почти любых». Или я выпадал из нее.

Лиза не ответила на мой вопрос. Она разглядывала меня, потом вдруг улыбнулась.

— Если бы не мать, я бы приехала к тебе.

— Как ее здоровье?

— Все так же. Не лучше и не хуже. Пробуем клеточные стимуляторы. Ходить еще не может.

— Передавай от меня поклон. Впрочем, не надо.

— Да, лучше не надо. Обещают за полгода поставить ее на ноги.

— Но тебе придется долго за ней присматривать.

Она опустила голову и поджала губы.

— Я все понимаю, — наконец сказала она. — Я начала сесть.

— Вот глупости! — ответил я. — При чем здесь это?

Несколько секунд она смотрела мне в глаза, потом вдруг всхлипнула.

— Только сейчас я поняла, какие мы были... Все равно ты от меня никуда не денешься!

«Денушь», — подумал я.

— Ты же понимаешь... — Я развел руками. — Мне... ты...

— Я все понимаю. Как только поправится мать... — Она снова всхлипнула и исчезла.

Юноша с эмблемой прямой связи выглядел растерянным.

— Ваш собеседник отключил линию. Если терминал неисправен...

— Все в порядке! — Я потряс ладонью для убедительности.

— Но... В вашем распоряжении больше двадцати минут. Есть еще один запрос. — Юноша вертел в пальцах прозрачный код-жетон. — Если вы не возражаете... Запрос шел через Совет Попечителей. Там оставили на ваше усмотрение.

Кто бы это мог быть? Кто-либо из десяти, то есть девяти? Нет, подобную бестактность они себе не позволят. И тут я

поймал себя на мысли, что простил бы им это. Хорошо, если просит связи Кнарик. Много говорить не будет, повздыхает, выпятив нижнюю губу, — уже теплее в сердце. Нет, не она. Гриша? Аршак?

— Ладно, — сказал я, — соедините.

И чуть не застонал от досады, когда на экране появилось длинное лицо и длинные же усы Клецанды.

— Приветствую вас!

Я ограничился кивком.

— Ну вот, если кому суждена встреча, то ее не избежать, раскидай их хоть в разные концы Вселенной. Вы неплохо выглядите. Как ваше здоровье?

— Так вы запрашивали Совет исключительно ради удовольствия осведомиться о моем здоровье? — спросил я.

Улыбка с его лица исчезла мгновенно.

— Нет. У меня есть к вам предложение. Просьба! Вы, наверно, уже пишете книгу, ну, понимаете, вашу книгу. Так вот, не могли бы вы, как бы это сформулировать... ну, несколько страничек, буквально несколько страниц — ваши мысли, эмоции и все такое... Все, что вы испытали, пережили в тот день. Я имею в виду день Суда. Если это вас не затруднит! Я понимаю, неудобно обращаться с такой просьбой, но...

Он с минуту расшаркивался словесами, а я смотрел ему в глаза и молчал. «Опять какая-то игра, — думал я, — опять «персоналисты» жаждут дискуссии или референдума. Прекрасно, но при чем здесь я? Что-то затянулась их возня вокруг бывшего Учителя. Теперь понадобились мои эмоции! Странно! Никогда не думал, что они так настойчивы.

— Я ничего не понял! Собственно говоря, что вам от меня надо? Какие еще заметки? Если у вас много свободного времени...

— Извините и еще раз извините, — перебил меня Клецанда. — Но нам действительно крайне интересны ваши воспоминания о том дне. Время связи истекает, а в двух словах теорию альтернативной этики не изложить. Если бы вы позволили в следующий раз, через год...

Я медленно покачал головой.

— Жаль. Ваш Учитель был уверен, что вы не откажете.

— Что-о?!

— Я немного знаком с Учителем Барсегом. Он, разумеется, не имеет к нам ни малейшего отношения и весьма скептически относится к нашим концепциям. Мы с ним соседи и иногда встречаемся в гостевые дни. Мы ему любопытны, не более. Он, сами понимаете, не хотел говорить о вас, но потом все-таки сказал, что теория альтернативной этики могла бы у вас вызвать интерес, и что вы занимались чем-то подобным за год до его выпуска. «Шамиссо полагает, — сказал он, — что повесть жизни закончена. Но это только пролог». Я не знаю, что он хотел этим сказать.

Он хотел еще что-то добавить, но в верхнем правом углу экрана замигали слова: «Одна минута».

Клецанда потрогал усы, наклонил голову и исчез. Конец связи.

Некоторое время я сидел перед пустым экраном, затем допил остывший кофе и встал. Все-таки никто из девяти не объявился. Они-то могли не посчитаться с моим запретом. А Мурад... впрочем, лучше о нем не думать, даже представить страшно на миг, что с ним...

Но Клецанда меня смутил. Гора родила мышь, и мышь оказалась дохлой! Если раньше я подозревал их в непонятных кознях вокруг меня, Мурада и Преступления, то все это оказалось пшиком. Мемуары им нужны! Но что имел в виду

мой Учитель? Никогда не увлекался и не занимался альтернативной этикой. Да чего уж там, впервые о ней я услышал только сегодня, от Клецанды. Что-то здесь не то!

Я прошелся по комнатам, включил пылесборник, выключил его, вскрыл еще один ящик — он тоже оказался с видеоблоками. Разбирать их не стал, сегодня буду листать дневники.

Выложив на стол первую стопку толстых тетрадей, я некоторое время сидел над ними, ничего не делая. Никак не мог сосредоточиться. Потом решил отвлечься и вышел из дома.

Там меня ждал сюрприз. Вокруг шара-цыпленка сновали маленькие клювастые шарики, полтора десятка, не меньше. Ну, вылитая наседка с цыплятами. Шар-наседка выглядел плохо, словно из него, или из нее, воздух выпустили. А потомство возбужденно подпрыгивало, размахивая острыми клювиками, и только я собрался умилиться этой картинке, как вдруг они набросились на шар-наседку. Во все стороны полетел пух, ветер подхватил его и понес. Я не успел опомниться, как от шара-наседки остались лишь тонкие полудужья скелета, а шарики весело запрыгали вниз по склону к реке, откуда ветер временами нес клубы пуха. Один из шариков отстал, несколько раз клюнул в подошву моих топталок и заскакал вдогонку. Вот, значит, как...

«Вот, значит, как», — повторил я про себя, вернувшись в дом. Однажды Учитель Барсег повел нас в Музей питания. Там был макет скотобойни... видеоряд... неприятные ощущения! Когда же это было? Вспомнил! Вспомнил. Никакими этическими теориями за год до выпуска я не увлекался, а взялся я тогда, и взялся основательно, за социомутагенез. Закопался в нем плотно, запутался сам, запутал Учителя.

Вместе долго сидели у терминала, что-то интересное получалось, а потом я вдруг остыл, забросил. Учитель огорчился...

Что же это — весточка от Учителя? Намек? На что? Неужели он полагает, что в идеях «персоналистов» что-то есть и пора к ним всерьез присмотреться, а заняться этим следует именно мне? Странно! Хотя социомутагенез... Мир, созданный Учителями, действительно совершенен, насколько это возможно сейчас, и должен совершенствоваться впредь. Но чтобы не растерять зерна будущих Систем Воспитания, придется быть внимательным и к сорнякам. Кто знает, что из них впоследствии вырастет.

Добрый Учитель! Не знаю, хватит ли у меня сил и желания взяться за проблему, подсказанную тобой. Есть дела, не терпящие отлагательств, а именно — Белая Книга. Собственно, ее начинаешь писать в день Суда. И я начал ее тогда, год назад...

Тогда, год назад, в день Суда, после нелепой стычки с Клецандой, я стоял у окна и смотрел вниз, на канал. Потом раздался предупредительный звонок, окно переключилось. Это был сам Ранганатан, председатель Совета Попечителей. «Суд через два дня, — сказал он. — Уже выслана платформа».

«А Мурад?» — чуть было не спросил я, но смолчал. Он будет ждать у входа.

Я вышел в коридор, транспортная лента вынесла меня на летную площадку. Над ней уже завис и с шипением опускался темный квадрат платформы. Я вошел в кабину.

Внизу потянулись зеленые зоны с вкраплениями городков и жилых башен, время от времени мелькали стартовые овалы портов, затем платформа нырнула в облака.

Во мне медленно поднималось опустошающее спокойствие. Что будет, то будет! Но вот что уже никогда не вернет-

ся, так это сентябрьские встречи, разговоры, веселье и шум праздника начала учебного года, когда в школьные городки съезжаются многие из предыдущих Выпусков, их Учителя...

Платформа пошла вниз, показалась кромка берега с белой ниткой прибоя. Нитка постепенно раздалась в ленту, вода осталась позади, и тут по курсу выросли синие шпили Зимнего комплекса.

У входа меня встретил Наставник, немолодой, темнолицый, с пушистыми бровями.

— Я провожу вас, — сказал он после приветствия. — Можете отдохнуть, время еще есть.

— Спасибо. Вот, возьмите... — Я протянул ему эмблему Учителя, которую снял с рукава по пути сюда. Темнолицый сунул эмблему в карман и, не оглядываясь, ступил на транспортную полосу. Я последовал за ним.

Он довел меня до дверей, обитых бледно-зеленой кожей, кивнул и ушел. В комнате меня ждала Наставница.

— Это обвинительное заключение, — тихо сказала она, протянув мне диск в прозрачном конверте. — Ознакомьтесь, пожалуйста. Вот терминал. С Протектором вы встретитесь перед началом. Он тоже принимал участие в расследовании.

— Благодарю. — Я взял диск и сел на диван.

Наставница вздохнула и вышла. Она еще молода. Быть может, подумала о своей Десятке.

Я просмотрел диск с обвинительным заключением и содрогнулся. Дела выглядели гораздо хуже, чем я предполагал. Ах Мурад, Мурад! Ну как он мог! Боюсь, он даже не догадывается, насколько все скверно.

Промышленный реактор класса «атанор» сожжен дотла. Пострадало восемь человек, очень серьезно, двое до сих пор в реаниматории. Что-то замкнуло в инжекторе, и один за

другим стали выгорать предохранительные стержни. Мурад покинул пульт, отключил автоматику и геройски полез в релейный отсек, чего не имел права делать ни при каких обстоятельствах. Мурада пытался остановить напарник, но он заманил напарника в подсобное помещение и запер его там. Час от часу не легче! И это мягкий обходительный Мурад! Откуда в нем эта жесткость?

Экспертная комиссия признала риск допустимым, но лишь в безлюдном варианте и только при отказе всех аварийных линий. Между тем в реакторном зале находилась группа технического обслуживания. Мурад знал, что там люди, его товарищи, он каждый день встречался с ними, говорил, улыбался... И тем не менее рискнул. Во имя чего? Автоматы сделали бы то же самое, хотя потом, насколько я разобрался в материалах, надо было налаживать все снова — работы на месяц или больше.

Ему не хватило нескольких секунд. Все пошло вразнос, хорошо, что сработала аварийная обойма. Не сработай она, от промзоны не осталось бы и пепла. Заражение района, непредсказуемые последствия. Он не имел права рисковать, зная, что есть угроза людям. Но когда, в какой злой час я не заметил ростков самоуверенности, вовремя не сместил, не сдвинул модусы?..

В комнату вошел Протектор, кивнул и протянул мне текст своего выступления. Я, не заглядывая в него, возвратил и поймал себя на мысли, что так, наверно, поступали и те, кто до меня пытался уйти достойно. Впрочем, для традиции слишком мало таких, как я.

— Буду настаивать на определении «неоправданный риск». Это около двух лет, но не более, частичного ограничения, —

говорит Протектор. — Правда, я не знаю, что потребует обвинитель. Его слово последнее.

Два года! У Мурада легкоранимая натура, травма останется на всю жизнь. На сентябрьские встречи он часто приезжал первым, и букет его был самым большим. Как он рассказывал о своей работе! А теперь...

А теперь Протектор, совсем еще молодой, миссия его чисто символическая, дань каким-то древним процедурам, смотрит на меня с жутковатым интересом. И конечно, его немного распирает от гордости. Скорее всего это единственный и последний Суд в его жизни. Ах, если бы знать, что ты последний споткнувшийся! К сожалению, тома Истории Ошибок медленно, очень медленно, но все же растут из века в век. Мы изучали их на последнем курсе, с горечью вчитываясь в сухие выводы и рекомендации, в выдержки из Белых Книг, полные отчаяния, сочившегося из скупых исповедей бывших.

Наконец с вводной частью покончено, и мы с Протектором вошли в зал суда. Огромное помещение было набито до отказа, многие сидели на полу в проходах. Ну что ж, каждый имеет право быть свидетелем редкого, но весьма поучительного зрелища. Только одному человеку запрещен вход, возможно, он будет топтаться у дверей, ждать исхода, а когда все начнут выходить, станет жадно хватать за руки, заглядывая в глаза. Ему будут неразборчиво-утешительно бормотать что-то, но не скоро он услышит приговор.

Стойка с баскетбольным щитом сдвинута в сторону, на ее месте помост. За столом сидят трое: Ранганатан, Фалькбергет, Верховный координатор, и мотиватор Синицина. За их спинами — зеленый штырь протоколиста.

Речь Председателя.

Речь Протектора.

Речь обвинителя.

Обвинитель говорит тихо, медленно выдавливая слова, но каждое из них все туже и туже закручивает во мне пружину. Я не поднимал головы, боясь встретиться с глазами Лизы. То, что она здесь, в этом большом зале, я не сомневался, и, возможно, где-то совсем близко.

Я отказался от заключительного слова. В самом деле, что я могу сказать сейчас? Вина тяжела, и целой книги порой не хватает для оправдания самого себя.

В ожидании решения я вспоминал сентябрьские встречи. Десятка собиралась у меня в Ангермюнде: разговоры до утра, воспоминания, планы, споры, а некоторые приезжали с семьями — крик, визг, кутерьма... Сентябрь! Сентябрь...

Все встали. Суд принял решение.

Утверждена формулировка обвинителя и принята Судом без изъятий и включений — «преступная самонадеянность, повлекшая тяжкие последствия. Рекомендуемая мера — десять лет полного ограничения». Высшая мера!

Зал неслышно ахнул, тяжелый вздох колыхнул разноцветные полотнища, не убранные после спортивного праздника, — нелепые, пестрые...

Я хотел что-то сказать, но будто стальные манипуляторы плотно взяли за горло и задушили крик. Мне не хватало воздуха, сердце раскаленной ледышкой барахталось в груди.

Десять лет! Мурад этого не переживет. Как хорошо, что его нет здесь, в зале.

Десять лет. Что же, выберу подходящую планету и засяду за свою Белую Книгу. За десять лет, может, и напишу. Но Мурад... Такого сурового наказания давно не было. Конеч-

но, вина моя велика, но ведь не было у него злого умысла, не было!

Бедный Мурад, он не выдержит! Знать, что твой Учитель, твой второй отец отбывает за тебя наказание, а ты можешь идти куда угодно и делать все что хочешь. Тяжело, когда кара обрушивается на тебя, но вдвойне она страшнее, когда из-за тебя страдает другой.

Я вернусь через десять лет, когда истечет срок моего ограничения. Привезу книгу, в которой день за днем все будет описано, разложено, чтобы кто-нибудь потом нашел мою ошибку в воспитании и обвел ее черной линией. Я вернусь через десять лет, десять лет добровольного одиночества с редкой, раз в год, связью.

Но сколько выдержит он, Мурад, среди людей, которые изо всех сил будут вести себя так, словно ничего не произошло и он совершенно такой же, как все?

Если я все же напишу для «персоналистов» что-то вроде воспоминаний, то назову их так: «Прощай, сентябрь!..»

1980 г.

КНИГИ МЕРТВЫХ

Поток редакционной почты выплеснул на мой стол неприятно отпечатанную рукопись, претенциозно озаглавленную «Некоторые разыскания в области виртуально развернутых метафор». Поскольку отдел литературы в научно-популярном журнале был давно ликвидирован за ненужность, то судьба уготовила посланию корзину для бумаги. Однако небрежно пролистав рукопись, я обнаружил упоминание о фантасике. В отделе писем, вероятно, тоже наткнулись на них и по этой причине адресовали мне. Фамилия автора была незнакома, обратный адрес отсутствовал.

Речь шла о каких-то бумагах и людях, вернее, о людях и их бумагах. Запутанное, я бы даже сказал — сумбурное повествование позволяло судить, что автор знаком с Борхесом, Кастанедой, Лемом или по крайней мере что-то слышал о них.

Осмотр конверта, в котором находилась рукопись, выявил, что она вообще не предназначалась нашему журналу. Старое помещение редакции находилось в жилом доме и после переезда в особняк до сих пор еще некоторые письма приходят по старому адресу. Разумеется, письмо было вручено курьеру, благо старое помещение было неподалеку. Вскоре курьер вернулся, сообщив, что по указанному адресу никто не проживает, а соседи поведали, что жильцы давно продали свою квартиру какому-то ныне прогоревшему малому предприятию и уехали.

Ситуация с подозрительной неумолимостью приобретала характер, чем-то напоминающий ход событий, изложенный в рукописи. И чтобы разорвать эту назойливую цепочку совпадений, я предпринимаю попытку опубликовать эту рукопись. Единственное вмешательство в текст, которое я себе позволил, — это изменение названия в сторону лаконичности и удобочитаемости, и кое-где ввел сноски.

Москва, 1990 год

1

Некий Дмитрий Ханин, малоизвестный знаток оккультных наук и тайный магоборец, незадолго до исчезновения оставил у знакомых свою рукопись, которая впоследствии также исчезла при заурядных обстоятельствах.

Толстая тетрадь без обложки, с выпадающими пронумерованными страницами с 24-й по 69-ю была втиснута между телефонным справочником города Москвы за 1979 год и вторым томом собрания сочинений Серафимовича. При переезде с квартиры на квартиру тетрадь попала к знакомым знакомых, а затем пошла по рукам, рассыпаясь, пропадая частями. Окончательно расточилась она приблизительно к году 1989-му. К этому времени бывшие «самиздат» и «тамиздат» были обнародованы практически во всех издательствах, а потому содержание тетради и факт ее исчезновения остались незамеченными.

Не прошло и трех лет после исчезновения Ханина, как он вдруг лично объявился в Москве — сытый, лощеный и с американским паспортом в кармане. Навестив знакомых и родственников, он посетовал на пропажу тетради. Дело в том, что он начинает издательский бизнес и ему хотелось бы восстановить и опубликовать свой труд. Можно написать заново, но не будет первоизданного пафоса, да и теперь никто и

ничто не заставит его перечитывать сотни томов советской классики.

Просьба Ханина отыскать пропавшую рукопись была встречена прохладно. Некоторое оживление возникло после того, как он небрежно повертел в пальцах кредитную карточку «Америкэн Экспресс» и пояснил, что любой обнаруживший или восстановивший содержание рукописи будет немедленно вознагражден уместным количеством долларов.

После чего Ханин отбыл.

Кто-то из друзей Ханина, поднатужившись, вспомнил о рукописи как о своего рода сборнике окололитературных анекдотов, другой, напротив, утверждал, что литературой там и не пахло, а речь шла про обычаи полузабытых племен острова Борнео.

Предприняв ряд вялых тыков в разные стороны и не обнаружив концов рукописи, друзья и знакомые махнули рукой на затею. Однако юный родственник одного из друзей Ханина, сын благородных родителей, наслышавшись разговоров о заветной тетради и валютном призе за ее находку, энергично взялся за дело, благо имел острое желание приобрести мотоцикл марки «Харон».

Юношу звали Константин Недолин, ему было тогда 18 лет или около того. Пока визит Ханина оставался свежим в памяти родни, он составил имена всех, кто мог быть знаком с содержанием тетради, и после этого предпринял большой обход, записывая все, что удалось выудить из памяти людей.

Через полгода он накопил сведений достаточно для того, чтобы фрагментарно восстановить некоторые рассуждения Ханина. Юного палеонтолога не остановила сумбурность и противоречивость уцелевших или восстановленных тезисов. Не смутило и повторное исчезновение Ханина — все попыт-

ки обнаружить его по телефону или через отъезжающих ни к чему не привели. Нью-йоркский телефон долго не отвечал, а когда ответил, то оказался стоящим в конторе, занятой сбытом искусственных цветов. По адресу же его, как вскоре выяснилось, никто не проживал и жить не собирался: дом этот находился в одном из самых запущенных и жутких клоповников Бронкса и сгорел лет десять назад, ныне представляя собой пустую коробку.

Одновременно с поисками Недолин изрядно разнообразил и расширил круг своего чтения. Литература, которую Ханин в свое время собирал по крохам и ксерокопиям, стала доступной. Хотя это были самые верхи тайных знаний, Недолин по счастливому своему невежеству счел, что их тоже вполне хватит, дабы разобраться в терминологии и понятиях, которыми оперировал Ханин.

Увлечшись восстановлением пропавшей рукописи исчезнувшего Ханина, Недолин к осени созрел до мысли о том, что по завершении его труда либо появится хозяин тетради, либо, он, Константин, окажется в том месте, где обретается ее автор.

С Недолиным я познакомился случайно. Друзья моих знакомых попросили занести письма в дом по соседству, дабы затем они с оказией разошлись по штатовским адресам. Отъезжающий, крупный молодой парень с короткой стрижкой, паковал чемоданы и, небрежно перебрав конверты, кинул их в сумку. Как потом выяснилось, Константин уезжал в Нью-Йорк по приглашению Ханина. Предстоящий отъезд сделал юношу словоохотливым, и его несвязные высказывания возбуждали мое любопытство.

Так я сделал первый шаг.

Ряд знакомых, у которых пересекались пути Ханина, Недолина и мои, поведали историю тетради и ее поисков. Замечу, что о Ханине до сей поры я ничего не слышал, хотя это казалось весьма странным: круг его общения был невелик, а сферы наших интересов соприкасались.

Рассказы третьих и четвертых лиц, их впечатления о дошных поисках Константина и мои собственные разыскания составили мешанину, в которой нелегко было разобраться, где ханинское, а где недолинское. Оставалось переварить все как есть. Что я и не преминул сделать.

2

Насколько мне удалось выяснить, первотолчком исследований Ханина (по крайней мере то, что удалось восстановить или интерпретировать Недолину), пробавлявшегося до сей поры гаданием на кофейной гуще в салонах московского полусвета, снятием мелких порч и разоблачением шарлатанов, выдающих себя за магов, и выявлением тщательно законспирированных магов, ни за кого себя не выдающих, явилось, к его же удивлению, небезызвестное, а ныне полузабытое высказывание тогдашнего президента Соединенных Штатов Америки Рональда Рейгана, обозвавшего нашу страну Империей Зла.

Недолин полагает, что абсолютно немотивированный факт сбоя несокрушимых и легендарных идеологических структур настолько поразил Ханина, что он трижды зафиксировал свое удивление в пропавшей рукописи. По крайней мере на три разных источника ссылался в своих заметках Ханин, а по-

сколькx описания эти не совпадали, то следовал вывод, что имело место тpоекратное воспроизведение первотолчка.

Итак, была попорана аксиома любой пропаганды — для успешной промывки мозгов своего или чужого населения обработка должна вестись монологично, однонаправленно, не допуская ни в коем случае диалога. Противник как бы не существует в действительности, его доводы и контрдоводы игнорируются. Уже в самой аксиоматике пропаганды заложен солипсический заряд большой разрушительной силы, но тогдашнее окостенелое политизированное сознание Ханина (разумеется, в оценке Недолина) проигнорировало этот момент. Впрочем, уподобляясь им, проигнорируем и мы.

Какими только отборными выражениями не клеймили закордонные враги последнюю Евразийскую империю за последние семь десятилетий, как не кляли, но почему-то относительно безобидное сочетание двух слов — «Империя! Зла!» — сверх меры распалило идеологов, агитаторов и сочувствующих.

Погрузившись в грязные волны однопартийной риторики, Ханин вынырнул весь в дерьме, но ответа на вопрос так и не нашел. Знакомство с куцыми обрывками западных публикаций и внимательное слушание радиоголосов тоже не дали ответа на вопрос: «Почему возникла столь неадекватная реакция, какие тайные мозоли державы отдавлены, где тот гнойник, вскрытия которого боялись?» Суть триединого вопроса имела и внешнее оформление — почти детская обида и надутые губки вождей всех ранжиров.

Ханин зашел с другого конца или, для любителя образов, заплыл с другого берега. Пусть — Империя Зла! Но как мог возникнуть такой образ? Искать ответ в ассоциативном ряду бывшего киноактера, насмотревшегося фильмов про звезд-

ные войны, — хорошая работа для психоаналитика. Ханин же догадывался, и в этом, как мне рассказывали, Недолин готов был поклясться, что здесь сфера профессиональных интересов не психоаналитиков, а специалистов иного рода, к коим, естественно, он причислял и себя.

Карты разложились нехитро. С точки зрения среднего, типичного, среднестатистического, заурядного американца (с кухонным комбайном, звездно-полосатым флагом над собственным фанерным домом и парой-тройкой тщательно запрятанных в подсознании юношеских грехов), мы и впрямь выглядели если и не самой цитаделью Великого Зла, то уж как минимум коронными землями Хозяина Тьмы.

Впрочем, средний американец, насквозь пропитанный ханжеством, тщеславием и невыносимым комплексом превосходства, наверняка ничего о нас не думает. Возможно, он и не думает вовсе. Высокособый же интеллеktуал знакомится с нами скорее всего не через погружение в быт (этого не вынесет никто, а кто стерпит и выживет, назовет страну даже не империей зла, а истинной преисподней, будучи, разумеется, совершенно неправым), а через то отражение действительности, которое в народе зовется искусством.

Литература и кино — вполне репрезентативная формализация идеи духа страны, решил Ханин, не подозревая тогда, насколько чудовищно достоверна его догадка. Он взглянул на нашу словесность и кинематограф глазами американца. И содрогнулся!

О чем бы ни шла речь, какой бы хитрый сюжет ни свивал автор или сценарист, какими бы изощренными способами герои ни преодолевали препоны, расставленные досужими сочинителями, итог всегда сокрушителен. В подавляющем большинстве мало-мальски художественных произведений

фатально торжествовало зло! Причем в наиболее откровенной, злобно неприкрытой форме.

Как бы ни крутились критики и литературоведы, на кого бы ни ссылались, начиная с Аристотеля с его пресловутым «катарсисом» и кончая хотя бы равно пресловутыми Храпченко или Метченко, как бы они ни тужились объяснить необъяснимое, все было пугающе неизменно: наиболее типичным для советского социалистического реализма является победа зла. Ссылки на высокое очищение трагедией, на ее пафос и иные «метафизические намеки» были притянуты дешевыми литературоведами за отсутствующие уши.

Итак, финал произведения венчался убиением или умерщвлением протагониста. В более мягких вариантах положительный герой попросту истреблялся морально или физически: увечье, слепота, ампутация и тому подобные прелести. Пусть даже на фоне его кончины (подвига, самопожертвования, несчастного случая...) ликуют миллионы, пусть торжествует пятилетка (разбит отряд карателей, задута очередная домна, временно неверная возлюбленная одумалась и возложила цветы на могилку...). С точки зрения здравого смысла усредненного американца, смерть героя есть его поражение, а если герой есть воплощение или носитель добра — не важно, какие исходные эстетические маркеры стратифицируют антагониста и протагониста. У этих помешанных на спортивности, а вернее, на спортсменстве, янки — раз ты проиграл, то проиграл тот, кто делал на тебя ставку, проиграла команда, которую ты представляешь, и, самое важное, проиграл Главный Тренер.

Смерть героя есть победа зла. И никак иначе!

Судя по моим впечатлениям, на доводы и примеры Ханина наложились сюжеты увиденных в большом количестве

Недолиным американских видеобоевиков. Однако это имеет скорее комплементарный, нежели деривационный характер, и поэтому легкие хронологические несуразности не расстраивают цепочку доказательств, а проскальзывающие намеки на ритмичность, возможно, всего лишь недолинские рефлексии по поводу ханинских попыток придать своим логическим конструкциям структуру заклинаний, снимающих чары.

Сопоставляя астрономические тиражи наших изданий с западной видеопродукцией, Ханин находит их адекватными — в соответствующей среде, разумеется. В противном случае бессмысленно сравнивать процессы формирования стереотипов сознания.

Итак, о стереотипах. Вот Герой лично побеждает злодея, и в сознание закладывается модель победы над злом. Ложная или истинная модель — абсолютно безразлично. Сопереживая герою, зритель или читатель как бы сам одерживает победу. И наоборот. Произведения же без хэппи-энда обречены на успех разве что у горстки интеллектуалов, которые хоть и претендуют на роль «воспроизводителей» общественного сознания, сами носителями означенного сознания являются только во второй или третьей производной.

Словом, здесь Ханину — а вслед за ним и Недолину — удалось быстро проскочить первую ступень постижения. Определив правомочность бытования термина «империя зла», они вскоре забыли американцев и обратились к отечественной культуре, доискиваясь причин столь рокового и даже чуть ли не ритуального умерщвления мало-мальски положительных героев, неизбежно вызывающих сопереживание, а следовательно, и «соумирание» десятков и сотен миллионов читателей и зрителей.

3

После длительной возни с продуктом, условно именуемым «специфическое отображение действительности», наши исследователи подступили было с дрожащими от нетерпения пальцами к самой действительности, но предошущение истины оказалось столь невыносимым, что они временно ретировались. Каждый в свой черед, разумеется.

Справедливо полагая, что формирование так называемого советского искусства является вторичным, они обратились к первоисточкам.

Незадолго до семнадцатого мая тысяча девятьсот восемьдесят пятого года Ханин предположил, что сухие термины «базис», «надстройка», «ВКПб» и им подобные в подобном же ряду подобных суть фрагменты чрезвычайно сильного заклинания либо же составляющие элементы имени древнего демона.

Взяв за основной предмет исследования «коммунистическую идеологию» (она же — «научный коммунизм», она же — «всепобеждающее учение» и т. п.), Ханин сообразил, что эта генеративная структура является прародительницей практически всех доминирующих у нас подструктур. Сия, в общем, банальная мысль его весьма вдохновила. Однако, чувствуя неподъемность темы и невозможность разгребания накопившихся за десятилетия завалов, он потратил немало сил и времени на поиски способа магического постижения всей парадигмы «коммунистичность». Разумеется, это был единственно верный путь. Анализ всего, что входит в комплекс коммунистической идеологии, истории, образа мышления и т. п. как некоего единого образования (чем оно, по сути, и являлось, а отсюда и смертельная борьба за целост-

ность учения, война с фракционерами и т.п.), как некоего неразъемного предмета, знание истинного имени которого позволит упорядочить его взаимоотношения с внешним миром, и, следовательно, обезопасить. Их не смущала догадка о том, что в красной магии вообще нет истинных имен, хотя они понимали, что предмет требует исключительно осторожного обращения.

Попытки медитировать на образ «коммунизма» ни к чему, кроме ядовитой изжоги, не привели.

Подвергнув предмет магическому воздействию, они, возможно, предполагали осуществить его развертку по всем осям бытия и в конечных производных свести к нулю в любой системе координат. Что бы ни означало предыдущее высказывание (один из немногих уцелевших фрагментов — запись Недолина на обрывке почтового конверта со слов близкого друга Ханина, пробормотавшего их в краткую минуту просветления между запоями), смысла в нем, очевидно, не больше, чем в остальных, но и не меньше.

Мне так и не удалось выяснить, кто именно произнес эти слова — друг Ханина или сам Ханин, если предположить, что два запоя относятся к нему, а не к другу.

Приблизительно через полгода после начала размышлений была вычислена или угадана (скорее всего, учитывая непрерывную самовоспроизводимость мира, ее просто вспомнили) операционная матрица, позволяющая, как надеялся исследователь (который из нас?), безопасно или по крайней мере безболезненно раскрыть и идентифицировать предмет.

Был определен дескриптор. Правда, вопрос, насколько эффективны попытки обезопасить себя от последствий такого определения, остался без ответа. Несколько утешало, что вводимое понятие сплошь и рядом, а часто ни к селу ни

к городу употреблялось в прессе и вроде бы без особых последствий.

Так или иначе, слово было произнесено. И это слово было — зомбификация.

Совокупность явлений и процессов, именуемая зомбификацией*, поначалу казалась исследователю субституцией некоего истинного способа действия, по обнаружению которого произойдет вытеснение субститута. Однако выяснилось, что зомбификация имеет характер более универсальный, чем можно было предположить, исходя из повседневной практики. Идея магического лишения жизни (не умерщвления, а как бы отделения души от тела и замены души ее субститутом, заменителем, подвластным злодею, осуществляющему зомбификацию) — всего лишь отблеск проявления могущественных чар из арсенала древних магов и современных демонов, в равной степени пытающихся заменить индивидуальное сознание, личную доблесть и бессмертную душу на ум, честь и совесть эпохи.

Основной объем утерянной рукописи, а впоследствии и воссозданного варианта занимал перечень сюжетов, имен и событий, своего рода сводная таблица преданий, мифов и легенд, хорошо известных любому гимназисту в свое время, не говоря уже о приват-доцентах, и основательно забытых в эпоху поголовной грамотности.

Все эти Анубисы, Бальдуры, Вирбии, Гранны, Донары, Зевсы, Исиды, Кибелы и так далее, до Ям-вана и Ярилы включительно, представляют интерес познавательный. Но для воссоздания разысканий Ханина и Недолина они несущест-

* Почти исчерпывающее определение зомбификации и варианты ее практической реализации в нашем обществе даны в эссе В. Пелевина «Зомбификация».

ственны. После того как мне удалось связать некоторые разломаченные концы и обрывки сведений с пересказами четвертых лиц, считающих все эти поиски блажью, погоней за тенью метафоры, эстетской отрыжкой, чувство того, что в итоге обнаружена пустота, крепло, и только сожаление по утраченному времени заставляет продолжать повествование.

Кроме того, крепло подозрение, что эта пустота — суть единственно истинное или в крайнем случае не ложное.

4

Вторая ступень постижения являла собой некий субстрат, выжатый из хронологических таблиц, пропущенных через матрицу зомбификации. Собственно говоря, исследователи могли прийти к своим выводам более простым и успешным манипулированием смыслами, но что-то заставляло двигаться шаг за шагом, словно обходя изнутри слева направо некий круг с вписанной пентаграммой и постепенно входя в спираль, закручивающуюся в точку, почти совпадающую с местоположением центра пентаграммы.

Разгон был неплох. Определив постулаты коммунизма как своего рода зомбификацию христианской идеи, наши исследователи, а может, только один из них, смело устремились в глубь истории и, естественно, вывели христианство как своего рода же зомбификацию идеи вечно умирающего и воскресающего бога (или богов)*. Здесь бы им остановиться,

* Можно сделать вывод, что дурно переваренные брошюрки по истории религии легли на старые дрожжи «карманных справочников атеиста» и иной подобной продукции. Отсюда и выводы.

поскольку становится ясно, что и все потуги ума Ханина (или Недолина) есть всего лишь зомбификация процесса исследования. Но инерция соблазна была слишком велика, и следующим ходом было выведение идеи умирающего и воскресающего бога зомбификацией прозрений о сущности жизни как круговороте говна в природе.

Испугавшись результатов изысканий, Ханин (а у меня есть основания полагать, что это был он, так как характер Недолина толкнул бы его на следующий шаг — другое дело, что сделать его он просто не успел) произвел ретардацию и вернулся на исходную позицию.

Остановившись на определении «коммунистичности» как зомбификации христианской идеи, Ханин (а впоследствии и Недолин) долго топтался на уточнении матрицы зомбификации. Все эти занятия были своего рода игрой ума. Выстраивались бинарные оппозиции типа «жизнь — не жизнь», «смерть — не смерть», а в итоге сложилась довольно-таки забавная теория бессмертных множеств. Математические познания Недолина (спецшкола с уклоном, брошенная по состоянию здоровья родителей) помогли выстроить некое подобие теории бесконечных множеств состояний, каждое из которых, в свою очередь, являлось бесконечным же множеством состояний, по мощности не уступающем (речь идет о множестве) основному, первоначальному. Еще немного, и кто-то из них додумался бы до концепции зомбического континуума, но одному не хватило воображения, второй же вовремя остановился.

Очевидно, с этого момента записи в тетради приобрели иной характер. Описание вудуистических ритуалов и структурный анализ первомайских и ноябрьских торжеств сменились цитатами из Шолохова, Булгакова, Эренбурга, Казакевича, Фадее-

ва, Платонова, Ильфа и Петрова, Аксенова, Симонова, Максимова... Собственно говоря, цитаты идут до конца тетради без комментариев, как бы иллюстрируя некий тезис, внятно изложить который исследователь почему-то опасается. Удивляло то, что вперемешку цитировались как до оскомины знакомые перлы официоза, так и выбранные места из «самиздата». Значительно позже ко мне пришла догадка, что необходимости в иллюстративном материале вообще не было: каждому, кто знакомится с этими тезисами, достаточно вспомнить то немногое, что отложилось в голове от школьной премудрости. Вернее, все вспомнится само.

Действительно, излагая друзьям и знакомым свои домыслы и предположения, оба исследователя практически не приводили цитат и примеров. Обнаружилось, что у каждого человека от даже, казалось, начисто забытых произведений сохранилось в памяти достаточно, чтобы самому подкрепить, проиллюстрировать тезисы Ханина или Недолина. Было в этом что-то пугающее, впрочем, так оно и должно быть: книги советских писателей больше, чем книги.

Недолин же, судя по рассказам знакомых, до недавней поры практически ничего не читал, как и большинство его сверстников. И поэтому надолго засел в библиотеке, восстанавливая ход поисков Ханина. Можно предположить, что именно тогда у него возник (или, как он мог предположить, был восстановлен) образ «коммунистического завтра» как своего рода дурно переваренная идея загробной жизни. Мысль весьма несвежая, но она поразила исследователей, поскольку выламывалась из логически и магически непротиворечивой системы зомбификации. То, что, зомбифицируя христианство, «коммунизм» оставил некоторые его структуры дееспособными, в общем-то не противоречит и не мешает самому процессу зомбифицирования.

Неудивительна популярность в не столь далекие времена трактатов на тему «Христианство и коммунизм», «Коммунизм и христианство». Вполне объяснимо болезненное любопытство теологов к коммунистической идее. Их безуспешные попытки сакрализировать ее похожи на потуги свихнувшегося мистика разглядеть, что там, за Великим Пределом, вглядываясь в глаза покойника. Понятен и прагматичный цинизм носителей и воспроизводителей коммунистической идеологии, не гнушающихся с пользой для себя («для дела» — что, впрочем, одно и то же) брать нужное текущему моменту там, где «нужное» обнаруживается.

Но странным было то, что идея светлого коммунистического будущего в зомбифицированном виде весьма напоминала христианский «тот свет». В отличие от эволюционной карнавализации культур здесь даже не пахло фарсовой профанизацией. Отнюдь нет! «Не мы, а внуки наших внуков», «не мы, так наши дети» — эти и им подобные лозунги стали паролем, пропуском в «рай» для поколений, одно за другим сжигаемых в топке чудовищного эксперимента. Мрачное подозрение — а был ли вообще эксперимент — придет к исследователям позднее.

Серьезное отношение к «светлому будущему» требовало, казалось, немедленного удовлетворения в так называемой советской художественной литературе, но получило развитие в ее чахлой ветви, именуемой научной фантастикой, практически все семь десятилетий гонимой и презираемой вершителями судеб. Отношение отчасти справедливое — тоскливая статика загробного светлого завтра возбуждала и леденила кровь одновременно, как и всякая непристойная попытка заглянуть за Предел.

На этом этапе исследователи фантастикой пренебрегли. Они снова обратились к почти обязательному умерщвлению героя. Возникло действительное или мнимое противоречие. С точки зрения программистов структур стереотипа «светлого загробного будущего», в зомбифицированном сознании имело смысл, казалось бы, воспроизводить позитивные реалии. Но исследователи не учли, что говорить о смысле целесообразно, только находясь по эту сторону принципа удовольствия.

Но есть ли вообще какой-то иной смысл в сладострастном расстреле из пулемета героев-коммунистов в «Поднятой целине»? Почему Булгаков все-таки умерщвляет Мастера и его подругу? Для какой потребности обаятельного и классово не чуждого Остапа Бендера необходимо было полоснуть бритвой по горлу? Для какой высшей надобности коммунистов и беспартийных пачками вешают, стреляют и гноят в тысячах, десятках тысяч книг? Почему «поражение от победы» так неотличимо?

Ответ на вопросы, заданные в начале поисков, был неожиданным.

5

Естественное желание сузить сферу поисков заставило Ханина (Недолина) остановиться именно на художественной литературе. Из сохранившихся обрывков записей можно сделать вывод, что один из исследователей, а возможно, оба, пытался найти слагаемые некоего истинного имени или всех имен. Судя по их расчетам и прозрениям, имена погибших

героев художественных произведений после несложных манипуляций должны были сложиться в кабалистические фигуры. Ханин полагал, что из получившейся в результате этих манипуляций своеобразной азбуки из семи пиктограмм возможно было не только составить имя могущественного демона, но и наложить на него неотвязные вязы. Ни Ханин, ни Недолин так и не поняли, что они — и все, обретающиеся здесь, — и сейчас, есть слагаемые этого демона. Не знали они и того, что красная магия не одолевается магической силой любого плана, ибо она необорима, так как в отличие от иных магий не вводит иллюзии в миры, а, наоборот, делает миры иллюзией.

Анализируя на конкретных примерах, как высшая ценность — конкретная человеческая жизнь — подменялась некоей идеей лучшей жизни некоего абстрактного общества, исследователь пришел к выводу, что все обнаруженные противоречия — мнимые, а истинная картина самодостаточна и внутренне непротиворечива. Пройдя через соблазны игры смыслами и терминами (нечто вроде «В стране теней может быть эффективной только теневая экономика» и т. п.), они обнаружили, что действительность (или то, что за нее принимается) превзошла самые мрачные ожидания, а вернее — ее вовсе не оказалось.

В принципе подсказка таилась в самом определении зомбификации и ее параметров. Другое дело, что зомбификация может быть проведена настолько интенсивно, что речь уже пойдет о полноценном умерщвлении, а значит, о неудачной зомбификации.

В некотором смысле процесс умирания есть всего лишь подготовка к отделению души от тела. Сам акт смерти — миг краткий. Вот до сего предела организм жил, пил и платил

партвзносы, а после него — нет. Хотя внешне организм еще розов, тепел, может производить какие-то движения, конвульсии — жизни в нем уже ни капли. Отлетела, казалось, самая малость, не нога, не палец даже, так — пшик, который ни на каких весах не взесишь. Но мертвый от живого отличается тем, что тулово хоть и на месте, но душа из него вон!

Все это тривиально. Другое дело, что затасканное идеологами и писателями понятие «народной души» («духа страны» и т. п.) приобретает неожиданную актуальность, когда на душу эту совершается покушение. Для того чтобы уничтожить, убить народ, этнос, государство, не обязательно огнем и мечом истреблять всех без разбора, не обязательно крестить или обрезать по велению очередных задач или в свете революционной ситуации и уж совсем не обязательно загонять в газовые камеры или на стройки социализма по расовому или классовому признаку. Достаточно отделить душу народа (страны) от государственного тела, и останется кадавр, долго и тупо разлагающийся труп, клетки которого в силу биологической (этногенетической) инерции мучительно совершат еще несколько циклов самовоспроизводства, бессмысленного и тоскливого.

Но когда произошло это умирщвление, грубое и настолько неизощренное, что даже не вписывается в матрицу зомбификации?

Из всех предполагаемых дат (1914, 1917, 1937 и т. д.) достойна внимания лишь одна, да и то отсутствующая, судя по разысканиям Недолина, в записях Ханина, но нередко упоминаемая им вслух во время бесед с некоей Анастасией, фамилию которой установить не удалось. Ее соседи по коммунальной квартире рассказали мне, что приходил молодой нахал и все выспрашивал насчет Анькиного хахаля, но

ничего путного не узнал, потому что к этому времени Анька-Анастасия съехала по хитрому размену с квартиры, оставив после себя неоплаченный счет за международный разговор и кучу бумажного хлама. Хлам, разумеется, соседями был сожжен во время битвы за жилплощадь.

Мне пришлось бы уйти в легком разочаровании, если бы не случайная встреча на лестничной клетке с участковым милиционером. Посмотрев мои документы, уполномоченный взял под козырек и спросил, чем вызван мой интерес к Анастасии, как бишь там ее фамилия... Я честно сообщил, что к Анастасии у меня никакого интереса нет, просто один мой знакомый интересовался другим ее знакомым. Как же, вдруг обрадовался участковый, был такой, рыжий, два раза напившись пьян, скандалил с соседями, пришлось в отделение сводить. Пусть спасибо скажет, что не в вытрезвилку: лыко он вязал, был при документах и деньгах, правда, глупости говорил и чуть дежурного не напугал, все болтал, что, мол, вроде как убили его не то в двадцать два года, не то в двадцать втором году... Кого убили, не понял я, рыжего или дежурного? Вот и я не понял, ответил участковый.

Неестественное явление участкового, сообщившего истинную дату, вписывалось в последовательность случайных и как бы случайных встреч, сопровождающих меня, Недолина и, возможно, в свое время Ханина. У меня даже возник соблазн проследить историю всех этих поисков Анны до ханинских и после моих, но я благоразумно подавил соблазн. Разумеется, встреча эта не имела никакого значения, возможно, участковый возник в этом мире только для того, чтобы сообщить дату, и исчез незамедлительно после того, как исполнил свою миссию. Правда, если существуют генеративные структуры, порождающие участковых, сообщающих

даты, то должны существовать и аналогичные структуры, порождающие «меня», узнающего дату, и так далее. Впрочем, это возвращение к идее магического континуума, и относится она к предыдущему соблазну. Мне же следовало впредь опасаться участковых, даты сообщающих.

Итак, в 1922 году было запланировано и самым решительным образом осуществлено отделение души от государственного тела. Маленькая и, на первый взгляд, безобидная операция — высылка морским путем горстки философов, поэтов, ученых... Даже прямое их физическое истребление не привело бы к подобному для государства летальному исходу, истребление одних неизбежно порождает других, смерть, как известно, смерть попирается. Но это изгнание за море носило глубокий магический характер: воспроизводился уход души на тот свет и, в силу симпатических обратных связей, именно к этому и привел*.

Последующие акции практикующих идеологов привели к тому, что все зарубежье и впрямь стало рассматриваться как «тот свет», попасть куда было хуже, чем, допустим, в тюрьму («Из тюрем приходят иногда, из-за границы никогда», А. Вознесенский). Неудивительно, что эмиграция казалась неким подобием смерти. И отбывающий, внеся свою лепту перевозчику, исчезал словно бы навсегда, в единичных до сих пор случаях возвращаясь как бы воскрешенным в новом качестве («Иностранец!»).

* Достаточно вспомнить воды Леты или Стикса, чтобы проследить истоки таких представлений. Любопытно, что во многих мифах и легендах герои, расставаясь с миром, уплывают. В свою очередь, приплывают обратно, как правило, боги или полубоги. Эти представления нашли отражение и в так называемой фэнтези, вспомним, например, финал толкиновской трилогии, когда герои, изнуренные долгой битвой с силами зла, уплывают за море, откуда нет возврата.

Как уже поминалось, разложение физического тела — процесс скоротечный, тогда как государственное тело разлагается в срок исторически скоротечный же, но в масштабах человеческой жизни иногда вполне и безнадежно длительный. Как особо ценный труп, находящийся в герметической изоляции, может сохраниться практически до архангельских труб, так и труп государственного тела в должной изоляции может продержаться, пока не провоняет до невозможности. Холодное железо, неплохо зарекомендовавшее себя от воздействия чар снаружи, сдерживает и некробиотические процессы от распространения вширь. В этом аспекте падение «железного занавеса» будет иметь неожиданный и неприятный результат для ничего не подозревающего жителя внешнего мира.

И наконец, становится понятным истинный смысл и пафос советской литературы. Мертвую «действительность» может отображать только мертвая литература. Да она и была такой!

Смерть положительного героя не таинственное проявление некоего имманентного зла, носителем которого является Империя, а элементарное воздаяние за «положительность». Ведь с точки зрения внутренней, сокровенной логики, смерть изначально мертвого персонажа, обитателя мертвой страны, гражданина страны мертвых, есть именно возвращение к жизни, воскрешение его.

Смерть мертвого — как возвращение к жизни. Не отсюда ли высокие перлы относительно тех, кто «живее всех живых», «навечно в памяти народной», «вечно в строю», «за себя и за того парня» и т. п.? Да, такова логика советской литературы.

Но это — мертвая логика.
И потому она не истинна.

6

Результаты столь изнуряющей исследовательской акции оказались удручающе малы. Стоило ли воссоздавать, опрашивать, домысливать, чтобы в итоге прийти к банальному и широко известному выводу. К Недолину понимание всего пришло быстрее, чем к Ханину, может, потому, что срок его небытия был несколько короче. Иногда я задумывался: каково им, мертвым, там, среди вроде бы живых? Дело ведь не в преодолении стереотипа «совка», а совершенно, как вы уже догадались, в ином. Но эмоционально этот вопрос не возбуждает — что нам, мертвым, до живых?! Кто мешает считать живым себя и только себя? Ведь сколько лет мы полагали «трупом» Запад и добродушно посмеивались над ароматом его разложения.

Не исключено, правда, что в свое время некий чикагский аналог Ханина или вашингтонская аватара Недолина придут к выводу, что Запад тоже мертв, правда, по-своему.

До меня доходили сведения о деятельности Недолина на той стороне, где, по достоверным источникам, есть добро и зло. Он окончил какое-то местное престижное учебное заведение и подвизается очеркистом в русскоязычной газете. Время от времени далекие друзья, в чьем существовании я с каждым годом все больше и больше сомневаюсь, присылают мне копии газетных вырезок.

Осенью этого года, например, Недолин провел сравнительный анализ этимологии слова «красный» в сопоставле-

нии с методами окраски некоторых вирулентных биотоксинов. Прimitивные сюжеты о красном флаге, сигнализирующем о том, что на корабле чума, развлекают читателей из очередной волны контрактантов, абсолютно незнакомых с трудами шестидесяти- и более летней давности. Все весьма скучно и неинтересно.

Даже его трактат о буквальном понимании понятия «красная чума» кажется пересказом одного или нескольких сюжетов не то польского, не то болгарского фантаста*. Все эти рассуждения о зигзагах эволюции, образующих сгустки микробов, было бы невозможно читать, если бы не отдельные забавные страницы, где описан (хочется добавить — с большим знанием дела) процесс возникновения и самопознания «чумных» ментальных образований на кладбищах и в моргах. Но все это изложено сухо, схематично, протокольно. Художественность — не самая сильная сторона Недолина, если она вообще у него есть, художественность.

В одном из оккультных сборников мелькнула его замечательная точка о спонтанной магии сложных и сверхсложных структур. Некоторые мысли показались мне достойными внимания, если бы они не были разбавлены пережевыванием все тех же идей относительно некоего Супермозга, образованного неслучайным количеством бактерий, вирусов и прочей гадости. Смешно читать о попытках этого сверхразума нащупать контакт с иными сущностями, например со служителем морга. Не менее смешно читать об описаниях контактов на субкультурном уровне, когда обрывки плохо воспринятых символов воплощаются в тифозные фантазии Трoцкого и К^o.

Недолину чем-то очень досадил Трoцкий. Недолину проще разобраться с Тем, Кто Не Погребен Замертво, и поэтому

* Очевидно, имеется в виду С. Лем.

является мировым стержнем коловращения магии мертвых. В одном из его опусов мелькает образ бесконечно мертвого мертвеца, но он тут же размывается легковесными рассуждениями о депавлизации (или, напротив, саулизации) героя советской литературы.

Новозаветный Саул (Савл) спасен от погружения во тьму (слепота!) верою в Христа. Павлы соцреализма слепнут, гибнут, самоистребляются во имя своей «веры». Три Павла — Власов, Корчагин и Морозов — долго мусолятся автором ради того, чтобы прийти к «неожиданному» выводу: во всех странах писатель есть невыделенный из общего потока гражданин своей страны, тогда как в стране мертвых любой, сподобившийся войти в клан пишущих и печатающихся, тут же «при жизни» получает посмертное имя «советский». И оно добавляется к кому бы то ни было, независимо от национальности или даже классового происхождения, будь ты бывший граф, колчаковский контрразведчик или пролетарский самоучка.

Затем у Недолина прорезался интерес к фантастике. Три или четыре очерка посвящены именно ей. Он немного порезвился на тему двойного посмертного имени «советский писатель-фантаст», поговорил об именах фараонов, заключаемых в картуш, но, хвала небесам, этим и ограничился, оставив в стороне пирамиды, сфинкса и египетскую магию. Его увлекла непонятная и, на первый взгляд, иррациональная антипатия властей к фантастической литературе.

Чем была вызвана эта неприязнь или даже, если копнуть глубже, под надгробие, ненависть? Возможно, инстинктивная защита своих прерогатив: как смеют эти мелкие прихлебатели описывать будущее, когда означенное будущее выписывается в тенистых кушах кремлевских дач в соответ-

ствии с кроками очередного съезда-плена! Поэтому даже самая верноподданническая фантастика принималась с брезгливым опасением. В конце концов от так называемой творческой интеллигенции можно было ждать любой пакости: что, если сама возможность выхода за пределы «реальности» пусть даже в самых узких рамках дозволенного подтолкнет их к догадке об ирреальности своего бытия? Вероятно, предположил Недолин, при посвящении в высшие градусы власти продвинутого аппаратчика слегка приобщают к тайне государственного небытия. В этом очерке он резвится дефинициями понятий «труподоходы» в применении к партийным карьеристам, пытается ввести термин «некромасоны», но потом вновь возвращается к ритуалу посвящения.

Перейдя от излюбленных вирусов и микробов к объектам покрупнее, он долго и с тошнотворной обстоятельностью рассуждает о раковых клетках, о своего рода посвящении в метастазы, причем каждая клетка персонально проходит обряд инициации в первичке. Отсюда следует банальный ход — неприязнь властей к фантастам — это естественное отношение злокачественной опухоли к доброкачественной.

В другом опусе Недолин сводит ревность властей к раздражению старого палача, сообщающего своему восприемнику «сакральную» профессиональную тайну: все жертвы — прошлые, настоящие и будущие — суть одна жертва, на самом деле изначально умерщвленная. И тут, представьте себе, на это профсобрание вваливается сосед-точильщик, функция которого — время от времени затачивать топор, и то ли подслушав разговор, то ли с перепоя заявляет, что нет никакого «на самом деле» и что этих «на самом деле» превеликое, если не бесконечное, множество.

Некоторые пассажи, впрочем, забавны. Так, в описаниях ракет в фантастической литературе 50–60-х годов Недолин не обратил внимания на откровенную фрейдистскую символику (вернее, пренебрег ею, полагая, что это всего лишь первый уровень магической мимикрии), а стал подсчитывать, сколько раз в иллюстрациях повторяется выписанный на бортах стальных фаллосов тетраграмматон «СССР». Выводов, правда, он никаких не делает.

Были у него мелкие заметки о самоубийствах поэтов и прозаиков, но он запутался в своих конструкциях. Мне, да и, наверное, любому читателю не вполне понятна связь между самоубийством Есенина и «Теркиным на том свете» Твардовского.

В последнее время вообще мало что можно понять из его сочинений. Даже если согласиться с тем, что в момент смерти Александра Ульянова его душа вселилась в тело брата Владимира и начало своей новой жизни («другой путь») ознаменовала фактическим изгнанием, изъятием души брата своего (зомбификация ритуального убийства Авеля Каином?), даже если предположить, что на Красной площади лежит дважды мертвец Советского Союза (а потому и живет всех живых — единственный!), то почему из всего этого следует, что Отечество наше не просто «тот свет», а истинный ад, и притом, прошу заметить, ад китайский? Ссылки на тибетскую «Книгу мертвых» и обильная цитация «Записок из хижины «Великое в малом» не вносят никакой ясности*.

* В китайских источниках действительно описаны случаи, когда в момент казни, самоубийства или насильственной смерти неумиротворенная душа вселяется не только в новорожденного, но и во вполне зрелую особь. Одержание духом может быть кратковременным, а может и затянуться надолго. Китайские практики рекомендуют сразу же по одержанию облить жертву смесью

Некоторые реверансы Недолина в сторону тибетских магов и попытки нащупать контакт с силами, разрушающими красную магию, естественно, ни к чему не приводят. Ни Ханнин, ни Недолин не подозревали, что столкнулись с демоном, владеющим самой древней, могущественной и неодолимой — мозаичной магией. Мозаичная (она же кумулятивная, она же виртуальная, она же трансметрическая...) магия рассыпана, растворена везде и во всем, что существует, а потому — смертно. Забытое заклятие «на миру и смерть красна» осталось только в сборниках пословиц и поговорок, но всякий, пытающийся добраться до истинного смысла, увидит в нем не только красную смерть мира, но и смерть красного мира. Однако это мало обнадеживает.

Пока крутятся молитвенные валы ротационных машин, пока верстаются изо дня в день, пока создаются адептами Сына Четырех Кровей книги мертвых — надежды для нас нет. Может быть, наши дети...

Рано или поздно мне придется сделать свой шаг за холодную линию пентаграммы и вынуть иглу из точки пресекновения. Скорее всего эта попытка ни к чему не приведет. Ханнин исчез бесследно. Исчезнет и Недолин. Исчезнем и мы.

Перед своим окончательным исчезновением Недолин расставит по углам стола четыре зеркала и призовет невесту откуда вспомнившимся заклинаниями все силы, которые он будет в состоянии призвать.

Разумеется, ничего не произойдет.

И после этой попытки он сгинет, растворится в бытии.

собачьего кала, конской мочи и кошачьей крови. Дух удалится немедленно. Очевидно, в то время в Симбирске с собачьим калом было напряженно.

От его последнего труда, посвященного новому поколению как символу надежды на возрождение духа, останется горсть пепла и несколько слов. Это будет надпись черным фломастером на стене, чуть ниже выцветшей фотопанорамы города Суздаля.

Надпись гласит:

«Новое поколение червей выбирает новые трупы».

Большой оптимист был этот Недолин.

Москва, 1990 г.

БОЙЦЫ
ТЕРРАКОТОВОЙ ГВАРДИИ
или РОКОВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

Субъективные заметки

Законы небес беспощадны — от них не уйти, не укрыться,
А мир бесконечно огромен, и дел в нем свершается много.
Исчезли навеки три царства, прошли они, как сновиденье,
И скорбные слезы потомков — одна лишь пустая тревога.

Ло Гуаньчжун «Троецарствие»

Предуведомление

Господ читателей, взыскующих строгой хронологии, исторической правды и объективного анализа, просят не беспокоиться.

Каюсь: давным-давно ввел в соблазн душу невинную, приохотил человека к фантастике. До той поры мой приятель, квантовый физик Пантелеймон Волунов по прозвищу Валун, фантастику не любил, поскольку не читал. Но десяток-другой книжек, подсунутых ему в должной последовательности, ввергли его в мир звездолетов и машин времени, лихих телепатов и отчаянных удальцов в сияющих скафандрах. Впоследствии Валун уехал по распределению в какой-то секретный «ящик» за Уралом и выпал из обращения лет на двадцать. Когда же опять переставились исторические вехи и страна в очередной раз пошла другим путем, Валун остался без работы — «ящик» накрылся деревянной крышкой ввиду фатального безденежья и глобального потепления. В политическом, разумеется, смысле.

Увидел я его на московской улице за книжным прилавком и узнал сразу же. Был он все так же небрит, весел и

шустёр. Торговал книгами и сопутствующим товаром. Выяснилось, что он несколько лет как обосновался в столице, успел купить плохонькую квартиру, вовремя продал родительский домик в Гороховце. На жизнь не жаловался, наоборот, посочувствовал мне — идет сплошняком переводная литература и кинороманы, хотя покупателю уже обрыдли все эти доны Педры, и они, покупатели, хотят российских авторов.

На это я возразил, что ситуация уже изменилась. Как-то внезапно все успокоилось, горестно вздетые руки опустились долу, скорбные вопли о гибели литературы остались лишь в удел неудачникам. Умеющий писать да обрел издателя, а графоманы преуспели вдвойне. Время от сдачи рукописи до издания сжалось до невероятного, порой мерещится, что книги выходят из типографии еще до того, как авторы их написали. Наши писатели бодро теснят закордонных беллетристов. Тиражи, конечно, несколько увяли, но зато взмыли гонорары. Эра типовых договоров и гонорарных ножниц канула, даже не булькнув.

В ответ на это Валун уличил меня в оптимизме и двумя-тремя словами обозначил литературу, пользующуюся повышенным спросом у издателей и читателей. Разговор перешел на личности, но мы вовремя остановились, дабы впоследствии расставить все точки над «е». Последующие встречи и споры заставили меня подозревать, что в глубине души Валун обижен на фантастику: то ли в силу того, что будущее оказалось несколько не таким, каким оно обещалось в лучших, так сказать, образцах, то ли наоборот. Однако причины его неадекватной реакции, как потом выяснилось, были совершенно другими.

Поначалу наши беседы шли о современных авторах и книгах. Валун хорошо знал конъюнктуру, и его неожиданные реплики приводили меня в замешательство — знали бы некоторые из моих знакомых, что о них думает читатель!

Однако о чем бы мы ни говорили, разговор неминуемо переходил на дела последнего десятилетия. И впрямь: историки литературы, обожающие делить плавное течение времени на отдельно взятые отрезки, непременно выделяют промежуток между 1985 и 1995 годами как особо значимый для развития отечественной культуры. Как его назовут-классифицируют грядущие расчленители не суть важно, поскольку сие будет зависеть либо от воли заказчика, либо от политической конъюнктуры, что почти одно и то же.

Валун утверждал, что истории литературы на самом деле не существует, есть лишь биографии писателей, придуманные ими для выступлений и энциклопедий, корявые библиографии, составленные пламенными фанатами либо унылыми библиотекарями, и все это вперемешку со статьями паразитирующих критиков и практикующих идеологов. Впрочем, добавил он, это настолько тривиальная мысль, что нуждается в непрерывном напоминании, иначе, как и всякая банальность, она уйдет в сферу обыденного сознания, то есть забудется до времени, чтобы потом снова явиться в виде знаков откровения либо матрицы судьбы. Тогда-то мне и надо было насторожиться, но я не обратил внимания на эти слова, прицепившись лишь к слову «судьба».

У нас, ответил я, как водится, что ни год, то судьбоносный. О последнем десятилетии и говорить не приходится. Но колеса рока без должной смазки не проворачиваются. А их смазывали обильно и любовно задолго до 17 мая 1985 года...

1

Давно это было. В конце 70-х годов стечением личных обстоятельств занесло меня в Москву. Казалось, ненадолго, но расклад вышел иной. К тому времени я под завязку обчитался фантастикой и пробовал свои литературные силы с сферах сатиры и гротеска. Время от времени проскакивали не крупные текстички в газетах и журналах. Разумеется, судьба неминуемо привела меня на московский семинар молодых писателей-фантастов при Союзе писателей. Приблизительно так звучало полное именование московского семинара, кой был учрежден в конце 70-х же при отделении прозы того же союза. Приключенцы были локализованы в другом отсеке, казалось, непотопляемого ковчега советских писателей, и наши с ними пути пересекались в иных местах.

Всем известно, что Литература делается не столько и в первую очередь не только на столичных тусовках, но судьбы отечественной фантастики будут неясны, если не вспомнить полюса притяжения тех лет. Именно тогда возрастали на семинарских харчах многие нынешние московские и питерские литераторы, именно к двум столицам тяготели в меру молодые таланты из Киева и Таллина, Новосибирска и Красноярска, Симферополя и Волгограда. Потом начались пригнопамятные Малеевские семинары, но о них чуть позже.

Теперь уже трудно поименно вспомнить всех московских «семинаристов». Был некий костяк, куда поначалу входили В. Покровский, Б. Руденко, А. Силецкий, В. Бабенко, потом подтянулась и следующая генерация — А. Саломатов, В. Каплун, Н. Лазарева... Возникал и исчезал странный болгарин Г. Георгиев. Из критиков регулярно наличествовали Вл. Га-

ков и В. Гопман. Переводчики были редкими гостями, но В. И. Баканов прошел с семинаром весь его путь. Список сей далеко не полон, приходили многие, оставались не все, ряды плотнели и разжижались, но теперь это все в прошлом.

К моменту моих попыток вторжения в самую большую литературу, коей я, естественно, почитал фантастику, полярности уже определились, четко обозначились вехи противостояния. Обо всем этом уже не раз упоминалось в публикациях и воспоминаниях и в детали входить не имеет смысла: знающему скучно, а незнающему неинтересно. Четко выделилась издательская оппозиция «Знание» — «Молодая гвардия». Если второе пыталось монополизировать все издание фантастики, то первое в силах было лишь время от времени в тоненьких книжках издавать мало-мальски приличные произведения хороших писателей. Был, разумеется, раздрай и идеологический, но в те унитарно-тоталитарные времена об этом старались вслух не говорить, уличая друг друга в нарушении основ в виде закрытых рецензий и перманентного стука. Впрочем, во времена любого абсолютизма личная дуэль запрещалась. Но и тогда борьба велась хоть и под ковром, но нешуточная. Хотя при том бардаке, который царил в идеологической работе, фантастика интересовала власти предрержащие лишь на предмет держать и не пущать. Откровенную диссидентщину в НФ душили, а верноподданнические романы о светлом коммунистическом будущем партийной элитой, по всей видимости, рассматривались как издевка. Они-то доподлинно знали, какое будущее нас ожидает!

В итоге одно из самых мощных по эмоциональному воздействию литературных течений было подвергнуто остракизму. Книги фантастические издавались от силы несколько десятков в год, да и то в основном переиздания классиков. А

поскольку железный занавес к этому времени изрядно прожавел, то воспользоваться так называемыми самопальными переводами не мог только ленивый. Ну и клубы любителей фантастики немало постарались для распространения «самопала». Идеология — такой же товар, как телевизоры или презервативы, а утомленные нарзаном старички из Кремля перестали ловить мышей и в итоге товар протух. Образ коммунистического будущего тускнел, рассыпался в бездарных поделках халтурщиков, а честные писатели как-то о нем уже и не упоминали. Тогда как облик грядущего по лекалам западной НФ крепчал, обрастал плотью. В конце концов молодежь выбрала пепси, а не квас, и в этом большая заслуга нынешних ностальгирующих старперов.

Здесь ход моих воспоминаний Валун прервал и объявил, что борьбы никакой не было, а имела место склока за худые корма. Кормушек же было маловато. Но тут я грубо перебил его и даже обматерил, вызвав неодобрительный взгляд его супруги, в это время наливавшей нам чай. Как же не было, вскричал я, когда боролись все. Одни с серостью, в которой справедливо видели питательную среду фашизма, другие с литературными чиновниками и тупоголовыми редакторами, третьи за то, чтобы фантастика заняла подобающее место в литературе, четвертые — за чистоту рядов и помыслов... Хорошо, согласился Валун, пусть будет борьба, но только она имела характер метафизический. Во-первых, о ней никто, кроме самих борцов и ближайшего окружения, практически ничего не знал. И тем более противник. Обижаться не надо, битва с воображаемыми чудовищами в силу своей безнадежности вызывает большее уважение, потому что в реальной схватке худшее, что может произойти, — это славная гибель героя-борца. Тогда как ирреальная битва в лучшем

случае сулит кармическую вендетту, а мы из нее и так не вылезаем. Я не понял, что он имеет в виду, и продолжал уличать его в короткой памяти. Все мы тогда хоть и помалу, но публиковались. Прорвавшись в журналы или сборники рассказы и повести делали автору имя. «Бомба» Покровского, «Третий день ветер» Силецкого... Нет, «Бомба», кажется, ухнула в «Химию и жизнь» позже, когда исторический материализм угрожающе заскрипел и перекосялся. Надо сказать, что издатели опубликованные вещи с удовольствием переиздавали, так, например, мою повесть «Правила игры без правил» перепечатавали до тошноты. Изданное впервые произведение считалось как бы прошедшим тест на благонадежность, какие бы там мелкие кукиши в карманах ни прятались и хитрые намеки ни таились. Здесь Валун почему-то стал рассказывать мне об экзаменационной системе Китая эпохи Тан, но я не прислушивался к его словам. Вот какие мысли пришли ко мне: действительно, одним из самых любимых наших занятий было ритуальное сидение на кухнях и провозглашение вполне достойных лозунгов, вынашивание роскошных творческих планов и так далее... Словом, блюлась славная традиция отечественной интеллигенции, которая последние полтора века искренне считала, будто чтение книжек доказывает, что она не тварь дрожащая, а право имеет. И ведь на тебе! — это сидение на кухнях в конечном итоге погубило Великую Державу. Вороги не одолели, а книгочеи изгрызли... Наверное, последнюю фразу я произнес вслух, потому что Валун прервал себя и призвал к скромности — никто Систему не побеждал, она сама себя отравила продуктами выделения. Тут же выяснилось, что мы говорим о разных вещах и совершенно иных временах.

Потом речь зашла о так называемых творческих группах и объединениях, и меня опять унесло в воспоминания...

Вторую оппозицию, но не антагонистическую, составляли семинары — московский и питерский. В первые годы работы московского семинара традиционны были обмены с питерцами папками с трудами семинаристов на предмет перекрестного обсуждения, но после взаимных мордобитий, литературных, разумеется, практика эта себя исчерпала. Впрочем, споры и свары носили характер скорее личностный, нежели концептуальный, борьбы как таковой не было, и слава Богу! Тогда-то мы и услышали имена А. Столярова, В. Рыбакова, А. Измайлова, С. Логинова и иных наших коллег.

Надо сказать, что московский семинар вели светлой памяти Аркадий Стругацкий, Дмитрий Биленкин, Георгий Гуревич, а также ныне здравствующий Евгений Войскунский. Обилие наставников радовало семинаристов, но и несколько ослабляло творческую дисциплину. Тогда как питерский семинар с первых дней своих и по сейчас находится в крепких руках Бориса Стругацкого, сумевшего вколотить в головы послушников основы литературного труда. Это помогло питерцам быстрее оправиться в годину разброда и шатаний, легче адаптироваться к катастрофически изменившейся обстановке. Возможно, именно поэтому питерская когорта фантастов, весьма неоднородная, надо сказать, пока «держит масть» в отечественной фантастике. Тогда как москвичи, расслабленные либерализмом мэтров, предавались лени, тешились непубликабельностью произведений и т. п. В итоге московский семинар приказал долго писать, а питерский работал, как часы с кукушкой, пока недавний почти булгаков-

ский пожар в тамошнем Доме писателей не приостановил его деятельность. Другое дело, что последняя точка в извечном споре двух столиц не будет поставлена никогда, разве что появится третья и низведет первые две до уровня райцентров.

Тут Валуна кинуло в густопсовый фрейдизм. Он начал втолковывать мне, что москвичам повезло. Исконно московская легкость в отношении к авторитетам, порой граничащая с хамством, привела к тому, что означенные отношения между наставниками и учителями остались равными и нормальными. У питерцев же, задавленных пиететом, набухшие комплексы лопнули естественным бунтом против Отца-Соперника. На мой вопль — а ты-то, мизерабль, с чего это взял — он торжествующе помахал стопкой журналов-тетрадок, издающихся штучным тиражом для узкого круга. Вот так номер — окололитературный скандалчик, имевший место пару лет назад и выплеснутый на страницы фэнзина, стал достоянием любопытствующей общественности!

2

Через неделю мы снова встретились. Он занес новую книгу одного из собратьев по перу. Собрат, поросенок такой, не удосужился подарить с автографом.

Разговор опять пошел о фантастике, и меня потянуло снова в воспоминания.

Начало 80-х. Чем были семинары для нас: отстойником, гетто, тусовкой, убежищем, клубом?.. Самый обтекаемый ответ — всем помаленьку, — наверное, самый верный.

С одной стороны, идея была вполне в духе совка — собрать до кучи молодых паршивцев, дабы не оставались без призора. Но с другой — общение с себе подобными давало восхитительное ощущение значимости собственного бытия. Раз в месяц собирались инженеры, журналисты, преподаватели, милиционеры и примкнувший к ним бородатый патологоанатом. Погружение в мир фантастических идей и высокого слога заряжало бодростью и...

Эскапизм чистой воды, перебил меня Валун. Субституция бытия. Вы бы лучше писали побольше или тратили время на пробивание своих опусов. Или шли бы дружными рядами в диссиденты. Страдать полагается за идею, нежели от похмелья. Тут я не стерпел и в лоб спросил Валуна: а какие изделия клепал он во славу нашего оружия в те незабвенные годы? Он задумался, но я тоже замолчал. Насчет похмелья это он в точку попал.

Жизнь между заседаниями семинара была насыщена, отношения между нами были приятельскими. К тому же делить тогда было нечего, всех не печатали в равной степени, а прорвавшийся в какой-либо журнальчик тут же приводил за собой всю ораву. Поначалу мы собирались в Центральном Доме литераторов, в знаменитой комнате № 8, в каминном, так сказать, зале. Чинно обсуждали очередное произведение, принимали в свои ряды или давали отлуп. Ближе к концу занятия по одному, по двое семинаристы незаметно уходили по витой лестнице вниз, занимать места в знаменитом баре-буфете со стенами, исчерканными эпитаграммами и карикатурами дозволенной остроты. Потом подтягивались остальные и быстро упивались в лоск. Впрочем, молодые организмы хорошо держали удар по ливеру. Порой возлияния продолжались на свежем воздухе, благо у каждого с собой в портфе-

ле было, а кое у кого даже по две. Во дворике Дома литераторов, близ ворот, выходящих на улицу Герцена, стоял большой пустой контейнер невесть из-под чего. Это была наша «летняя беседка». Там и продолжали после изгнания из буфета.

Подворотен тоже хватало. Порой вышедшая подышать свежим воздухом старушка с недоумением прислушивалась к разговорам пьяной компании, где «давай с горла» перемежалось рассуждением о психологической мотивации и логике повествовательных возможностей.

Заседания семинара впоследствии проводились в старой редакции журнала «Знание — сила» — в роскошном подвале дома, что за Театром кукол Образцова. Оттуда нас не гнали, и поэтому можно себе представить, что творилось в ночь глухую...

О пирах и веселии семинаристов можно написать большую книгу воспоминаний. Но интереса она не вызовет никакого, матрица нашего поведения накладывается практически на все творческие объединения тех лет. Пили и в Питере, пили и в Киеве, а уж какие чудеса в Волгограде творились, об этом пусть Женя Лукин расскажет...

Валун сказал, что богемное сумасбродство вполне естественно для любого времени и любой страны. Но если для классической богемы *modus vivendi* совпадает с *modus orerandi*, то у нас нормой жизни было двойное существование. Днем скучно отсиживались в конторах и вели благонамеренные речи, а раз в месяц сползались, как тараканы на крошки, и предавались мелкому пиршеству. Я послал Валуну подальше и полез в холодильник за бутылкой.

Заседания семинаров были праздником сердца. Какие схлесты мнений и оценок, какие искрометные оценки! А когда

порой нас баловал посещением Аркадий Стругацкий, так это вообще было событием и каждый норовил блеснуть интеллектом. Но самый пир духа начинался во время знаменитых «малеевок».

Полностью это именовалось приблизительно так: Всесоюзный семинар молодых писателей, работающих в жанрах приключений и научной фантастики, при Совете по приключенческой и научно-фантастической литературе СП СССР. Вообще-то в самом Доме творчества писателей им. Серафимовича («Малеевка») прошло только первых три семинара, в 1982–1984 годах, остальные в Дубултах. Пили-гуляли уже во всесоюзном масштабе. Но тут есть одна важная деталь. «Столичные штучки» вполне могли кучковаться в самодостаточные конгломераты, тешась взаимной хвалой и хулой. Но одиночкам, разбросанным по городам и весям нашей большой страны, приходилось несладко. Писатель-фантаст в какой-нибудь Глухоперовке мог быть талантливее десяти Азимовых и Шекли вместе взятых, но в лучшем случае ему было уготовано место городского сумасшедшего. О публикациях и говорить не приходилось. И вот сей талант (юноша или девушка — ненужное вычеркнуть) чудесным образом оказывался в подмосковном пансионате либо же на Рижском взморье в Дубултах и обнаруживал, что не одинок в своих поисках, что ему рады, готовы помочь в меру хилых сил. Многих спасла «Малеевка» от безнадежья, уныния... Но многие ли помнят, что этим обязаны Нине Матвеевне Берковой, буквально за уши вытягивающей юные и не очень юные дарования из родных болот?

На «малеевках» мы познакомились «в натуре» с питерцами, да и не только с ними. М. Веллер из Таллина, С. Иванов и Д. Трускиновская из Риги, Ю. Брайдер и Н. Чадович из

Минска, Б. Штерн и Л. Козинец из Киева, А. Фазылов из Ташкента, Е. Лукин и Л. Лукина из Волгограда, А. Лазарчук и М. Успенский из Красноярска... Список можно продолжить имен так на сотню с гаком. Правда, участие в «малеевках» не влияло на публикабельность, но это уже иная материя. Тем более что не за горами было создание под эгидой «Молодой гвардии» Всесоюзного творческого объединения, т.н. ВТО.

Под знамена ВТО в пику «Малеевке» решили собрать всех умеющих писать, дать нужные ориентиры и купить хорошими гонорарами. В абстракции идея была неплоха, но опоздала лет на десять — строй уже потрескивал и штукатурка осыпалась. Сейчас бывшие вэтэошники шумно отмежевываются от своего прошлого, но чего уж там...

Чем были хороши семинары, городские и союзного масштаба? Они давали творческий импульс: некоторые из нас творили специально «под «Малеевку», чтобы не оказаться там с пустыми руками. Кроме того, возникала иллюзия движения, преодоления вязко застывшего времени. Вот на этом месте Валун вдруг оживился и сказал, что относительно времени я немного заблуждаюсь. Времени на самом деле никакого нет, есть просто некая соположенность событий и предметов. Другое дело, что для писателей времени нет по-другому, нежели для людей непишущих. Тут он почему-то сравнил фантастов с Големом, только не с тем, пражским чудищем, а с его архетипом, представления о котором родились во времена контактов наших предков с реликтовыми формами древней кремнийорганической цивилизации, владеющей нашей планетой в незапамятные времена, а может, и являющейся самой планетой.

Валун стал развивать идею о «биокерамике», о разуме скальных массивов, не к месту помянул троллей и Волшебного Царя Обезьян, потом, допив остаток, стал излагать заплесневелые сюжеты о заточенных в скале хтонических и культурных героях, о горах-великанах и прочей мифологической нечисти. Но после того как он ни к селу ни к городу помянул Мерлина, я стал зевать и поглядывать на часы.

3

Проводив Валуну до остановки, я вернулся домой и собрался поработать. Но сосредоточиться не удалось, воспоминания, как говорится, мутили душу. Хотя скорее виноват был фальшивый коньяк.

Были, были в те годы и иные забавы. Работал Совет по фантастике и приключениям, куда порой приглашались и московские семинаристы. А те и рады очередному поводу хорошо посидеть в баре ЦДЛ. Проводились сборища по кинофантастике в Репино. Вручалась премия «Аэлита» в Свердловске. Крепко пили... А когда же вы писали, господа хорошие, спросит разгневанный читатель! Да вот тогда и работали, ночами на кухнях, после постылой службы, тихо, чтобы не разбудить детей и соседей.

Кроме издательств и творческих объединений, были еще и клубы! КЛФ — это не просто страница истории, это не просто песня, это целая поэма экстаза!

Фантастике были покорны все, без дифференциации по возрасту или мочеполовой системе. Сеть клубов ширилась, они наладили между собой прекрасно функционирующую

связь, засновали курьеры и эмиссары. Возникла фантастическая фигура мегафэна Бори Завгороднего, которого, по достоверным слухам, видели одновременно в разных городах. Разрабатывались уставы, принимались декларации. В итоге игра в организацию переросла в саму организацию. В ЦК спохватились и приняли закрытое постановление. Андроповское правление до сих пор отпрыгивается старым фэнам ночными кошмарами. Клубы закрывали, активистов таскали на допросы, и неизвестно, чем бы это кончилось, если бы тут на Главный Допрос не потянули самого Андропова. Клубы отделались легким испугом, но оправиться так и не смогли. За что и против чего тогда боролись клубы — мало кто помнит. Да была ли борьба, как сказал бы Валун.

Кстати, его мифологические пассажи все-таки повлияли на меня. Я задумался о базовых мифах НФ тех времен. Миф первый — о журнале фантастики. Вопрос о нем ставили и заостряли чуть ли не с конца пятидесятих. Время от времени литгенералы во время встреч с «молодыми» писателями намекали, что вопрос созревает, подождем еще пару-тройку лет, глядишь, и... Мудрые же люди сомневались: а нужен ли журнал? Пока хоть и плохо, но печатают там и сям, а будет журнал — всем от ворот поворот, идите, мол, к себе. И еще неизвестно, кто будет главным редактором! Журнал в те годы так и не родился. Миф второй — о ящике. Всем казалось: дай свободу, и из письменных столов такое достанем — весь мир вздрогнет. Свободу дали, мир не вздрогнул. Ящики оказались пустыми.

Может, оно и к лучшему. Нас мало печатали, что избавило многих от стыда за свои произведения — безнадежно устаревшие и откровенно слабые. «Молодогвардейцам» повезло меньше, теперь, как говорится, не вырубишь топором. Впро-

чем, это их никогда не беспокоило. Ныне же прошлые грехи забыты — рынок уравнил всех. Но не забыты откровенные подянки, доносы, удушение молодых расстрельными рецензиями, клевета...

Это естественный шлейф Системы. В унитарном государстве при любом строе место писателя — в строю. Либо он работает на господствующую идеологию, либо подвергается прессингу. Прессинг может быть зверским — например, битие батогами, заточение в яму, сжигание вместе с рукописями, десять лет без права переписки, либо же мягким — цензурный террор, шельмование, запрет на публикации, высылка с последующей Нобелевской премией. Но зато вокруг писателя, сподобившегося маркера официального признания или отвержения, сиял ореол мученика, учителя жизни, духовного наставника. Наградой служили не деньги, а слава, почет, уважение. Тут невольно задумаешься — сейчас многие стремятся к успеху, чтобы заработать деньги, а на деньги «раскрутить» себя и вкусить славы, почета и уважения. Впрочем, ныне никому это не заказано по идеологическим соображениям.

Миф об особой значимости творческой боевой единицы настолько въелся в плоть и кровь системы, что и в наши лихие времена отдельным творцам удалось прорваться в политическую элиту. Трезвая оценка истинного места и значимости писателя в обществе придет позже, одновременно с десакрализацией мифа о небожителях-творцах. Разверзлись архивы, спецхраны всплыли на поверхность, благоухая. А тут еще и внутрицеховые разборки стали достоянием читающих масс к большой их, масс, потехе. Глиняные ноги кумиров рассыпались в прах.

Мои размышления прервал телефонный звонок. Заплетаясь языком Валун лепетал о каких-то древних китайцах, заявил, что ему все ясно с фантастикой, да и не только с ней, а через пару дней он представит мне неопровержимые доказательства своей правоты. И положил трубку.

Через неделю вдруг позвонила его жена и спросила, не в курсе ли я, где ее муж, поскольку тот уже три дня как не приходит домой.

Исчезновение Валуна поначалу не напрягло его семью, за ним и раньше водилось такое — мог исчезнуть на неделю-другую в хитрый челночный рейс не то на Восток, не то на Запад. Приторговывал он не только книгами. Однако месяца через три его жена запаниковала, обратилась в милицию, фотография его мелькнула в какой-то газете под рубрикой «розыск». Через полгода семья перестала ждать — наверное, сложил голову где-то на чужбине или же налетел на шальную пулю, ненароком оказавшись свидетелем при разборке. А еще через пару месяцев мне позвонил какой-то незнакомец, представился дальним родственником Валуна и договорился о встрече.

Родственник оказался в меру лощеным господинчиком лет этак за сорок. Назвался Димой, а фамилию я не разобрал — не то Панин, не то Манин. Он заявил, что по просьбе родственников безвременного Волунова разобрал его бумаги и обнаружил конспекты бесед о фантастике.

Сей факт слегка покоробил — я не предполагал, что Валун записывает мои слова. Тем временем означенный Дима настойчиво уговаривал меня восстановить канву наших диалогов, поскольку это, мол, окажет ему неоценимую услугу в поисках, возможно, еще целого и невредимого Пантелеймона. Логика в его словах не было, и я отделался общими сло-

вами. Однако Дима возник на следующий день и сказал, что Валун мог оказаться в заложниках в одной из горячих точек, а по его запискам выходит, что у него были какие-то дела в Китае. Я немедленно вспомнил о неуместных комментариях Валуна и намеках на древних китайцев.

Выслушав меня, Дима помрачнел, долго молчал, а потом сказал, что ситуация неприятнее, чем он предполагал. Когда-то он приохотил Валуна к китайской классике, подбрасывая тому книгу за книгой в особой последовательности. Я усмехнулся и рассказал о том, как приучал Валуна к фантастике. Тут у нас случился странный разговор. Дима разволновался и сказал, что такие парные события не случайны. В них заложен особый смысл. Любое событие имеет свое зеркальное отражение, согласился я. В конце концов, какая разница, что читает человек — фантастику или древних китайцев! Ну да, кивнул Дима, разницы никакой и даже более чем никакой. Особенно если учесть, что практически вся китайская классика — это сугубо фантастическая литература. Я не согласился с этим излишне категорическим утверждением, но мой собеседник перевел разговор на зеркала, на то, что литература, может, и впрямь — отражение действительности. Модель любого явления сама немного обладает свойствами явления. Два зеркала же, между которыми оказался Валун, могли увести его в места очень и очень отдаленные. Это куда же, удивился я, за решетку, что ли? Дима только покачал головой и заметил, что зеркала и портреты обладают загадочными, а порой и неприятными свойствами. Ага, они умножают сущности, согласился я, демонстрируя знание Борхеса. Нет, дело не в этом, сказал Дима. Он добавил, что лучшей моделью его догадок может служить герой «Портрета Дориана Грея». Это своего рода образ нашей литературы,

только с обратным знаком. Чем уродливее становилась действительность, тем больше лака и глянца появлялось на ее сусальном отражении. Когда же в фальшивую картинку воткнули кинжал свободы слова («Вах! — вставил тут я реплику. — Красиво сказано!»), то мерзкая действительность не изменилась ни на йоту — лишь вместо картины возникло зеркало. Ну и что, спросил я, ничего другого ведь и не ждали. Хорошо бы знать, пробормотал он, где зеркало, где картина, а где так называемая действительность.

Смурная беседа как-то завяла, и Дима распрощался. Однако вскоре он стал заходить ко мне по поводу и без повода, любой разговор рано или поздно сводя к фантастике, а фантастику к метафизике. Ну а когда я уставал следить за логикой его словес, то уходил в воспоминания...

4

Первая половина восьмидесятых годов для нашего поколения была накрыта тенью безнадежья, несмотря на развеселые сборища, Олимпиаду и мор генсеков. Одни из нас медленно спивались, другие перестали писать и исчезли с горизонта событий, кое-кто попросту скурвился и был, как говорится, извергнут. Тем не менее большая часть «малеевцев» пока держалась на плаву. Многим из так называемых молодых фантастов было уже глубоко под сорок. Публикация какого-нибудь вшивого рассказа была нечаянной радостью и переваривалась год, а то и два. Авторскими книгами не пахло, разве что мелкий шанс имели уступившие право первородства за чечевичную похлебку. Похлебки ко всему еще

на всех фатально не хватало — издание фантастики сворачивали даже в «Молодой гвардии». У питерцев дела шли не лучше. Они крайне редко прорывались в сборники, которые немедленно становились раритетами в пору книжного дефицита. Уйти в те годы с худой, но верной зарплатой в ненавистном присутствии на вольные хлеба было форменным безумием. Среди москвичей таких безумцев не сыскалось, а что касается питерцев, то там отличился Столяров. Если мне память не изменяет, он ушел в профессионалы, не имея еще ни одной публикации.

И вот наконец протрубил пьяный ангел, разверзлись ворота сельпо и ка-а-ак хряпнуло перестройкой по суставам времени! Шестеренки государственной машины дернулись, задымились и чуть прибавили оборотов. Но металл уже был не тот, да и ржа поработала. Скрип и треск Системы многими был воспринят как гимн «свежему ветру перемен», хотя это был всего лишь реквием эпохе.

Тем не менее писательские структуры тщились соответствовать. В 1986, например, году устраивается Пленум Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе правления Союза писателей СССР (натошак не выговорить, но дальше будет еще круче) на роскошную тему: «Роль научно-фантастической литературы в ускорении социального и научно-технического прогресса в свете решений XXVII съезда КПСС». Что, смешно? Вы бы тогда посмеялись, смельчаки! А вот какая тема волновала тот же Пленум через год: «Роль приключенческой и научно-фантастической литературы в борьбе против реакционной пропаганды». Чем кончились эти ролевые игры, мы знаем. Были сборища вообще запредельные. Чуть ли не через два года после Чернобыля в Гомеле собрали представительную конференцию, посвящен-

ную проблеме освоения космоса посредством безракетной технологии. Местный изобретатель предложил соорудить вокруг нашей планеты орбитальное железобетонное кольцо. Это не шутка, все было на полном серьезе, понаехали писатели, ученые, был, помню, даже космонавт И. Волк.

Крупных мероприятий в Москве хватало с лихвой — то врачи выступят за мир, то космическая конференция на ту же тему — за мир боролись масштабно, с размахом, одни шведские столы на несколько тысяч персон чего стоили! Отовсюду съезжались именитые гости, мода на Россию была велика. Писателей тоже приглашали, для ассортимента. Так, в мае 1987 года в рамках VII конгресса международной организации «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» имел место коллоквиум «Научная фантастика и ядерная реальность», который вел Вл. Гаков. В том же году мы получили тогда еще редкое удовольствие познакомиться с западными коллегами. В Москве проводился очередной ежегодный конгресс Всемирной ассоциации писателей-фантастов. Те, кому удалось проникнуть в гостиницу «Космос», могли потрогать пальцем и даже взять автограф у Г. Гаррисона, Дж. Браннера, А.Д. Фостера и иных прочих. Гаррисон оказался веселым и нечванливым мужиком, да остальные тоже не очень-то раздували щеки. Но когда в разговоре случайно выяснилось, что относительно молодой Фостер имеет несколько десятков книг, нас бросило в тоску.

Встречи, сборища и фестивали, словом, «коны» фэнов становились более частыми и масштабными. В 89-м году учинили первый (да и последний) Соцкон — конгресс любителей фантастики социалистических стран. Собралась весьма представительная компания писателей, критиков и фэнов. Дело в было в Кobleво — поселке близ Николаева. Ливни

смыли в море водопровод и канализацию, пансионат остался без воды, ее привозили в цистернах. Портвейна, однако, было хоть залейся. Все ходили грязноватые, но веселые, не подозревая, что прилагательное «социалистический» вскоре отойдет в историю.

Были и другие кони, одни выжили, другие нет. В северных небесах медленно разгоралась звезда Интерпресскона, ныне весьма престижного.

После того как объявили мелкие свободы, началось шевеление в массах на предмет частного предпринимательства. Разумеется, все эти перипетии немедленно отразились на московском семинаре. Хотя о негосударственном книгоиздании пока и речи не было, умные головы активно искали обходные пути. Надо сказать, что к этому времени, а именно к 1988 году, московский семинар уже как бы дышал на ладан. Накопилась взаимная усталость, старые обиды — в итоге крепко спаянная группа незаметно растаяла. Но попытка создать кооперативное издательство на какой-то миг сплотила бывших семинаристов, правда, ненадолго.

Сейчас мало кто помнит, однако в те годы книги могли выпускать только госиздательства, «редакционно-технические» кооперативы же вроде бы только помогали им. Все понимали, что к чему, но приличия блюли. Еще забавнее было с книжными лотками. Тогда они назывались пунктами проката, а книги якобы не продавали, а выдавали для чтения под залог стоимости. Система, насквозь пропитанная лицемерием, не могла не рухнуть, и рухнула!

1991 год. Роковая симметрия даты неизбежно сказалась на судьбах страны и людей. Для одних — это год расточившегося в прах тоталитаризма, для других — распад Державы, а для нас... Только много позже мы осознали, чем для нас

была в 91-м кончина Аркадия Натановича Стругацкого. Тогда мы были преисполнены надежд, будущее открывалось в самых радужных оттенках, мало кто понимал, что наша Книга Судеб захлопнута и заброшена в самый дальний угол склада вторсырья. Сменилась геологическая эпоха, примат взялся за каменный топор, лемуры впали в прострацию. Китайское проклятие об эпохе перемен стало русской народной поговоркой.

Вот тут Дима поднял палец и назидательно сказал, что с восточными приколами необходима особая осторожность. Не исключено, что Валун пропал именно из-за своего легкомысленного отношения к древним проклятиям. С этими словами он достал из портфеля ворох бумаг и разложил на столе. Это оказались записи Волунова. Там были какие-то гранки, диаграммы, ксерокопии книжных страниц, рукописные заметки. На одном из листков я увидел аккуратным столбцом выписанные даты «малеевок». Перебрав бумаги, я нашел в записях цитаты из Сыма Цяня, китайского историка, портрет Блаватской с корявым иероглифом, начертанным фломастером прямо на лбу почтенной основоположницы теософии и первой русской эмигрантки, получившей гражданство США, и много еще всякой забавной всячины.

Я спросил Диму, что интересного он раскопал в бумагах. Он, странно улыбаясь, ответил, что у Валуна возникла гипотеза, будто все мы — китайцы. Это в каком смысле, тупо удивился я. В прямом, пояснил Дима. Отсюда и мировая оторопь от невозможности постижения России. Так, внешне, вроде бы мы все белые, а на самом деле — китайцы. Вот если бы мы были желтыми и косыми, тогда и реакция на нас была бы адекватной: Восток — дело хитрое. А когда житель, скажем, Вятки или Перми ведет себя непостижимо для унылого

европейца или бодрого янки, то откуда этим иностранцам знать, что они общаются с китайцем?

После того как я отсмеялся, Дима грустно сказал, что поначалу ему тоже было смешно. Его скорбное лицо вызвало у меня новый приступ хохота. Он вроде бы обиделся, глянул на часы и предложил завтра встретиться в доме Валуна, обещая показать нечто интересное. И распрощался.

5

Дом Валуна находился в новом спальном районе. Две пересадки на метро да еще минут двадцать на автобусе. Пока я добирался до него, многое вспомнилось.

Книжники были наиболее подготовлены к рыночным отношениям, если не считать так называемых цеховиков. Но в отличие от держателей подпольных цехов книжный рынок существовал почти легально, власти рьяно гоняли лишь продавцов такой крамолы, как книги Гумилева, Мандельштама, Ахматовой — в западных изданиях, разумеется. Порой в проезде Художественного театра или в переулочках Кузнецкого моста устраивались облавы. Книголюбые и торговцы вяло разбегались от милиции, чтобы тут же собраться в сотне-другой метров отсюда. Если же их гоняли с особым рвением, то мгновенно договаривались о встрече в следующую субботу или воскресенье и растворялись среди москвичей и вездесущих гостей столицы.

Поначалу кооперативное книгоиздание тешило самолюбие авторов, желающих издать книгу за свой счет. Затем оно легализовало самиздат. Потом фэны и фантасты решили изда-

вать фантастику, благо самопальных переводов ходило по клубам чертова уйма (судя по качеству некоторых изданий, они до сих пор еще крутятся). Писатели решили, что вот сейчас они наконец облагодетельствуют публику. И при этом немного не учли, что времена книжного дефицита ушли, теперь уже читатель свободен в выборе. И читатель выбрал...

Вал западной фантастики с головой накрыл пишущую братию. Тут, кстати, многие издатели, вкусившие рынка, поняли, что денежки счет любят, на халяву уже не проедешь и за все надо платить. Ко всему еще издатели на книгах стали зарабатывать хорошие деньги. Надо лишь, чтобы книги покупали. Вот в это время и начала разрушаться социополитическая установка, в свое время озвученная Е. Евтушенко в формализованном виде примерно так: «Х в России больше чем Х». (Х — это «икс», а не первое, что приходит в голову.) С точки зрения прикладной магии открывалась необычайная перспектива — любые вещь, человек, явление, профессия или факт, «прокрученные» через некое место, занимавшее весьма значительную часть суши, увеличивались в весе, значении, профессиональной пригодности и т.п. Если процесс повторить неоднократно, то все эти фигуранты распухали до бесконечности. Здравый смысл, конечно, восстает против такого — речь ведь изначально шла о поэте, и совершенно недвусмысленно указывалось, что творческое лицо должно еще и соотносить себя с государственной идеологией (обслуживать ее либо восставать против нее, что практически одно и то же — это работа на «рейтинг» Системы). Может, поэтому на Руси и отношение к книге было иное, чем за ее пределами, а именно — уважительно опасливое, ее воспринимали как нечто среднее между Священным Писанием и Некрономоном.

Однако рынок медленно, но верно стал превращать книгу в такой же товар, как пиво или колготки, иными словами, в продукт практически одноразового пользования. Пусть гневливые любители духовности бьют кулаками по своим ребрам! Увы, дело сделано. Читателей, по многу раз перечитывающих полюбившееся сочинение «серьезного» автора, почти не сыскать, все больше потребителей так называемых легких жанров. Впрочем, мне доводилось выслушивать мнение, что в этом нет ничего плохого. Что, если вдруг в одночасье все кинутся изучать душеполезные трактаты отцов Церкви или труды мудрецов древности и наших дней?! Кто работать будет? И так пишущих сверх меры развелось, всяк грамотей норовит книгу написать!

Но все-таки немного жаль своей молодости, когда знакомые, узнав, что ты пишешь и даже (крайне редко) печатаешься, уважительно говорили: Писатель... Теперь если ты не издаешь по пять-шесть книг в квартал и не имеешь джипа «чироки», то тебя и за человека не считают. С одной стороны, может, это крайность, болезнь (надеюсь, не хроническая) роста. С другой — хорошая работа должна хорошо вознаграждаться. С третьей — быстро только кошки родят, а много — не всегда хорошо. С четвертой — такими банальными сентенциями утешают себя ленивые. С пятой — «легкие» жанры будут съедены виртуальной реальностью И так далее...

Издательства, начавшие свой бизнес с фантастики, быстро сориентировались и стали выпускать все, что было по нраву покупателю. Кто не мог поступиться вкусом — вымер. Надо сказать, что выпуск фантастики шел (и сейчас идет) волнами, пик каждой из которых возникает раз в полтора-два года. Рынок насыщается, издатели переходят на выпуск кулинарных книг или эротики, постепенно экологическая ниша пу-

стеет, и тот, кто вовремя успевае́т выбросить на прилавки новый блок фантастики, срывает куш. За ним подтягиваются другие и быстро насыщают рынок. Наступает стагнация, издатели переключаются на дамские романы и астрологию. Цикл повторяется. Крупные издательства не сворачивают полностью издание фантастики даже в моменты пресыщения, чтобы в нужный момент быть готовыми. Слабым издательствам это не под силу, хотя они маневреннее. И если раньше многие фирмы набирали договоры с писателями как бы в запас или для престижа, то теперь, когда автор пошел разборчивый и жадный, просто так его не захомуташь. Рано или поздно, а печатать надо, эксклюзивы нынче весьма скоротечны.

Что интересно — началось наступление отечественных авторов, причем так называемой четвертой волны. Надо ли говорить, что это, как правило, «малеевцы» и «примкнувшие к ним»!

Куда ни посмотри — на лотках радуют глаз книги Успенского, Лукина, Столярова, Рыбакова, Лазарчука, Иванова, Логинова, Трускиновской, Штерна... Да всех и не перечислишь! Появляются новые имена — Лукьяненко, Буркин, Васильев, Тюрин, Кудрявцев... Активизировались старшие «братья и сестры» по перу — Михайлов, Ларионова, Мирер, Крапивин, ну а Кир Булычев просто делает книгу за книгой, поражая своей работоспособностью. Словом, полная благодать...

Но и потери за последние десять лет в наших рядах были немалые. Не дожил до своей первой книги Виктор Жилин, бывший в свое время старостой питерского семинара, ушел молодой и очень талантливый Сергей Казменко, тоже не увидев своей книги. Владимир Фирсов, москвич, не дожил бук-

важно считанных месяцев до первой книги. Ушел из жизни прекрасный человек и блестящий литературовед Виталий Бугров. Ко всему еще естественную «творческую убыль» дополнили иные: Измайлов и Руденко нырнули в детективщины, потянув за собой небесталанную, но слабовольную молодежь, Веллер отдался беллетристике, Покровский канул в журналистику, Ютанов ушел в издатели, Пелевин, не успев трижды опубликоваться, отрекся от фантастики и с головой погрузился в политпсиходелическую прозу, Саломатов стал хорошим детским писателем... Правда, взамен подтянулись иные, молодые и бодрые, но многие из них пока еще на одно невыразительное лицо, а их литературное творчество все больше стало напоминать производственный процесс. Заработал конвейер.

Критика же окончательно впала в депрессию. Выяснилось, что любая публикация, вплоть до самой разгромной, работает на рейтинг автора, а читатель-покупатель забил болт на рецензентов и берет продукт, как правило, ориентируясь на яркость обложки и звучность названия. Вл. Гаков лет пять назад заперся в малогабаритной, но комфортабельной башне из слоновой кости и на все предложения выйти поговорить беззлively отплевывался. Впрочем, недавно он издал уникальную во всех отношениях «Энциклопедию фантастики», взяв роскошно скандальный реванш за долгие годы молчания. Волны от «Энциклопедии» расходятся до сих пор, вызывая гноеточение завистников и педантов. А. Кубатиев замолчал. Куда-то исчез К. Рублев. Л. Михайлова занялась изданием журнала американской фантастики. Саратовский критик Р. Арбитман обнаружил склонность к литературным мистификациям и написанию политических триллеров. Горек счет потерь...

Помню, Валун тоже рассуждал об этих грустных материях. Триада «Читатель — Издатель — Писатель» ему чем-то напоминала некую сакральную троицу, причем цикличность их взаимоотношений подозрительно смахивает на дела одной древней семейки «Изида — Озирис — Сет». Нюанс только в том, что не сразу разберешь, кто из них кто. Я не сразу понял, что он имеет в виду; он пояснил, что здесь нет жестко фиксированной связи, каждый из фигурантов по очереди выступает в роли того или иного мифологического персонажа. В этом смысле попытки пресловутого Госкомиздата и ему подобных структур советского времени разорвать эту цикличность — всего лишь желание разорвать порочный круг вечного умирания и воскрешения, желание воспроизвести некую истинную неподвижность.

6

Квартиру Валуна я поначалу не узнал: пустые комнаты без мебели, картонные короба в углу и запах нежилого помещения. Дима пояснил, что вдова продала квартиру и с доплатой переезжает в более приличный район. Мы прошли в комнату, которую раньше занимал Валун. На подоконнике лежали папки с бумагами, на стенах кое-где сохранились плакаты с кинозвездами и цветные вырезки из журналов.

Мы присели на коробки с книгами. Дима посетовал, что не может предложить чаю, все уже собрано и многое вывезено. Это ему напоминает, добавил он, отечественную культуру. Только на миг отвернешься, отлучишься ненадолго, а ситуация изменилась, исчезло все знакомое,

где-то жизнь продолжается и бурлит, а ты остался в захламленном сарае.

Я возразил ему в том смысле, что культура — это не испытания рысистых и не тараканьи бега, хотя на посторонний взгляд столичные тусовки производят тягостное впечатление. Столичный бомонд нашпигован халтурщиками, как сицилианская колбаса оливками. На это он только небрежно бросил, что в категориях вечности культура и халтура нерасчленимы, еще неизвестно, кто был самым великим, скажем, поэтом античности, а сохранилось лишь имя Гомера, который в свое время был, может, всего-навсего везучим халтурщиком и политической проституткой. Что, если через пару тысяч лет от нынешнего изобилия письменников в памяти потомков уцелеет только какой-либо плодовитый графоман? Вот критики-то в могилах повернутся на страх гробовым червям!

Эта апология халтуре меня быстро утомила. Сюжетец не самый свежий, хотя вполне утешает неудачников. Я спросил Диму, не доводилось ли ему пробовать свои силы в литературе? Тут он заскучал, сменил тему и ткнул пальцем в папки с бумагами.

Он добросовестно и по листку изучил все записи Валуна и пришел к выводу, что тот немного перебрал с китайской классикой, перечитывая каждый год практически все, что у нас переводилось и было издано. Обчитавшись, Валун решил, что некогда произошло переселение государственных душ. Что-что произошло, не понял я, каких душ? Государственных, повторил Дима. Речь идет не о классической персональной инкарнации и реинкарнации, а именно о государственной душе или, если угодно, душе государства, этноса, народа. Расхожие выражения «душа народа», «дух

нации» — это не просто образные словосочетания. Ага, сообразил я, речь идет о юнгианском коллективном бессознательном. Нет, возразил Дима, гораздо сложнее, это хитрая структура, напоминающая соты, где каждая персональная душа имеет коллективный ингредиент, а индивидуальная составляющая отдельной души включена в целокупность. В зависимости от исторического ландшафта и биофизического предопределения развивается та или иная сторона, и тогда говорят о склонности к коллективизму, общинности либо же к индивидуальности, эгоцентризму.

Весь это бред я выслушал невозмутимо, только в конце не выдержал и спросил: при чем все-таки китайцы? Притом, ответил Дима: некогда произошла своеобразная рокировка государственных душ — мы махнулись с китайцами. Милое дело, усмехнулся я. Ведь мы, как сказал поэт, скорее всего хоть и азиаты с раскосыми и жадными глазами, но все же скифы, а не жители Поднебесной. А если и согласиться с домыслами Валуна, то когда же произошло сие прискорбное событие?

Тут выяснилось, что Валун именно это пытался выяснить. Судя по записям, ход его размышлений был приблизительно таков. Поначалу он решил, что это произошло не так уж и давно. Он отождествил Великую Китайскую стену с «железным занавесом» и предположил, что инкарнационным отражением императора Цинь Шихуана был Сталин. Оба они были крутыми ребятами, быстрыми на расправу с врагами внешними и внутренними. Но это решение лежало на поверхности, было слишком очевидным, а значит, неверным. Тогда он предположил, что на эту роль годится Ленин. Предание гласит, что после смерти грозного императора народу 60 лет боялись объявить о его кончине, опасаясь смуты. Наш

почти столько же пролежал без захоронения и посейчас лежит. Стоило усомниться в том, что он «живее всех живых», как все посыпалось. Тут Валун нащупал одну нумерологическую тонкость — имя императора вовсе не было именем, оно просто означало Первый циньский император, за ним должен был следовать Эр (то бишь Второй) и так далее. Ко всему еще законы магической контаминации не допускали прямого подобия: если в первом делании имело место ограждение, изоляция, то во втором должно следовать нечто противоположное.

Всплыла фигура Петра Первого. Действительно, он «пробил окно», то есть совершил обратное действие, всячески стремился вывести Россию из изоляции, не полагал соседей варварами, а, наоборот, ездил к ним учиться и так далее... Да и нравами они были схожи, здесь как раз наличествует должное совпадение индивидуальной составляющей: один, например, спалил конфуцианские книги вместе с мудрецами, второй порушил «древнее благочестие», а уж старообрядцы принялись сами себя палить вместе с книгами. Да и по времени вроде бы выходило складно — ежели до той поры заезжие гости в силу своей неблагодарности просто поносили местные обычаи, то с той поры стали уже поговаривать о загадочности русской души. Ерунда, возмутился я, таких версий можно придумать сколько угодно. Вот, например, англичане и японцы тоже махнулись госдушами. Английский фэйф-оклок — почти ритуальное распивание чая — в некотором смысле не уступает в изощренности японской чайной церемонии, выродившейся в зрелище для туристов. После этой рокировки англичане помягчели, растеряли империю, в которой никогда не заходило солнце, а японцы, напротив, ныне обуреваемы идеей мирового господства, имперская же зак-

васка крепко бродит в умах жителей Страны восходящего солнца.

Дима вежливо улыбнулся, но не стал развивать эту тему. Он сказал, что подобные рокировки — самое обычное дело в истории человечества. Общий баланс не меняется, хотя государственная душа накладывает отпечаток как на персональную судьбу конкретной личности, так и на изгибы исторического пути той или иной страны. Но здесь следует учитывать не сам факт рокировки, а метафизический аспект некоторых действий, порожденных аберрацией менталитета, неизбежного в этом случае. Последствия вполне предсказуемы, но выявить их истинную сущность практически невозможно. Так, Петр, «прорубив окно», открыл прямую дорогу для демонов, которые, как известно, не ходят кривыми путями. Ну да, нетерпеливо согласился я, потому китайцы и делают коньки крыш закругленными. А еще можно со вкусом порассуждать о лабиринтах, как ловушках для демонов. Но разговор-то не об архитектуре, а о фантастике! Однако Дима гнул свою линию. Он стал доказывать мне, что вот уже почти три века, как Россия превратилась в поле битвы между демонами Востока и Запада. Знаем мы этих демонов, не удержался я от реплики, как-никак в свое время сдавали экзамены по марксизму-ленинизму.

Он не отреагировал на мои слова и продолжал рассуждать о таких высоких материях, что я перестал что-либо понимать. Один фрагмент, правда, был забавен. Речь шла о том, что Дима называл локальными возмущениями или инкарнационной интерференцией. Он пояснил, что в свое время истинными иудеями себя считали английские пуритане, затем американские сектанты. Нечто подобное имело место и в нашем столетии. Так, возникший в начале тридцатых годов на Ямайке культ растафари обожествлял эфиопского

негуса Хайле Селассие I. Растаманы утверждали, что Библия изначально была создана на амхарском языке, а затем ее перевели на другие языки, извратив, естественно, смысл. А что касается избранного народа, о коем говорится в Ветхом Завете, так это эфиопы. От эфиопов Дима плавно перешел к арийцам, коими в последнее время объявляли себя все кому не лень, а потом снова вернулся к китайцам. Истинные же китайцы, коими мы являемся, сказал он, должны выполнить свое историческое предназначение в великой битве демонических сил. Это страшная битва, потому что она как бы и не ведется вовсе. Образно говоря, когда два равных по силе борца сцепились в решающей схватке друг с другом, то со стороны они кажутся застывшими, потому что первое же неверное движение любого из них окажется роковым. Вот они и напрягают свои силы, чтобы удержать смертельное равновесие на краю обрыва, внизу застыли в таких же гибельных объятиях демоны помельче, а в небесах состыковались омерзительно могущественные силы, о коих не то что сказать, но и помыслить страшно. Есть в этом континууме место и нам...

Тут я вспомнил рассуждения Валуна о древнеегипетских богах. Дима немного подумал, а потом сказал, что допускает факт возникновения первой государственной души именно в Древнем Египте, поскольку не хочет прибегать к фантастическим гипотезам об Атлантиде или там какой-нибудь вонючей Лемурии. Затем эта госдуша членилась, как яйцеклетка, до определенного момента, пока в силу некой высшей симметрии (возможно, существует закон парности душ, об этом догадывались многие) не наполняла собой астральное пространство, ноосферу, минус-поле Дирака... кому как нравится. Ах, ты не хочешь прибегать к фантастическим гипотезам, не выдержал я и, перебив его, спросил: как все эти конструкции связаны с

фантастикой? Какое имеют отношение все эти так называемые рокировки к нашей литературе? Следует ли из этого, что мы вышли не из гоголевской шинели, а, скажем, из халата Пу Сун-лина? Дима холодно улыбнулся и ответил, что из шинели могут выйти только вши. Из халата, впрочем, тоже. А к нашей жизни это имеет самое непосредственное отношение. Каждый из нас застыл в бесконечной схватке — от философа до сантехника. Это повелось, наверное, еще от амеб. Все живое или неживое может существовать, как говорится, в единстве и борьбе противоположностей, а единство в борьбе — суть недвижимость. С фантастикой же дело обстоит хитрее. Для каждого конкретного «единоборца» его противник асимметрично ирреален, поскольку альтернативой солипсизму является безумие. Но фантастика порождает симметрию ирреальности, что совершенно неестественно для мироздания. Возникает вектор силы, вызревает опасность движения...

Мне все эти бредни изрядно надоели. Он между тем рассуждал о том, что у американцев скорее всего вообще нет государственной души, отсюда и потуги ее субституции, замещения — показной патриотизм, стремление доминировать во всех областях и т. п. Неизвестно также, есть ли у американцев и персональные души. Не исключено, что попытки построить рай на земле (он же — Сияющий Град на Вершине Холма) приведут их лишь к очередной Вавилонской башне — душепроводу на небеса. Отсюда, кстати, и бурное развитие американской фантастики, ее претензии на мировую гегемонию — если нет движения вглубь, то приходится расплываться вширь, как нефтяное пятно.

Я устал от его идей и прямо спросил, узнал ли он что-либо новое об исчезновении Валуна и где обещанная интересная информация.

Ах это, загрустил он, сейчас, сейчас... И с этими словами откнутил от стены цветную фотографию из журнала «Китай». Вот, сказал он, здесь все. Я пригляделся. Известная картинка, подпись: «Многотысячная армия терракотовых воинов и лошадей была обнаружена в погребальной яме близ захоронения императора Цинь Шихуана (221–207 г. до н.э.).

Шеренги глиняных солдатиков в полный человеческий рост стояли ровными рядами, готовыми вступить в битву. Там же находились терракотовые кони, колесницы. Ну и что? Я непонимающе пожал плечами.

Дима посоветовал внимательно всмотреться в лица. Он сказал, что сжигание книг и построение стен — всего лишь бой местного значения, а битва продолжается по сей день и будет продолжаться вечно. Застывшим воинам кажется, что идет жаркая схватка, реют знамена, полководцы изощраются в стратегии и тактике, а в обозе их ждут еда и шлюхи. Так оно и есть в некотором смысле, поскольку нет никакой разницы между ними и нами. Все наше копошение — лишь отражение этой войны. Что мы, что эти терракотовые бойцы — суть одно. С этими словами он уставил палец на меня жестом совершенно неприличным.

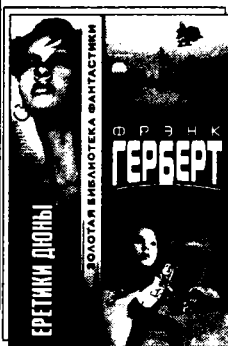
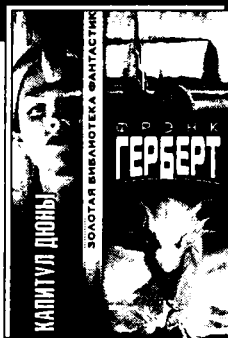
Что же касается Валуна... Тут он извлек откуда-то большую лупу, вручил мне и ногтем показал на одну из фигур. Я пригляделся и застыл — ну вылитый Валун. Затем я перевел взгляд на его глиняных соседей — вот это двойник одного писателя из Киева, этот — копия маститого новосибирского фантаста, питерские стоят отдельно, держась кучкой, а москвичи разбросаны по колоннам. Я чувствовал, как у меня деревенеет шея и каменеют мышцы, но не мог оторвать взгляд от бесконечных фигур, скользя по лицам и с ужасом ожидая, когда наконец обнаружу себя...

Апрель — май 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Правила игры без правил	5
Черный стерх	109
До зимы еще полгода	207
Чем вымощена дорога в рай?	235
Прощай, сентябрь!	287
Книги мертвых	313
Бойцы терракотовой гвардии, или Роковое десятилетие отечественной фантастики	343

ДЮНА

В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:
«Дюна»

«Мессия Дюны»

«Дети Дюны»

«Бог-Император Дюны»

«Еретики Дюны»

«Капитул Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевинном Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в начале 2001 года в серии «Золотая библиотека фантастики»
первый роман трилогии — «ДОМ АТРЕЙДЕСОВ»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы можете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81
(магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.

Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Литературно-художественное издание

Геворкян Эдуард
Правила игры без правил

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Н.К. Чернова

Подписано в печать 27.12.2000.
Формат 84×108^{1/2}. Уел. псч. л. 20,16.
Тираж 13000 экз. Заказ № 110.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
“Самарский Дом печати”
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

ISBN 5-17-004951-X

9 785170 049516

Это — лучшие повести и рассказы Эдуарда Геворкяна. Фантастические донельзя. Парадоксальные — и парадоксально интересные. Произведения, которые читаются на одном дыхании и — **ЗАСТАВЛЯЮТ** — возможно, не сразу, — снова и снова **ЗАДУМЫВАТЬСЯ О ПРОЧИТАННОМ**.

Потому что это — «Черный стерх». И осата-невшее от жестокости бытие разрушает для мальчишки мир обычный — и топит его в водвороте мира иного...

Потому что это — «До зимы еще полгода». Иной и странный взгляд на историю «Черного стерха».

Потому что это — «Правила игры без правил». И кто-то — **ЗАЧЕМ-ТО** — похищает подростков, успевших научиться жить без жалости. Ибо молодые и безжалостные воины — всегда в цене...

И — многое, многое еще.

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д А Н Ы Й